3

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ДНЕВНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ СОБЫТИЙ
- КРИЗИС ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ
- ПРИСМОТРИТЕСЬ К МАРЧЕНКО
- ПОЖИЛОЙ ПРИЗРАК. КОММУНИЗМ 80-Х ГОДОВ
- ИМПЕРИЯ ЛЖИ
- ПЕРЕКОВКА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ И ЮГО-ЗАПАДЕ
- НАС ТЬМЫ И ТЬМЫ
- КОНВЕЙЕР КОРРУПЦИИ
- АРХИВ. ВЫДВОРЕНИЕ ТРОЦКОГО
- КОСМИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
- ПРОГУЛКА С ЕРЕТИКОМ
- ЖЕНЩИНА В МИРЕ ТАРКОВСКОГО
- ГЕНРИХ БЕЛЛЬ О ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
- ХУДОЖНИК В КВАРТИРЕ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

1984

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучиньский, Г.Ферон (Париж),. М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок. Подписка по адресу редакции в течение всего года. Подписная плата производится чеком или перечислением на банковский или почтовый счет. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением, выраженным автором. Все права сохраняются за авторами. Отвергнутые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник 1
Вести из СССР 16
В.Марченко. Письмо к деду 18
Л.Алексеева. Правозащитное движение. Этика и политика 21

Л.Колаковский. Тоталитаризм, или величие лжи 26
Коммунизм: 80-е годы 33
Нота посольства Вьетнама организации "Международная амнистия" . 39
Из газет: 50 лет назад 40
Памятник Неизвестному политзэку 41
Из газет: 50 лет назад 42
Архив. Изгнание из Эдема 43

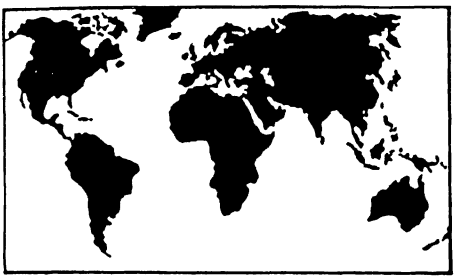
Р.Шапиро. Коррупция как метод руководства 54
Из газет: 50 лет назад 56
Дж.Оберг. Что ждет советских космонавтов? 57
С.Максудов. Демографические очерки. 1. Численность русского народа 66
Самиздат 69

Г.Померанц. Страстная односторонность и бесстрастие духа. Статья вторая 70
А.Тарковский. Дождь — это просто дождь... 79
Л.Друскин. Ладо Гудиашвили 84
Б.Хазанов. Писатель в кругу героев 90
Г.Белль. Жестокий мир свободы 92

Уточнения. Письма. Заметки 96

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, München 40, BRD.
Tel. 272 18 99; 272 28 99.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В политике ни в чем нельзя быть до конца уверенным. Перед встречей глав европейских государств и правительств в Брюсселе 19 и 20 марта все говорили, что эта конференция – последний шанс. Но этот шанс реализовать не удалось. Остается только одно: подготовить новую конференцию "последнего шанса". И конца этому не видно. Однако Европейское Сообщество не обладает достаточными финансовыми средствами, чтобы далее пребывать в состоянии летаргического сна.

Стоящая перед Европой проблема, – если перевести ее с хитроумного жаргона, принятого в брюссельских канцеляриях, на нормальный и каждому доступный язык, – довольно проста.

Все десять государств, являющихся членами Сообщества, должны покупать друг у друга необходимые им товары, соблюдая правила взаимного благоприятствования. На эти товары таможенные сборы снижены, а скоро должны быть и вовсе отменены. Таков смысл понятия – "Общий рынок". Если какая-либо страна покупает такие же товары за пределами Общего рынка, она вносит соответствующий налог в кассу Сообщества.

Уже десять лет, как Великобритания является членом ЕЭС. Пока генерал де Голль был у власти, он противился ее присоединению. Во-первых, по политическим причинам – он считал, что лондонское правительство в большей степени связано с Америкой, чем со Старым светом; во-вторых, по причинам экономическим: связи Англии со странами Британского содружества слишком сильны, она не может отказаться от торговых связей с ними, например с Австралией или Новой Зеландией. Генерал считал, что, если Великобритания хочет войти в Сообщество, она должна принять предложенные правила игры, не требуя иного, специально для нее созданного устава.

Но постепенно все признали, что участие Великобритании в ЕЭС необходимо для европейского равновесия: в противном случае удельный вес Германии в Европе мог бы оказаться слишком большим. Тогда был найден временный компромисс. Великобритания должна была платить налог на все товары, купленные за пределами Общего Рынка; но, учитывая своеобразие ее положения, вследствие которого ей это обошлось бы слишком дорого, было решено ежегодно возмещать ей часть ее расходов.

Дискуссии вокруг этого компромисса приобрели особо ожесточенный характер после прихода к власти Маргарет Тэтчер. Наполеон презрительно называл Англию нацией торгашей. Это бранное определение несправедливо: в конце концов, общество без "торгашей" – зловещее общество. Но М.Тэтчер ожесточенно борется за каждый грош. Она хочет быть уверенной в том, что суммы, которые ее страна вносит в общую кассу, будут в значительной мере возмещены, и к тому же – автоматически. Ее партнеры понимают дело иначе. Да и может ли Общий Рынок существовать, если каждый из его членов откажется вносить причитающиеся с него суммы?

На это английский премьер-министр отвечает, что Европейское Сообщество живет не по средствам. Что оно расходует слишком много денег для поддержания стабильных цен на сельскохозяйственные товары. И что ему, следовательно, нужно вести более скромный образ жизни.

Дискуссии на эту тему осложняются тем, что каждая страна, являющаяся членом Сообщества, обладает правом вето. В принципе этим правом пользуются лишь при решении жизненно важных вопросов, но какой именно вопрос жизненно важен – каждый решает сам. В таких условиях достигнуть компромисса нелегко. Надо думать, что споры станут все более горячими по мере приближения выборов в Европейский парламент, назначенных на июнь.

За последнюю треть столетия серьезно изменилось соотношение сил в мире, и, прежде всего, – в Европе. К концу Второй мировой войны

страны Старого света были разорены и обессилены, независимо от того, в каком лагере они оказались – победителей или побежденных.

Те столицы, которые до 1939 г. были уверены, что они делают погоду на всей планете, с грустью обнаружили справедливость пророчества Алексиса Токвиля, высказанного им сто лет назад: "В настоящее время на земном шаре есть лишь два народа, которые, начав свой путь от разных точек, движутся к одной и той же цели: это – русские и англо-американцы... Их исходные точки различны, их пути несхожи; и все-таки каждый из них, повидимому, призван Провидением овладеть когда-нибудь судьбами полумира".

Но в конце сороковых годов Америка поставила перед собой, помимо других, важную цель – восстановить Западную Европу, или, скорее, демократическую Европу. Соединенные Штаты были готовы платить по счетам (в этом и состоял план Маршалла) с условием, что европейцы сами организуют свою жизнь. США, американцы мало что понимали в национальных проблемах Старого света, или, во всяком случае, не придавали им того значения, какое им придают сами европейцы. США мечтали о том, что возникнут Соединенные Штаты Европы.

Разумеется, их план был не вполне бескорыстен. Если они шли на риск, создавая себе конкурента, то делали это потому, что считали необходимым во имя собственной безопасности создать в этой части мира плотину, способную сдержать вожделения Советского правительства.

Их программа соответствовала почти утопическим намерениям ряда деятелей того времени, пытавшихся основать некое "европейское отечество". Первые камни еще скромного, но вполне реального фундамента такой Европы были заложены 9 мая 1950 г., когда французский министр иностранных дел Робер Шуман предложил создать "Сообщество угля и стали". Так родилась Европа шести: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург.

Тогда в центре внимания была политическая сторона этого плана. Личная судьба Робера Шумана проливает свет на его намерения. Лотарингец по происхождению, он до войны 1914–1918 годов был подданным Германии и получил немецкое образование. После Первой мировой войны он, естественно, стал французом. Он никогда не ставил под сомнение свою принадлежность к Франции, но никогда не отрекался и от той части германской культуры, которая в нем была заложена. В глубине души он был даже убежден, что обе мировые войны имели в известном смысле характер европейской "гражданской войны", и что после них необходимо способствовать франко-германскому сближению. Угольно-стальной трест был первым орудием такого сближения.

Через 5 лет после окончания Второй мировой войны воспоминания о нацистском варварстве были еще живы, и о сближении говорить было трудно. К тому же среди тех, кто собирался создать единую Европу, уже тогда определились два течения. Одни стремились прежде всего к укреплению "свободного мира": ясно, что для этого Европа должна была теснейшим образом связать себя с США. Другие стремились восстановить равновесие сил в мире и создать совершенно независимую Европу.

Проблема европейской армии оказалась тяжелым испытанием для проекта единой Европы. После начала Корейской войны, в 1950 г. американцы стали более, чем когда-либо, опасаться советской угрозы. Чтобы ей противостоять, они предложили европейцам согласиться на вооружение Западной Германии. Но, спустя всего лишь 6 лет после ужасов оккупации, этого нельзя было требовать от людей, воевавших против гитлеровского Рейха. Тогда некоторые политики решили позолотить пилюлю, выдвинув идею европейской армии: национальной германской армии не будет, но германские вооруженные силы составят часть новой европейской армии.

Провести никого не удалось. Те, кто был противником перевооружения Германии, не могли согласиться и на то, чтобы это перевооружение осуществилось в замаскированном виде. Другие ставили вопрос гораздо более фундаментальный: до сих пор Европа существовала лишь в качестве Угольно-стального треста; возникновение европейской армии привело бы к существенным изменениям. В чьих руках окажется командование этими вооруженными силами? Кто будет устанавливать план их действий, вырабатывать для них директивы? Многие напоминали, что всякая армия может представлять опасность, если она не подчинена какой-либо твердой власти; в конце концов, этот проект был отброшен. Те, кто придумали европейскую армию, чтобы избавиться от сложной германской проблемы, нанесли идее единой Европы удар, от которого она, казалось, оправиться не могла.

Тем не менее, задержка продолжалась недолго. Вскоре шестеро членов-основателей пришли к заключению, что Угольно-стального треста недостаточно, и что провал затеи с европейской армией не должен их обескураживать. Так возник "Римский Договор". Общий Рынок поставил перед собой в качестве основной задачи выработку и осуществление единой сельскохозяйственной политики (расходы на сельское хозяйство представляют собой 2/3 бюджета Европейского Сообщества). В дальнейшем была создана и Европейская денежная система. Но расширение Сообщества вызвало настоящий кризис роста.

На географической карте шестеро членов-основателей образуют некое единство. Начиная с 1972 г., к Сообществу присоединилось еще несколько членов, отделенных от основного ядра морем (Великобритания, Ирландия и, в меньшей степени, Дания) или другими странами

(Греция). Расширение нарушило географическое единство. Порою приходилось искать если не лучшие решения, то, по крайней мере, наименее плохие. Так, Греция была принята в Сообщество не потому, что ее экономическое участие являлось необходимым, а скорее потому, что европейцы считали: приняв ее в свою среду, они способствуют восстановлению демократии после падения диктатуры полковников. Тот же политический довод действует в пользу присоединения Испании и Португалии, хотя средиземноморские члены Европейского Сообщества едва ли заинтересованы в том, чтобы предоставить своим конкурентам преимущества О б щ е г о Рынка.

Расширение повредило и политическому единству. Несмотря на различия в политическом устройстве, шестеро стран-основательниц пытались занимать общие позиции по центральным международным вопросам. Если участников десять, это гораздо труднее. Так, например, когда речь идет о том, чтобы выразить осуждение или просто сожаление о тех или иных поступках стран социалистического лагеря, то Греция обычно отказывается принимать в этом участие.

Но все же, в целом итоги деятельности Сообщества ничуть не отрицательны. За четверть века Европа практически осуществилась. Министры и высокопоставленные чиновники встречаются по всем поводам; они привыкли работать совместно, почти что изо дня в день, и у них образовалось нечто вроде общего мироощущения, которое сразу после войны было немыслимо.

И эта Европа составляет единство, которым уже нельзя пренебрегать. Она насчитывает 272 млн. жителей, тогда как в Советском Союзе 268 млн., а в Соединенных Штатах – 230 млн. Она является первым экспортером мира. Вот почему ни Маргарет Тэтчер, ни ее противники, в сущности, нисколько не желают потерять то, что уже существует.

Пока Европа занята своими проблемами, США уже находятся практически в разгаре избирательной кампании. И если у республиканцев все ясно: президент Рейган намерен остаться у власти на второй срок, то настоящее сражение разыгрывается в демократическом лагере. Может быть, победитель, которого должен назвать съезд демократов, останется неизвестен впредь до последних первичных выборов в июне. В начале года большинство американских обозревателей предсказывало успех без боя Уолтеру Мондейлу, бывшему вице-президентом при Картере.

Из семи человек, выдвинувших свою кандидатуру от демократической партии, только один мог, казалось бы, быть его соперником – сенатор Гленн. Эти два человека имели на руках козырные карты, особенно Мондейл, которого поддерживал аппарат Демократической партии и профсоюзов. Поэтому он мог истратить на предвыборную кампанию больше денег, чем любой из его соперников. Зато на стороне сенатора Гленна – легенда. До того, как заняться политической деятельностью, он был одним из первых американских астронавтов. Уж не он ли, покоритель космоса, первым ступивший на Луну, тот самый герой, которого ожидает народ? К тому же он проповедовал умеренность, что обеспечивало ему голоса "золотой середины", которая при двухпартийной системе решает исход выборов. Впрочем, публика вскоре раскусила то, что знали посвященные: у бывшего астронавта умеренность служила лишь прикрытием его серости.

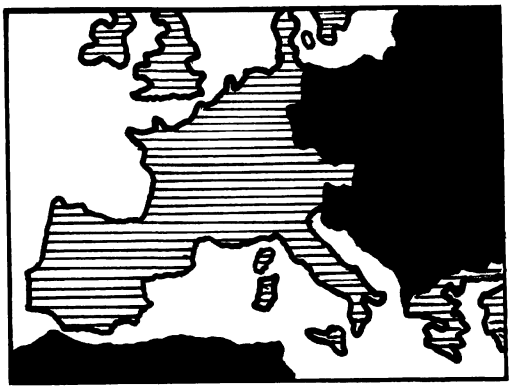
Но вот появился еще один кандидат, которого никто не ждал – Гэри Харт, сенатор из Колорадо. У него не было финансовой базы Мондейла, за ним не числилось ни подвигов, ни даже просто карьеры. Однако с первых же первичных выборов он вытеснил сенатора Гленна, и вскоре стал самым серьезным соперником "самому" Мондейлу.

Его противники упрекают его в том, что он не выдвинул никакой программы. Наиболее ожесточенные обвиняют его в полном отсутствии идей. Это правда: он высказывается смутно. Помогло ли ему, что он более телегеничен, чем другие? Конечно, но это еще не все. По существу, избиратели скорее интересуются темпераментом кандидата, чем его программой, и может быть, они не так уж неправы... История знает немало государственных деятелей, которые меняли свои программы на ходу, но кто и когда изменил свой темперамент? Будущий папа Иоанн XXIII, в ту пору апостолический нунций во Франции, на свой лад констатировал этот факт в беседе со старым радикалом (в юности – антиклерикалом) Эррио: "Господин президент, нас разделяют только идеи".

В ходе первичных выборов избиратели голосуют за того, у кого наилучшие данные. За того, кто, как им кажется, воплощает надежды общества. У Мондейла есть опыт, которого нет у Харта. Правда, опыт не всегда такое уж преимущество; бывший вице-президент может вызвать воспоминания, которые не всегда пойдут ему на пользу.

Харт, в сущности, не моложе своего соперника, но считается, что он представляет следующее поколение. Он производит впечатление нового человека. Уж 10 лет как Америка питает слабость к "новым": непонятно откуда взявшийся Картер; Рейган, которого никто раньше не мог себе представить в Белом Доме... Быть "новым", конечно, недостаточно, нужно иметь вид потенциального победителя. Харт стал приобретать серьезный вес, когда опрос населения показал, что он единственный из демократов, кто способен победить Рейгана. ●

Г.Ферон



ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОНИ БЕННА

1 марта в избирательном округе Честерфильд состоялись дополнительные выборы в парламент. Дополнительные выборы в Великобритании выполняют роль политического барометра, который определяет степень популярности правительства и оппозиционных партий в период между всеобщими выборами. Но на этот раз выборы, объявленные в связи с уходом из политической жизни умеренного лейбористского депутата Варли, сделались политическим событием благодаря тому, что одним из семнадцати кандидатов был Тони Бенн. Тони Бенн, или, именуя его полным именем, Энтони Веджвуд Бенн – одна из наиболее ярких фигур в политической жизни Великобритании. Он лидер левого, марксистского крыла лейбористской партии, ярый поборник социализма, талантливый оратор и демагог. "Демократия" – наиболее часто употребляемое слово в лексиконе Тони Бенна. Но часто смысл, который он вкладывает в это слово, не соответствует традиционным представлениям англичан о демократии.

Тони Бенна ненавидят, обожают, его опасаются и перед ним преклоняются. Из своих 58 лет жизни 33 года он был депутатом парламента, но на последних парламентских выборах в июне прошлого года, отчасти в результате общего поправения избирателей, отчасти из-за реорганизации избирательных округов, потерял свой мандат. Лишь один раз до этого – в начале шестидесятых годов – карьера лейбористского депутата парламента Энтони Веджвуд Бенна оказалась под угрозой: он унаследовал титул виконта Стэнсгэйта и, по английской конституции, должен был автоматически перейти в Верхнюю Палату – Палату Лордов. Это противоречило всем его политическим принципам и лишало его возможности активной политической деятельности. Со свойственной ему энергией в 1963 году Энтони Веджвуд Бенн провел через парламент закон о пэрстве, позволяющий наследственным лордам отказываться от своих титулов. Тем самым виконт Стэнгсэйт избежал ссылки в Палату Лордов и снова превратился в Тони Бенна – депутата парламента от округа Бристоль. В лейбористском правительстве он занимал несколько важных министерских постов. В борьбе между левым и правым крылом, раздиравшей партию в последние годы, Тони Бенн – лидер радикалов – играл важную и далеко не конструктивную роль.

Поражение Тони Бенна на последних всеобщих выборах и его вынужденный уход от активной парламентской деятельности дали новому лидеру лейбористской партии Нийлу Киннoку девятимесячную передышку. За это время ему удалось несколько сгладить раздиравшие партию противоречия. Сам Киннок, до своего избрания на пост лидера партии, придерживался левых взглядов, но, встав во главе деморализованной и побитой лейбористской партии, он сосредоточил все свои усилия на восстановлении ее единства. Эта задача требовала способности идти на компромиссы и проявлять умеренность – качества, которыми, как выянилось, Нийл Киннок обладает. У Бенна подход совершенно иной. Вся бурная история его деятельности в лейбористской партии показывает, что ради незыблемых принципов социализма, глашатаем которых Тони Бенн себя ощущает, он, не задумываясь, принесет в жертву не только единство партии, но и многое другое. Социалистическая программа Тони Бенна и его последователей обширна и бескомпромиссна. Он – за выход Великобритании из Европейского Экономического Сообщества, за одностороннее разоружение и выход из НАТО, за повальную национализацию, за ограничение королевской власти и за упразднение Палаты Лордов. В отношении Палаты Лордов у него есть конкретный и циничный план, который он обнародовал несколько лет назад. Придя к власти, лейбористы, – согласно этому плану, – должны произвести в пэры тысячу своих сторонников, которые проголосуют за самоупразднение.

Говорят у Тони Бенна есть чувство юмора, и, возможно, его план расправы с Палатой Лордов – это лишь одна из его шуток. Но главная черта Бенна – свойство, которое он сам называет социалистическим оптимизмом. Вот один из примеров социалистического оптимизма Тони Бенна. После сокрушительного поражения лейбористской партии на последних всеобщих выборах Тони Бенн заявил, что результаты выборов продемонстрировали убедительную победу сил социализма: 8 миллионов избирателей проголосовали за социалистическую программу лейбористов. Социалистический оптимизм помог ему, видимо, забыть, что почти половина всех избирателей подали голоса за консерваторов, дав им абсолютное большинство в Парламенте и что он сам, в результате все тех же выборов, потерял свой парламентский мандат.

Одержав победу на дополнительных выборах, Бенн сказал, что его возвращение в парламент – это триумф всех страстных борцов за социализм. Однако некоторые, вероятно, менее страстные борцы и более прагматичные члены лейбористской партии относятся к возвращению Тони Бенна без особого энтузиазма, опасаясь, что он нарушит неустойчивое единство партии.

Зато консерваторов избрание Тони Бенна явно порадовало. Экстремизм в любом его проявлении претит англичанам. В народе Бенна и его последователей ("беннитов") называют "чокнутыми леваками", и если Бенн снова расшатает партию или если его крыло одержит победу внутри партии, это лишь укрепит шансы консерваторов на дальнейшие победы на всеобщих выборах.

Либералы тоже должны быть втайне довольны избранием Бенна. Его возвращение может привлечь более умеренных лейбористов к политическому центру – Альянсу либералов и социал-демократов.

Было бы несправедливо обойти молчанием остальных четырнадцать кандидатов на честерфилдских выборах, хотя бы потому, что в первый, и, возможно, в последний раз в одном округе выставили свои кандидатуры столько партий. В Великобритании любой человек может сделаться кандидатом – заплати задаток в 150 фунтов, и тебя заносят в избирательный бюллетень. Практически шансы на успех имеют только кандидаты крупных политических партий, но задаток возвращается, если кандидат набрал не меньше 12,5% всех голосов. В последнее время стало появляться все больше эксцентриков, готовых расстаться со своими ста пятьюдесятью фунтами и повеселить себя и других. Они действительно вносят некоторое разнообразие и карнавальное оживление в предвыборную кампанию. Взять хотя бы названия некоторых таких партий, которые, кстати сказать, чаще всего состоят из одного человека – самого кандидата. Например, Лорд Сатч (титулом он наградил себя сам). Он представляет партию, которая называется "Официальная партия взбесившегося монстра". На честерфилдских выборах Лорд Сатч получил 178 голосов (против 24 633, отданных за Бенна). Не так уж плохо. С меньшим успехом участвовали в выборах такие партии, как "Долой смерть с дорог", "Пощаду Земле", "Независимый валлиец", "Партия Элвиса Пресли" и другие человеко-партии, чьи названия просто непереводимы.

Но этому пестрому обилию кандидатов, кажется, приходит конец. Правительство собирается провести закон, по которому задаток кандидата будет поднят до 1 000 фунтов. А потеря тысячи фунтов – это уже не шутка. ●

М.Филлимор

●

1 марта истек назначенный правительством крайний срок подачи заявлений с отказом от членства в профсоюзе для сотрудников секретного правительственного коммуникационного центра в Челтнеме. Подавляющее число сотрудников в конце концов подписали такие заявления в обмен на 1 000 фунтов стерлингов отступного. Лишь 150 из 7000 сотрудников, отказались это сделать. Маргарет Тэтчер была великодушна в своей победе. Она поблагодарила всех, кто принял правительственные условия и сказала, что понимает, что для многих решение было нелегким. Профсоюз государственных служащих пытается сейчас найти способ какой-то организации оставшихся членов профсоюза, избегая, впрочем, самого слова "профсоюз".

Между тем, правительство и администрация коммуникационного центра решили, судя по всему, пока не переводить на другую работу и не увольнять тех, кто не захотел расставаться с членством в профсоюзе. Правительство не желает, видимо, обострять конфликт с Конгрессом Британских Тредюнионов, пригрозившим всеобщей забастовкой в случае, если хоть один сотрудник правительственного коммуникационного центра будет уволен за отказ выйти из профсоюза. О сути и причинах этого конфликта мы сообщали в предыдущем номере.

Тем не менее, Маргарет Тэтчер и ее правительство одержали явную победу, хотя победа эта стоила некоторой потери популярности. По результатам опроса общественного мнения две трети опрошенных избирателей несогласны с правительственным решением. Только 26% всех опрошенных одобрили действия премьер-министра.

М.Филлимор

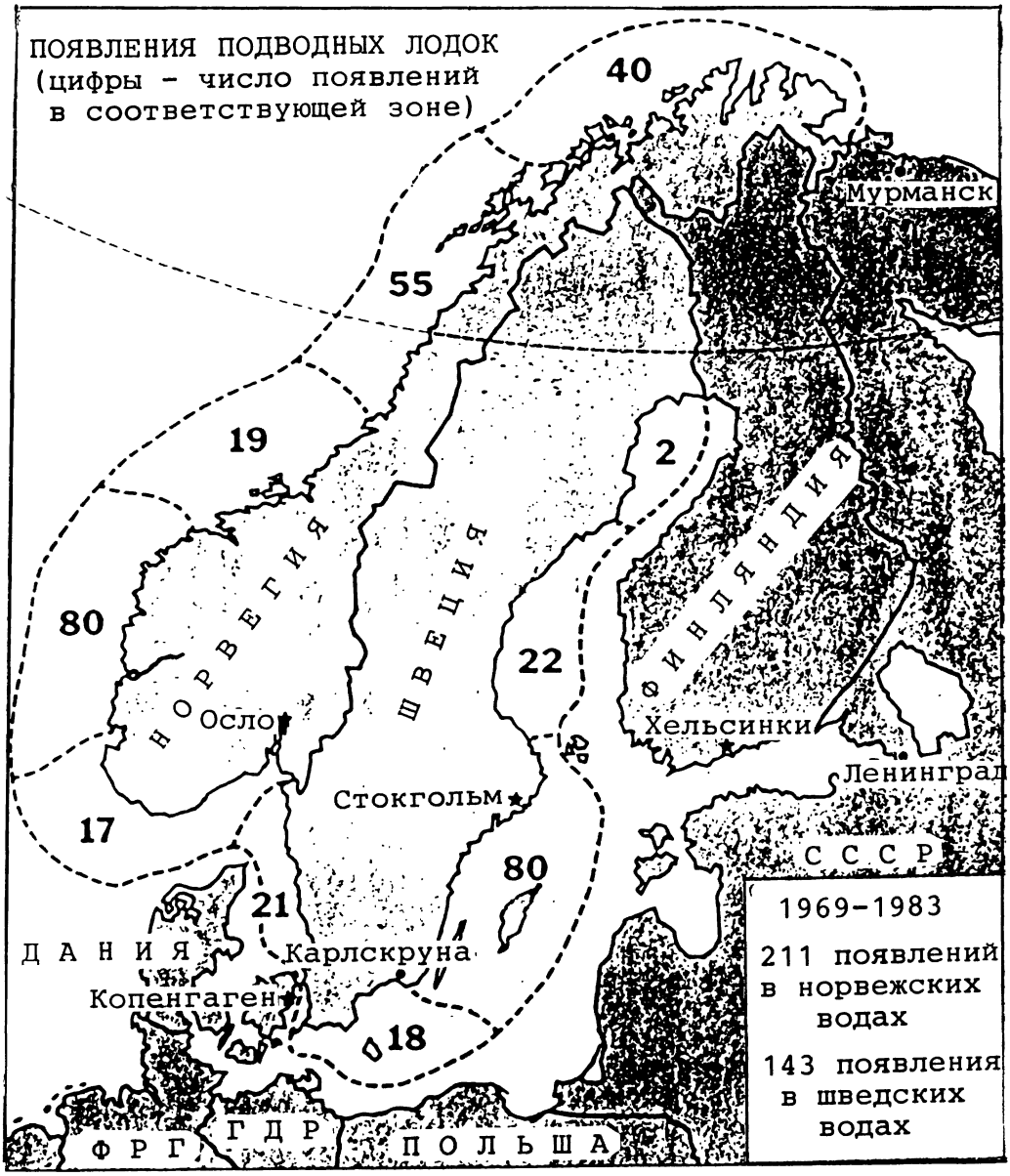
●

ШВЕЦИЯ: СНОВА ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ?

В ночь с 3 на 4 марта 1984 г. в Швеции произошло чрезвычайное событие: шведские солдаты открыли огонь по предполагаемому противнику. Такого не было на шведской территории с 1809 г.

Противником был (или мог быть) член команды иностранной подводной лодки, водолаз, вышедший на берег. Впрочем, до сих пор точно неизвестно, по кому был открыт огонь.

Охота за иностранной подводной лодкой в районе Карлскруны ведется с 10-го февраля. В этом районе расположена одна из секретных военно-морских баз страны. Неудивительно, что для Советского Союза этот район представляет особый интерес. В октябре 1981 г. здесь, в Карлскруне, была обнаружена советская подлодка У-137, севшая на мель. Для шведов это была поистине счастливая случайность – иначе, пожалуй, им не удалось бы захватить подлодку "в плен".



Некоторые специалисты военно-морского дела полагают, что многократные случаи охоты за неопознанными подводными лодками заканчивались для шведов неудачно потому, что их ВМС не имеют необходимого для этого современного военного оборудования.

В Балтийском море СССР располагает 45 подлодками (из них 6 с ядерным оружием), ФРГ – 24, Швеция – 12, Дания – 5 (данные на апрель 1983 года). Неизвестно, сколько у Советского Союза мини-подлодок (в советской военной печати они называются "сверхмалыми подводными лодками"). Возможно, эти мини-подлодки и были замечены в районе Карлскруны в феврале.

Согласно официальным шведским отчетам, советские подводные лодки нарушали шведские территориальные воды в 1980 году 9 раз, в 1981 – 10, в 1982 – 40; осенью 1983 – 16. Конечно, не всегда может быть достоверно доказано, что эти лодки – советские, но и логика, и прецеденты указывают на восточного соседа.

Когда советская подводная лодка У-137 была

обнаружена, то, допросив ее капитана Петра Гущина, шведы отпустили ее с миром восвояси. Трудно себе представить, чтобы СССР поступил аналогичным образом с иностранной подлодкой, обнаруженной, скажем, в Ленинграде.

Сбрасывая глубоководные бомбы возле предполагаемого местонахождения иностранной подлодки, шведы, кажется, более всего озабочены тем, как бы не уничтожить эту лодку, как бы не убить людей. "Потопить подлодку с полсотней человек в мирное время – это было бы нелепо", – сказал один высокопоставленный шведский морской офицер.

4 марта шведское телевидение в программе последних известий, сообщив о стрельбе в районе Карлскруны, показало местный собор, где священник вместе с паствой молился в тот вечер за "чужеземцев", за их жизнь. И с того дня каждое богослужение заканчивается в Карлскруне молитвами за экипаж иностранной подводной лодки.

Сравним это с убийством 269 пассажиров корейского авиалайнера над Сахалином. Советское правительство тогда официально подтвердило, что для него "нерушимость границ" священней человеческих жизней. ●

Б.Вайль

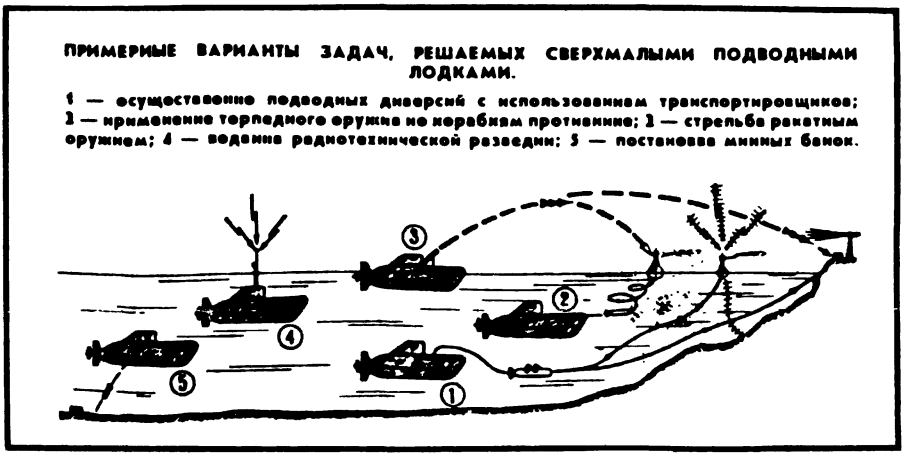


Рисунок и текст из советского журнала "Техника и вооружения."

ФРГ: КРИЗИС "ЗЕЛЕНЫХ"?

"Экологическая Демократическая Партия", ФРГ гораздо более известная под названием партии "Зеленых", возникла, казалось, стихийно. Появление ее явно отвечало назревшей потребности. Иначе трудно объяснить столь сильный отклик, который получила новая партия среди западно-германского населения, уставшего от прагматизма и профессионализма в политике. Дело не только в том, что "Зеленые" хотели спасти природу, включая человека, от любого зла, и, прежде всего, от атомной смерти. Дело в том, что они заговорили совсем иным языком, чем все доныне существовавшие партии, во многом похожие друг на друга.

О завоевании власти "Зеленые" при основании своей партии (в январе 1980 г.) не думали, свою силу они видели в оппозиции. Эту свою силу они уже испытали, будучи еще стихийным движением, так называемой "внепарламентской оппозицией", объединяющей неимоверное количество общественных групп, называющих себя "гражданскими инициативами". "Инициативы" эти были различного характера: против атомных реакторов, против загрязнения воздуха, против ядерного оружия, против построек автострад, разрушающих природу, одним словом, против всего, до чего данному правительству, как им казалось, – не было дела. Правительства (опять-таки, как им казалось) были заняты лишь одним: как бы остаться у власти. И поскольку партия, приходящая к власти, часто забывает про то, что она говорила, будучи в оппозиции, "Зеленые" единогласно решили: нам власти н е н а д о.

Это было четыре года назад. Накануне выборов в бундестаг в 1983 г. "Зеленые" объявили, что они принесут с собой новый демократический дух, лишенный бюрократизма и карьеризма. Было решено что "зеленые" парламентарии будут сменяться каждые два года, чтобы избежать установления политического профессионализма и "не оторваться от народа". Суть демократии, по мнению "Зеленых", состоит в том, что народ все должен решать сам, а не передоверять принятие решений своим, даже избранным представителям.

Над "Зелеными" много смеялись. Но когда они при выборах в бундестаг год назад, совершенно неожиданно для всех и, в особенности, для самих себя, получили 5,3% голосов всего населения, позволивших им войти в состав бундестага, смех прекратился. Особенно это встревожило Свободно-Демократическую Партию, сходящую на нет и доживающую свой век в качестве коалиционного партнера то социал-демократов, то христианских партий. Появление в бундестаге еще одной маленькой партии угрожало исключительному положению СвДП, как единственной партии, в любом случае находящейся у власти. Встревожились и социал-демократы, обнаружившие, что голоса части населения, по традиции всегда принадлежавшие им, в особенности голоса пацифистов, теперь достались "Зеленым". В бундестаге все партии без исключения заговорили о загрязнении воздуха, о кислом дожде, о вымирании лесов, вспомнив и подняв на щит многие из лозунгов "Зеленых". Но почему-то, чем дальше шло время, тем чаще члены традиционных партий и журналисты стали пророчить "Зеленым" скорую неминуемую гибель.

Увы, это мнение не было лишено основания. Как у любых политиков-идеалистов, так и у "Зеленых", слабость состояла именно в том, в чем, казалось, была их сила: в идее, оказавшейся на практике неосуществимой. С того момента, как "Зеленые" вошли в состав бундестага, власть перестала казаться им столь отвратительной, как до этого.

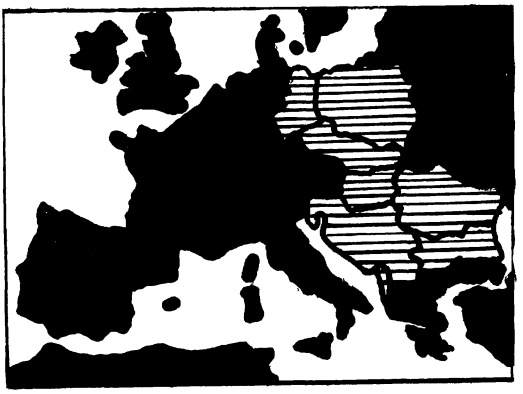
Началось с того, что "Зеленые", входящие также и в состав парламента земли Гессен, решились пойти хоть и на минимальное, но все же сотрудничество с социал-демократами. Это повлекло за собой дискуссию о том, допустимо ли в принципе сотрудничество с социал-демократами и в бундестаге. Вопрос щекотливый, поскольку подобное сотрудничество требует готовности к компромиссам, а это таит в себе опасность стать "такими же как все". К какому решению придут в этом вопросе "Зеленые", пока неизвестно; сложнее дело обстоит с так называемым "принципом ротации" членов парламента, осуществление которого на практике оказалось намного труднее, чем представлялось по началу. Если бы решение о смене членов парламента каждые два года было безоговорочным, то дело было бы проще. Но правила допускали исключения: если 70% избирателей данного избирательного округа выскажется за это, то депутат от этого округа может пробыть в бундестаге и дольше. А поскольку "зеленым" не чуждо все человеческое, то вспыхнули эмоции, весьма мало соответствующие их идеалу братских отношений друг с другом. Дело в том, что у каждого члена бундестага сидит над его душой преемник, который готовится занять в Бонне его место и, естественно, вовсе не заинтересован в том, чтобы избирательный округ продлил его предшественнику срок пребывания в бундестаге. Начались интриги, подсиживание друг друга, недоверие. Парламентарии же в свою очередь (и вполне справедливо) считают, что два года – слишком маленький срок для того, чтобы вести эффективную работу в парламенте: не успеешь освоиться, как надо уже уходить. Многие из них поэтому высказываются за то, чтобы отменить этот принцип, что опять-таки вызывает нехорошие чувства у "преемников", которые расценивают подобные высказывания как карьеризм и стремление к личной власти...

Вместо того, чтобы обсудить открыто все эти трудности, "Зеленые" долгое время усердно демонстрировали единство, пока один из самых видных членов партии, отставной генерал бундесвера Герд Бастиан, не выдержал и вышел из нее, оставив – вопреки договоренности – свой мандат за собой. Если еще два-три парламентария последуют его примеру, то дни "Зеленых", как фракции бундестага, сочтены.

Пока "Зеленые" были лишь движением, они не нуждались ни в настоящей программе, ни в бюрократии, ни в принятии быстрых и четких решений. Достаточно было одного протеста. Сегодня от них требуется нечто конструктивное, им надо ответить самим себе на вопрос: кто же мы такие, чего мы, собственно говоря, хотим? Насколько это удастся "Зеленым", будет зависеть также и от того, насколько у них хватит мужества и сил, чтобы освободиться от проникших в их среду как крайне-правых, так и крайне-левых элементов. Герд Бастиан, например, считает, что "Зеленые" уже настолько инфильтрированы коммунистами, стремящимися занять ключевые позиции, что настоящая работа в рамках партии уже стала невозможной. Насколько он прав, покажет будущее. Другое опасение – что многие избиратели "Зеленых" отвернутся от них из-за их внутренних дрязг и споров, пока не оправдалось: при выборах в парламент земли Баден-Вюремберг "Зеленые" только что получили 8,0% голосов, лучший результат, когда-либо ими достигнутый.

Что произойдет через год, когда настанет срок смены "зеленых" парламентариев в бундестаге, будет зависеть, во-первых, от того, насколько мирно произойдет эта смена, и во-вторых, от того, оправдают ли себя "преемники", смогут ли они достаточно компетентно продолжать работу своих предшественников в бундестаге. Итоговую же оценку "Зеленых", не как неоформленного движения, а как законных народных представителей в парламенте, дадут избиратели через 3 года – на очередных выборах. ●

Е. Фишер



Чехословацкое правозащитное движение "Хартия–77" в январе объявило имена своих новых представителей. Представители "Хартии–77" сменяются ежегодно, чтобы затруднить их преследование со стороны властей.

На смену Яну Козлику, Марии Крижковой и Анне Марвановой пришли следующие лица:

Журналист Иржи Румль, 58 лет, являющийся также и членом ВОНС (Комитет защиты несправедливо преследуемых). И.Румль уже провел в 1981–1982 гг. год в предварительном заключении, и дело против него, возбужденное в связи с его предыдущей хартийской деятельностью, еще не прекращено.

Яна Стернова, 62 лет, бывший директор балетной школы, ныне – уборщица. В 1969 г. ее исключили из КПЧ за протесты против советской интервенции в Чехословакии.

Философ и математик Вацлав Бенда, 37 лет, так же, как и И.Румль, – член ВОНС. Он уже был представителем "Хартии–77" в 1979 г. Тогда его арестовали и приговорили к 4 годам заключения. Он освободился только в мае 1979 г.

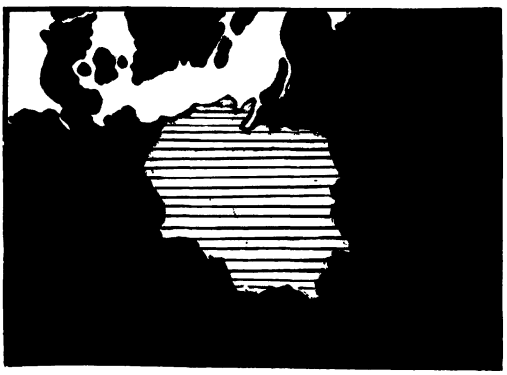
Несмотря на аресты и выталкивания в эмиграцию "Хартия–77" активно продолжает свою правозащитную деятельность.

●

Югославия является единственной коммунистической страной, к которой обращаются с просьбой о политическом убежище граждане из других восточноевропейских стран и даже из СССР. По данным Верховного комиссара ООН по вопросам беженцев в Белграде, за первую половину 1983 г. югославскую границу пересекли в поисках политического убежища 628 чел. Из них больше всего румын (365), затем идут чехи (180) и поляки (28). В числе беженцев 18 болгар, 11 албанцев, по несколько человек из Венгрии, ГДР и СССР. В предыдущем, 1982 г. доля румын среди беженцев была примерно такой же: из общего числа беженцев 2919 было 1830 чел. румын. Зато удельный вес беженцев из Чехословакии и особенно поляков в 1982 г. был гораздо больше: их было соответственно 763 и 168 человек.

Югославские власти, озабоченные собственными внутренними проблемами и не желающие излишне обострять отношения со своими соседями и друзьями по идеологии, неохотно предоставляют у себя политическое убежище, однако, как правило, и не выдают беженцев. Обычно беженцы проводят 2-3 дня в одном из двух приемных лагерей или же в гостинице в Белграде, а затем их доставляют к австрийской или итальянской границе, откуда они вольны идти куда им хочется.

●



ПОЛЬША

В борьбе между властью и оппозицией, между правителями и подданными, в последнее время не было значительных событий, однако "местные бои" происходят постоянно. Они показывают, что идеал нормализации – гробовое молчание – далек от воплощения.

В последнее время власти явно усилили репрессии по отношению к подполью и оппозиционным кругам. Информация о десятках обысков, о задержаниях и многочисленных арестах поступила из Варшавы, Кракова, Лодзи и Гожова. В Варшаве арестован писатель Марек Новаковский, автор "Репортажа о военном положении", был произведен обыск у другого известного писателя – Виктора Ворошильского; подвергся допросу как подозреваемый адвокат Мечислав Сила-Новицкий, известный защитник на политических процессах, обыск прошел у ксендза Станислава Малковского, известного своим бескомпромиссным отношением к действиям властей. Во Вроц-

лаве были произведены обыски у 109 научных работников. В усилении полицейской активности одни видят подготовку к июньским выборам, другие – желание властей хорошо показать себя перед твердым Черненко, который, говорят, не любит генерала Ярузельского. Вероятно, это так и есть, хотя основная цель репрессий остается прежней: уменьшить влияние подполья.

Власти стремятся также удержать авторов от публикации своих произведений в эмигрантских издательствах; Новаковский арестован именно за это. Одновременно объявлено об ограничениях в издательских планах для писателей, находящихся в оппозиции к власти.

Несмотря на все усиливающееся давление со стороны властей, диапазон актов протеста остается по-прежнему широким. Официальная пропаганда, предсказывающая скорый конец движению сопротивления, опровергается уже и самой властью. Генерал Ярузельский, выступая недавно на закрытом собрании главных редакторов правительственных органов печати, радио и телевидения, сказал: "Оппозиция очень хорошо организована и ведет интенсивную борьбу. До сих пор мы не нашли эффективных форм борьбы с ней. Не умеем мы бороться с оппозицией."

Просматривая четыре февральских номера только одного подпольного журнала "Тыгодник Мазовше", я нашел там информацию о 17 забастовках, 22 митингах и массовых протестах (в основном в виде писем, часто с многими сотнями подписей), 4 демонстрациях с участием нескольких тысяч человек, 13 передачах радио "Солидарность" в различных районах страны, 4 больших акциях по разбрасыванию листовок, 4 заявлениях подпольной "Солидарности", 3 независимых опросах публичного мнения, 3 новых подпольных организациях.

Важным событием последнего периода был протест учащихся сельскохозяйственных школ в Метне под Варшавой против удаления крестов из классов. В течении двух дней учащиеся оккупировали школы и отступили только перед угрозой вмешательства сил ЗОМО. Война за кресты продолжается также и на некоторых производственных предприятиях. Это не выражение религиозного фанатизма поляков, а политический вопрос. Крест в государственных учреждениях – это кусочек независимой Польши в официальном мире, свидетельство инакомыслия людей, которые вынуждены в этом мире жить. Ни в коем случае не подстрекая к "войне за кресты", епископат и примас выразили протестующим свою моральную поддержку. Это был акт, отвечающий традиционной политике Церкви: гибкость в гражданских вопросах и принципиальность в вопросах веры. По крайней мере, он сгладил впечатление о событиях в Урсусе.

Об этих событиях мы писали в предыдущем номере: по решению примаса Глемпа был переведен в дальний приход популярный священник, сторонник "Солидарности" Мечислав Новак. Когда это решение вызвало в Урсусе протесты, Глемп выступил с осуждением не только самих протестующих, но и подпольной "Солидарности". Это вновь привлекло внимание к вопросу о политике Церкви после 13 декабря.

Показателем все более критического отношения к этой политике является статья известного публициста, пишущего под псевдонимом Давид Варшавский, под названием "Цена уступок", опубликованная в газете "КОС". В этой статье автор подчеркивает опасность разногласий между епископатом, прежде всего самим примасом, и общественностью, опасность далеко зашедшей уступчивости Церкви по отношению к правительству. "Поставим вопрос прямо, – пишет Варшавский. – Политика соглашательства с режимом, проводимая примасом и, кажется, поддерживаемая епископатом, опасно приближается к границе потери общественной поддержки."

Пока Церковь в основном придерживалась политики кардинала Вышинского, которую тот проводил с 1956 г. Она заключается в усилении критики властей и подчеркивании интересов общественности в ситуациях, безопасных для страны, и поворота политики на 180° в ситуациях, оцениваемых Церковью как опасные. До настоящего времени эта политика приносила плоды, но сейчас она уже может восприниматься как коллаборантство и вызывать разочарование. А Церковь в Польше сильна в одинаковой степени как благодаря массовой вере в Бога, так и благодаря вере в верность Церкви народу. Может быть, пониманием этого обстоятельства и вызвано упоминание Папой успехов "Солидарности" в одной из его последних проповедей. Папа хочет уменьшить трещину между Церковью и народом.

В тематике подпольной прессы в феврале и марте на первое место вышла проблема участия в выборах в народные советы, назначенных правительством на июнь. Осуществляться они будут по измененной избирательной системе, преподносимой как огромный прогресс, но сохраняющей все черты старой системы. Временная Координационная Комиссия "Солидарности" и подпольное руководство "Сельской солидарности" призвали к бойкоту выборов для того, чтобы – как писал "Тыгодник Мазовше" – не играть с шулером. А местная подпольная газета "Независимость" – радикальная и критическая по отношению к политике ВКК, – а также несколько других газет предложили опускать в урны пустые конверты, а избирательные бюллетени сохранять для последующего доказательства фальсификации выборов. В высказываниях подпольной прессы все же преобладает поддержка бойкота.

Газета "КОС" – орган Комитетов общественного сопротивления (небольших децентрализованных групп независимой гражданской иници-

ативы) утверждает: "Участие в гигантском пропагандном мероприятии, каким являются выборы, – это выражение согласия на участие в обмане. Из-за этого унижающего участия мы становимся наравне с теми, кого нас заставляют выбирать... Пускай в этом году к урнам пойдут только настоящие сторонники режима. Пускай выбирают они сами."

Стабилизация без нормализации продолжается в Польше не только потому, что испытав государственное насилие, часть общества потеряла веру в свои силы. Важно и то, что большинство фактически смирилось с сегодняшним материальным уровнем и качеством жизни. Конечно, они очень низки, и это мешает властям расширять общественную базу режима. Но если даже сегодняшнее состояние будет продолжаться долгое время, оно не вызовет массового взрыва. Его может вызвать, несмотря на опыт военного положения, дальнейшее ухудшение материальных условий. Поэтому экономические прогнозы беспокоят правительство.

После кое-как прожитого предыдущего года текущий предполагается еще худшим. Были исчерпаны те резервы, которые удалось мобилизовать благодаря военному положению. Под его прикрытием произошло огромное повышение цен, уменьшена норма мяса, выдаваемого по карточкам, серьезно понизился жизненный уровень из-за ограничения импорта продуктов массового потребления. Сэкономленная валюта почти полностью предназначается на закупку сырья за границей. В результате увеличения продолжительности рабочего дня повышена добыча отечественного сырья и угля. Увеличение рабочего дня задержало падение производительности труда, и на рынке появилось больше товаров. Уменьшились очереди.

Однако дальнейшее улучшение зависит сейчас исключительно от роста экономической эффективности народного хозяйства. А это, в свою очередь, зависит от успеха экономической реформы и от получения дополнительных средств из-за границы, при условии, что они будут правильно использованы. Но реформа пока не дала никаких результатов, на значительные заграничные кредиты расчитывать тоже не приходится.

Итоги первых двух месяцев текущего года в польском народном хозяйстве не оставляют никаких надежд. Не повышаются производство и экспорт на Запад, усиливается инфляция, неизбежно новое уменьшение нормы мясных продуктов в результате сильного снижения продуктивности животноводства из-за отсутствия кормов. Наверняка не увеличатся, а может быть, еще уменьшатся возможности материальной поддержки политики нормализации. Показательна успешная забастовка женщин – работниц текстильной фабрики "Феникс" в Лодзи, которая состоялась 14 февраля. Бастующие требовали повышения заработной платы. На угрозы вызвать ЗОМО женщины ответили : "Мы палок не боимся. Хватит." Власти уступили. Значит, забастовки как средство борьбы пролетариата все еще эффективны. ●

В.Кучиньский

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА

Решение Ирака начать войну против Ирана в сентябре 1980 г. было вызвано целым рядом причин. Ирак надеялся, что он сможет добиться ликвидации договора, который был ему навязан Ираном в 1975 г. По этому договору Шатт-эль-Араб – общее устье Тигра и Евфрата, единственный выход Ирака к морю – был разделен по фарватеру между Ираком и соседним Ираном. Стратегическое положение Ирака от этого резко ухудшилось, особенно если учесть враждебность хомейнистского Ирана к режиму президента Саддама Хусейна. Иранская армия была ослаблена "революционными чистками", так что Ирак надеялся на быструю победу в войне и на подрыв основ "Исламской Республики".

Спустя несколько недель после начала военных действий выяснилось, что надежды иракских лидеров не соответствовали действительности. К концу 1980 года иранцам удалось остановить продвижение иракских частей и стабилизировать линию обороны. В 1981 году иранская армия перешла в наступление и очистила свою территорию от иракских частей. С тех пор военная инициатива переходила из рук в руки, но ни одной из сторон не удалось добиться решающего успеха.

Начиная с прошлого месяца ирано-иракская война вступила в очередную фазу. В честь пятилетия "исламской революции" Хомейни пытается ценой неимоверных жертв осуществить данное им обещание захватить святые для шиитов города в Южном Ираке – Кербелу и Неджеф, одновременно стараясь добиться стратегического перевеса и взять Басру – "ключ Персидского

залива". Подготавливая новое наступление, Хомейни провел идеологическую обработку полмиллиона иранских солдат, часть которых – необученные солдаты запаса, а часть – маленькие дети, призываемые с 9-летнего возраста отнюдь не в качестве обслуживающего персонала, а на выполнение заданий, граничащих с самоубийством. Правитель Ирана пытается внушить массам, что Ирак "сионистского" Саддама Хусейна не что иное, как трамплин, ведущий в шиитский Ливан. А оттуда будет открыта дорога для освобождения мечети Эль-Акса в Иерусалиме.

Ирак утверждает, что в районе зыбучих болот в окрестностях Курны вдоль границы на отрезке в сто километров сконцентрированы сотни тысяч иранских солдат. Цель Ирана – окружить Курну, перерезать шоссе Багдад – Басра и проложить дорогу не только в святые города, но и в сам Багдад. Шиитское население этого района в значительной мере состоит из религиозных фанатиков, стремящихся освободиться от режима Саддама Хусейна. Это позволяет Хомейни надеяться на их присоединение к "революционным силам Ислама". Ставка также сделана на экстремистское исламское подполье, поддерживающее тесные контакты с шиитскими организациями в арабских странах, в частности с ливанской организацией "Амаль". Тактика, применяемая в ходе нового иранского наступления, считающегося одним из самых крупных со времени Второй мировой войны, проста и далеко не современна: полки детей-солдат штурмуют волна за волной позиции иракских войск, до тех пор, пока у последних не кончаются боеприпасы. Часть детей посылают впереди танков для расчистки минных полей. Вступающие затем в бой полки взрослых носителей "знамени Ислама" зачастую вооружены одними ножами. Ирак заявил, что им уничтожено около 30 тысяч иранских солдат и приблизительно такое же количество взято в плен.

Однако, несмотря на свое превосходство в воздухе и на суше, военное руководство Ирака опасается иранского наступления. По всей вероятности, этим объясняется и использование им химического и биологического оружия. Доставленные в европейские больницы иранские раненые по-видимому действительно подверглись действию химического и биологического оружия, хоть Ирак это и отрицает. Вид биологического оружия, примененный иракской армией, идентичен тому, которое использовал Советский Союз против афганских повстанцев.

В настоящий момент иракская армия оснащена лучше, чем во время иранского наступления прошлой оченью. Ирак продолжает покупать новейшее оружие не только в СССР, но и на Западе. Около 40% французского военного экспорта направляется в Ирак. Арабские союзники Ирака также все время заботятся о пополнении запасов оружия. Однако отсутствие у Ирака опыта в использовании новейшей техники во многом сводит на нет эффективность этих поставок.

Иран способен продолжать войну на истощение еще долгие годы, несмотря на низкий уровень его вооруженных сил. Основная часть государственных доходов Ирана направлена на финансирование "священной войны". С момента начала войны иранцы увеличили количество добываемой нефти и в государственной казне осталось еще несколько миллиардов долларов на военные расходы. Ирак же находится в тяжелом экономическом положении: его внешний долг только арабским странам составляет около 30 миллиардов долларов, добыча нефти резко снизилась. В стране введен режим строгой экономии.

В марте иракские летчики бомбили иранские танкеры с нефтью, а также, по утверждениям Багдада, атаковали основные нефтяные порты в Персидском заливе.

Ирак угрожает разбомбить запасы иранской нефти и предупредил все судовладельческие компании мира, чтобы они не посылали свои танкеры в иранские порты. Иран отреагировал на это угрозами перекрыть Ормузский пролив – важнейшую нефтяную артерию Запада, или же просто разбомбить запасы нефти в этом районе.

Президент Рейган решил послать в район Персидского залива дополнительные корабли 7-го Флота, чтобы вмешаться, если будут подвергнуты опасности интересы Запада. После вывода морских пехотинцев из Бейрута Белый Дом не может себе позволить быть посторонним наблюдателем, а Саудовская Аравия и государства Персидского залива не простят США провала, что может привести к окончательной утрате американского влияния на Ближнем Востоке. Нефтяные принцы, со своей стороны, стараются убедить Саддама Хусейна отказаться от бомбардировки нефтяных запасов Ирана, хотя и продолжают поддерживать распадающуюся экономику Ирака и кровопролитную войну.

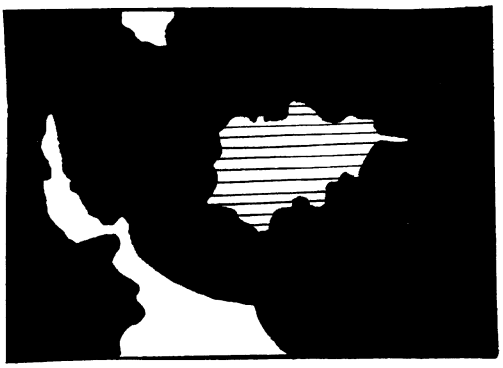
Результаты войны определенно повлияют на положение государств этого района мира и на соотношение сил между двумя противостоящими лагерями арабского мира. Победа Ирана будет способствовать брожению в среде шиитов и создаст постоянную угрозу поставкам нефти в промышленные страны. В конечном итоге и Израиль, и Сирия, и Иордания, и Саудовская Аравия, и Арабские Эмираты – каждый исходя из своих соображений заинтересован в продолжении войны на истощение между Ираком и Ираном.

Израиль заинтересован избежать высвобождения иракского военного контингента, и надеется, что в случае израильско-арабской войны армия Хомейни выполнит роль, которую в прошлом играли курдские повстанцы. Иордания же опасается, что победа Ирана, частично в результате сирийской поддержки, усилит Сирию и сокра-

тит для короля Хусейна возможности маневрирования на межарабской сцене в области вопросов, связанных с отношениями с Израилем. Поэтому Иордания предоставила свои ресурсы Ираку. Когда Басра подверглась бомбежкам, Иордания открыла свой порт Акаба для поставок боеприпасов и продовольствия иракской армии.

А.Мильман

●



АФГАНИСТАН

Советские войска начали крупное наступление в долине Панджер – оплоте афганских повстанцев. В долину было переброшено триста легких танков и 120 транпортных вертолетов типа МИ-8. Начата переброска сил и в другие важные районы, по-видимому, в рамках подготовки к общему весеннему наступлению. Советские войска и танки концентрируются также близ деревни Гульбахар в долине Шомали, примыкающей к долине Панджер. Большое количество советских войск прибыло для усиления гарнизона в Гардезе – городе на востоке страны, близ путей проникновения повстанцев с их баз в Пакистане. Усилена оборона аэропорта в Кандахаре.

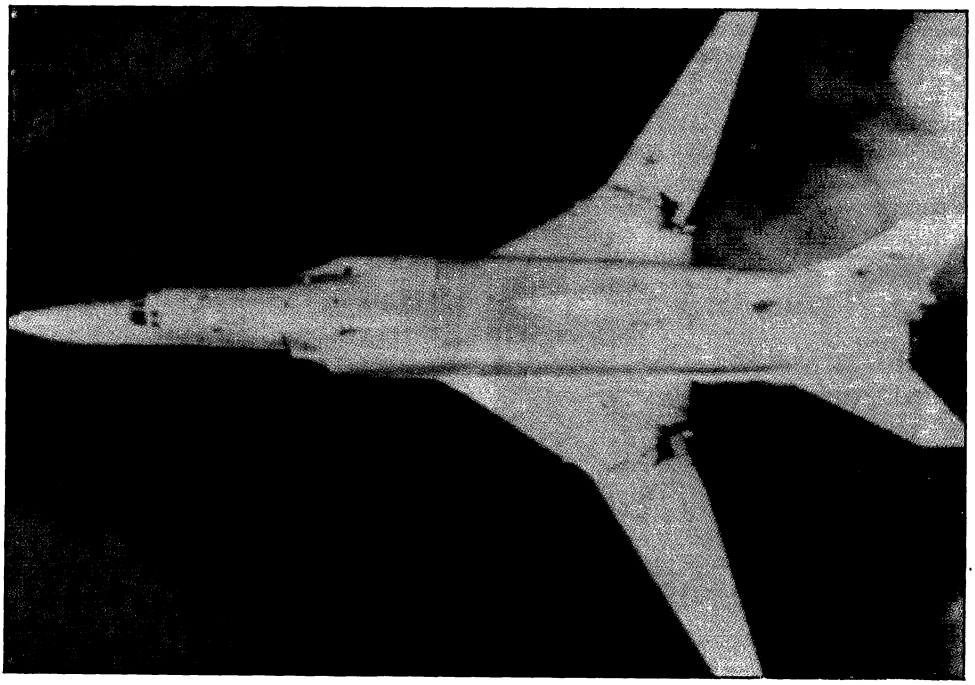
В Кабуле силы безопасности вылавливают 15–16-летних мальчиков для призыва в разваливающуюся армию (официально призывной возраст в Афганистане – 19 лет). Многие подростки в Кабуле вынуждены скрываться. Власти увеличили также время службы для солдат, расквартированных в столице, с 3 до 4 лет. Это немедленно вызвало волну дезертирства. После того, как об увеличении срока было объявлено 8 марта по радио и телевидению, многие солдаты из охраны кабульского аэропорта и с военных баз на юго-западе Кабула покинули свои посты и бежали. В ту же ночь в казармах 8-й дивизии, расквартированной к западу от Кабула, начались волнения и перестрелка. Сообщают, что в перестрелке приняли также участие и муджахеддины.

Тем временем афганские власти начали перестраивать административное деление Афганистана по этническому признаку. Министерство по делам племен и национальностей развернуло пропаганду, подчеркивая, что афганский народ состоит из 30 различных этнических групп и их своеобразие должно быть сохранено и защищено от сторонних влияний. Неожиданный интерес к "национальному вопросу" афганских властей, традиционно враждебных к "племенной розни", объясняется тем, что в последнее время наметилась явная тенденция участников сопротивления из разных племенных групп координировать свои усилия, выступать совместно против советских интервентов. ●

●

Стало известно, что в начале января 1984 г. Ким Ен Ир, сын северокорейского вождя Ким Ир Сена, нанес визит в Москву. Ранее, в июне 1983 г., он посетил Пекин, где его встречали уже как потенциального наследника своего престарелого отца. Московский визит Ким Ен Ира, возможно, означает, что и в СССР относятся к этой идее благосклонно. Если передача власти Ким Ен Иру по наследству действительно произойдет, то это будет означать появление первой в коммунистическом мире династии.

Между тем, Ким Ен Ир уже сейчас принимает активное участие в государственных делах, а печать и радио шумно рекламируют его как наследника. Ким Ен Ир укрепляет также свою базу в партийном и государственном аппарате. В январе 1984 г. министр иностранных дел Хо Дам, пробывший на этом посту 13 лет, был заменен близким другом наследника Ким Ен Намом. 27 января Верховное Народное Собрание КНДР избрало нового премьера Административного Совета Кан Сон Сана, также известного союзника Ким Ен Ира. Бывший премьер Ли Ен Ок передвинут на почетный, но церемониальный пост одного из четырех вице-президентов страны.



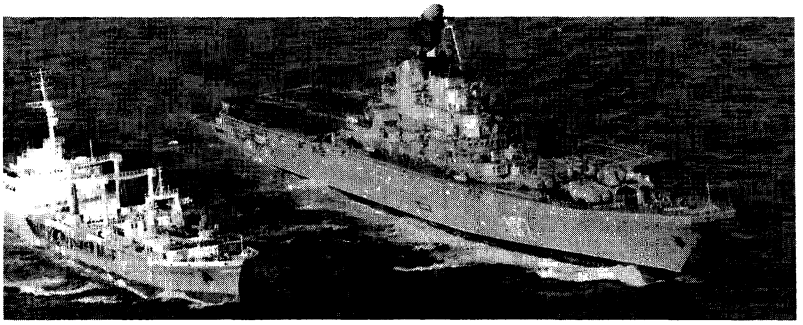
Советский бомбардировщик "Бэкфайр" (ТУ-22М)

●

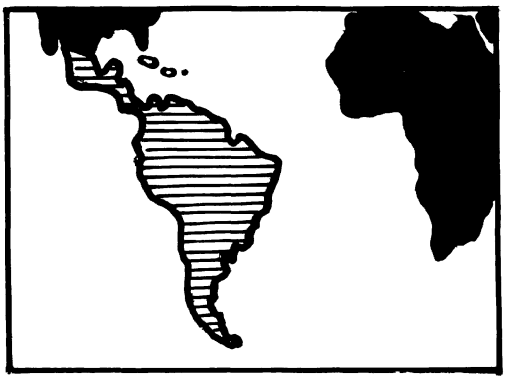
Министр иностранных дел Японии Шинтаро Абе заявил на заседании кабинета министров, что Советский Союз скоро завершит строительство на Дальнем Востоке еще одной пусковой установки для ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками SS–20. В результате этого количество советских ракет, нацеленных на объекты на Дальнем Востоке, достигнет 144.

Представитель японского министерства обороны 1 марта сообщил, что СССР имеет сейчас на Дальнем Востоке 80 сверхзвуковых бомбардировщиков "Бэкфайр" (кодовое имя, присвоенное НАТО этому типу самолетов).Это на 10 бомбардировщиков больше, чем в прошлом году. Таким образом, военно-воздушные силы Советского Союза постоянно увеличиваются. Стоит добавить, что на военно-морской базе Советского Союза во Вьетнаме в Камрань сейчас постоянно базируются десять бомбардировщиков среднего радиуса действия ТУ-16, в дополнение к 4 бомбардировщикам-разведчикам дальнего действия ТУ-95. Эти самолеты совершают разведывательные полеты над Японией.

Растет и количество военных судов на базе в Камрань. Свыше 20 кораблей действовали в начале этого года в Южно-Китайском море с этой базы, около 10 стояло на базе на якоре. Год назад к этой базе было приписано всего немногим более 10 военных судов. В числе советских судов на базе в Камрань находятся подводные лодки типа F, эсминцы, сторожевики, десантные корабли, минные тральщики и др. По мнению специалистов Камрань начинает играть роль аванпоста базы во Владивостоке в рамках общего усиления советской военной активности в Тихом океане. Десантные корабли класса "Иван Логов" с базы в Камрань недавно сопровождали до Владивостока авианосец "Новороссийск". На этом авианосце базируется 13 истребителей вертикального взлета, 19 вертолетов – охотников за подводными лодками и ракеты корабль-корабль и корабль-воздух. В тихоокеанском флоте у Советского Союза имеется еще двойник "Новороссийска" – авианосец "Минск". Всего в составе этого флота 720 судов различного типа, включая подводные лодки, оснащенные стратегическими ракетами. Это крупнейший из четырех флотов СССР. ●



Советский авианосец "Новороссийск" эскортируется на базу Тихоокеанского флота во Владивостоке

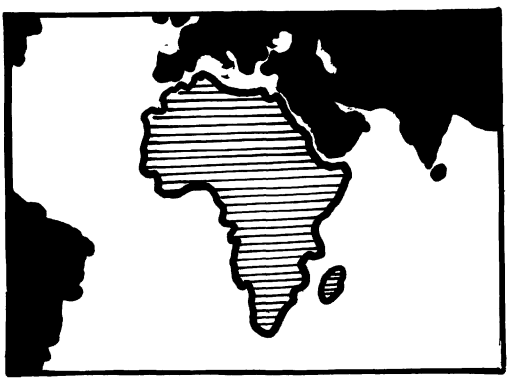


12 февраля один из руководителей Демократических Сил Никарагуа (ФДН), сражающихся против сандинистского просоветского правительства Никарагуа, Доминго Эдгар Чаморро заявил, что руководство ФДН ныне "очищено" от членов национальной гвардии бывшего никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы. Верховное командование ФДН ныне ликвидировано. Оно заменено гражданско-военным руководством во главе с Адольфо Калеро Портокарреро.

Чистка руководства ФДН стала необходимой, чтобы обеспечить сотрудничество этой организации с другой группировкой, сражающейся против сандинистов, с АРДЕ. АРДЕ, Демократический революционный союз возглавляет Эден Пастора, легендарный герой сандинистского восстания против Сомосы. После того, как стало ясно, что сандинисты не выполнили своего обещания установить в Никарагуа демократический строй, а лишь заменили правую диктатуру Сомосы левой, просоветской диктатурой, Пастора порвал с сандинистами и создал в соседней Коста-Рике антисандинистскую повстанческую организацию АРДЕ.

Сотрудничеству АРДЕ и ФДН долгое время мешала засоренность рядов последней членами национальной гвардии Сомосы. Ныне это препятствие устранено. 8 февраля лидер ФДН Адольфо Калеро Портокарреро встретился в Майами (США) с Эденом Пасторой. Встреча была дружеской. Как сообщают, обсуждались "общие вопросы военных действий против сандинистского правительства".

Тем временем в самом Никарагуа лидеры оппозиции подвергли резкой критике проект избирательного закона, опубликованного сандинистами 8 февраля. Председатель социал-христианской партии Никарагуа Агустин Харкин заявил, что опубликованный проект закона "не обеспечивает демократических выборов в Никарагуа". ●



Правительство Уганды пригласило кубинских экспертов в помощь Министерству информации и радиовещания для подготовки программ и установки нового оборудования. Уганда обеспокоена тем, что мировая печать изображает ее в невыгодном свете.

Кроме кубинцев, в столице Уганды Кампале находится много северокорейцев. В борьбе с повстанцами уже погибло 120 северокорейцев. Ежегодно для прохождения военной подготовки в Северную Корею направляются около 200 угандийских военнослужащих. Северная Корея продала Уганде оружия на 20 млн. долларов и столько же поставила "в виде дара". ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

НОВЫЙ ЖУРНАЛ САМИЗДАТА

В условиях жесточайших репрессий против правозащитников, когда вынуждены прекращать свою деятельность многие открытые правозащитные объединения и издания, в самиздате начал публиковаться новый журнал. Первый номер "Вестника правозащитного движения" появился в декабре 1983 г.

Титульный лист нового журнала почти скопирован с титульного листа знаменитой "Хроники текущих событий". Сверху листа идет традиционная для "Хроники" надпись: "Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается". Чуть ниже и правее – тоже, как в "Хронике" – в виде эпиграфа напечатана ст.19 "Всеобщей Декларации прав человека":

"Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ ".

Первый номер открывает небольшое редакционное вступление. "На страницах советской прессы – говорится в нем –

время от времени появляются сообщения о "диссидентах", "антисоветчиках", которые будто бы клевещут на наш строй и тем самым содействуют нашим ярым идеологическим противникам.

У непредвзятого читателя может возникнуть вопрос: почему "диссиденты" "клевещут", и в чем их клевета заключается? К сожалению, ни одно советское издание не опубликовало до сих пор ни одного из этих "пасквилей". Также и о самих "диссидентах" трудно почерпнуть из прессы иную информацию, кроме грубых шаблонных ругательств в их адрес.

Но кто же такие "диссиденты"? Чего они хотят? Что представляет собой "диссидентское" или, говоря человеческим языком, правозащитное движение сегодня? И что за "пасквили" они создают? Для объяснения читателю этих и других вопросов мы и решили создать наш журнал. "

Несмотря на внешнее сходство с "Хроникой", "Вестник" имеет иной характер. Это не чисто информационное издание. Впрочем, конечно, в нем есть сообщения и о текущих событиях: им посвящены первые разделы – о правозащитном движении в целом и о фонде помощи политзаключенным в особенности. Но вслед за этим идут наиболее яркие отрывки, перепечатанные из "Архипелага ГУЛаг" (в СССР не каждый может снять эту книгу с полки) и раздел, озаглавленный "Архипелаг сегодня," – в нем рассказывается о чистопольской тюрьме и о пермском политическом лагере № 35. Публикует "Вестник" и полученные из-за решетки стихи заключенных.

Последний раздел – подробный рассказ о нескольких судьбах, привлекших внимание в истекшем, 1983 г. В нем идет речь о смерти в лагере Виктора Томачинского, о судах над Алексеем Смирновым, Юрием Бутченко, Сергеем Григорьянцем, об аресте Юрия Шихановича.

Имена редакторов не объявлены – это необходимо, если хочешь, чтобы журнал издавался. К сожалению, об его существовании уже стало известно КГБ: первый его номер был изъят на обыске при аресте в Москве правозащитницы Елены Саннниковой. ●

СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ

В марте в Тбилиси были судимы за "антисоветскую агитацию и пропаганду" шофер такси Захарий Лашкарашвили и двое рабочих: Тариел Гвиниашвили и Гурам Гогападзе. Лашкарашвили получил пять лет лагеря и два года ссылки, его друзья – по четыре года лагеря каждый.

Вина всех троих – неодобрительное отношение к попыткам властей торжественно отметить 200-летний юбилей присоединения Грузии к России. Это свое отношение они и выразили в листовках, которые они распространяли в Тбилиси. Еще ранее в Тбилиси прошли другие процессы по делам "о листовках", а также по делам демонстрантов, протестовавших против "юбилея". Протесты эти приняли в Грузии

почти общенациональный масштаб. "Договор", который в 1783 г. Екатерина II заключила со старым царем Ираклием II, измученным нашествиями и внутренними раздорами, в одной из листовок был назван "трагическим событием" в грузинской истории. Однако в Советском Союзе ныне официально не модно вспоминать о царской России как о "тюрьме народов". Не только настоящее, но и прошлое советской империи могут быть только прекрасными. Сомнения в этом караются по Уголовному кодексу.

Но не только волну листовок и демонстраций породил царский юбилей. 18 ноября прошлого года группа из 9 человек – молодежь, около 20 лет – попыталась захватить самолет, летевший из Тбилиси в Ленинград. "Пираты" были не совсем обычными – все они принадлежали к семьям высокопоставленных грузинских семей, имели возможность часто выезжать за границу и могли там, при желании, и остаться. Поэтому многие в Грузии рассматривают происшедшее не как реальную попытку бегства, а как символический акт, не случайно совпавший с юбилеем.

Попытка не удалась. Пилот обманул захватчиков и посадил самолет в тбилисском аэропорту. Там самолет был встречен танками и специально доставленной из Москвы антитеррористической группой. После выхода из самолета первого пилота самолет был подвергнут обстрелу. Затем ворвавшийся в самолет отряд коммандос бросил несколько гранат со слезоточивым газом и началась "обработка" всех, находившихся в салоне. Пассажиров выбрасывали из самолета на бетонированную дорожку, многие получили переломы позвоночника, рук и ног. Два пассажира были убиты, убиты в перестрелке и три члена экипажа. Двое захватчиков покончили с собой, остальные арестованы.

Сейчас все грузинские высокие инстанции (суд, прокуратура, правительство и т.д.) получают поток писем с угрозами: если с арестованными "что-нибудь сделают", то всю Грузию потрясет волна массового террора. История последних лет показала, что Грузия сейчас – может быть, единственная из союзных республик СССР, где это может быть и не пустой угрозой. ●

АРЕСТЫ ЕВРЕЕВ В РИГЕ

5 марта в Москве у подножья памятника Карлу Марксу, что напротив Большого театра, состоялась демонстрация рижских евреев-отказников. 33-летний Захар Зуншайн держал плакат с требованием права на репатриацию в Израиль, в руках у Александра Балтера был плакат: "Остановить деспотию!" Вместе с ними в демонстрации участвовали жена Захара Татьяна и брат Александра Евгений. Демонстрантов – как обычно – схватили через несколько минут.

О демонстрации, очевидно, было известно заранее. Накануне ее в здании всесоюзного ОВИРа был задержан дядя Балтеров, тоже рижский отказник Леонид Уманский. От него добивались адреса, по которому "прячутся" рижане, заявляли, что о готовящейся демонстрации известно. Имена Зуншайна и Уманского, разумеется, давно известны КГБ – оба они долголетние отказники, энергичные активисты еврейского движения в Риге. Лишь недавно они, в числе 18 других отказников, послали в редакцию "Известий" письмо протеста против регулярных "антисионистских" (читай –антисемитских) публикаций на страницах этой газеты. К своему протесту они присоединили вырезки из "Известий" 1948–1949 гг., напоминающие, что не всегда советская пресса относилась к сионизму так, как сейчас. "Арабские агрессоры", "Арабские союзники фашистов", "Арабские атаки на беззащитных евреев" – вот типичные заголовки тех лет, когда "сионизм" рассматривался Сталиным как удобное антианглийское орудие.

Все задержанные – и Л.Уманский, и демонстранты – были отвезены под конвоем в Ригу. У всех были сделаны обыски. Задержанных отпустили, кроме Захара Зуншайна. Последнему предъявили обвинение в "распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй" (ст.190[1] УК РСФСР). По его делу начались допросы.

Впрочем, Александра Балтера отпустили ненадолго: 29 марта его арестовали, на этот раз совсем. Вдруг "вспомнили", что при его задержании у подножья Маркса он сквернословил и хулиганил – в "хулиганстве" его сейчас и обвиняют. Брат Александра Евгений, который "не хулиганил", был всего лишь избит до полусмерти на улицах Риги – за десять дней до ареста Александра. В тяжелом состоянии его доставили в больницу.

Напали и на Татьяну Зуншайн – как и на Балтера, "неизвестные лица". Ее не избили, но отобрали сумочку с документами, в том числе со всеми ее письмами по делу мужа. ●

ПРИГОВОР ВАЛЕРИЮ МАРЧЕНКО

13–14 марта в Киеве состоялся суд над журналистом Валерием Вениаминовичем Марченко. Он был приговорен к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки. Лагерь "особого режима" – это то, что в русском языке, освобожденном от иносказаний и эвфемизмов, называется каторгой. 10 плюс 5 – это значит, что журналист Валерий Марченко выйдет на свободу за два года до конца XX века.

Впрочем, если выйдет вообще. Валерий Марченко неизлечимо болен. У него тяжелое почечное заболевание. Когда после суда Валерию было предоставлено первое после многих месяцев изоляции свидание с матерью, он просто не смог подняться с койки, и свидание не состоялось. У матери было мало надежд, что удастся восста-

новить здоровье сына даже на воле, до его ареста. Теперь эти надежды почти растаяли вообще.

Валерий Марченко родился в 1947 г. Сын преподавателя украинского языка и литературы, внук видного украинского историка Михаила Марченко, профессора Киевского университета. Окончил Азербайджанский университет. Работал журналистом (в "Литературной Украине"), преподавателем украинского языка, переводчиком с азербайджанского, с английского, занимался научной работой: связями Украины с Востоком.

Первый раз В.Марченко арестовали в июне 1973 г. Валерий Марченко преступил закон, написав 9 страниц рукописи "Страшное бремя", 12 машинописных страниц "За ширмой идейности" и 15 страниц "Киевского диалога". Статьи эти нигде и никогда не были опубликованы. Они обошлись ему в 6 лет лагерей (тогда еще не особого режима, но строгого) и 2 года ссылки. В обвинительном заключении постоянно фигурировал "национализм" – впрочем, сразу два: украинский и азербайджанский.

Годы заключения и ссылки не были для В.Марченко потерянными. Он много и плодотворно работал как журналист, переводчик, исследователь. Многие его работы были опубликованы за рубежом. Они были замечены – но, к сожалению, не только зарубежной украинской общественностью, но и КГБ. Именно они и составили основу нового обвинения В.Марченко. В качестве свидетелей на суде выступали лишь представители лагерного начальства, в обход которого В.Марченко удавалось пересылать свои произведения на волю, и несколько местных жителей с места ссылки В.Марченко в Казахстане. Национализм вновь фигурировал в обвинительном заключении: на этот раз украинский и казахский. В.Марченко невесело пошутил, что его следователям надо бы дать орден "Дружбы Народов".

В.Марченко, как и на первом своем суде, виновным себя не признал. В последнем слове он сказал, что "верит в Бога и в доброе начало в людях," что он "всегда старался делать людям добро". "Государство – сказал В.Марченко – миллион раз виновато перед своими гражданами" и пока он жив, он будет протестовать против этого...

На этот раз "преступлений" за В.Марченко много больше – около десятка статей, эссе, писем. В приговоре неграмотного судьи проскользнуло даже выражение: "журналист-рецидивист". По-русски статьи В.Марченко, к сожалению, еще не публиковались. Мы публикуем ниже его "Письмо к деду", написанное в пермском лагере во время первого срока заключения В.Марченко. Письмо дошло до нас не полностью, но, по-видимому, основная его часть все же сохранилась. Датировано оно 1975 г., но письмо вовсе не устарело. Во-первых, не устарели проблемы, поднятые автором в этом письме. Во-вторых, именно это письмо вошло в качестве основного эпизода обвинения журналисту Валерию Марченко в Киеве в середине марта 1984 г. – всего несколько недель назад. ●

Дорогой Дед!...

Этот случай пересказывают в нашей семье как былину.

Один из первых организаторов колхозов, ты решил создавать новую жизнь, начиная с собственной хаты. Надеялся личным примером зажечь пассивных односельчан.

Когда ты зашел в стайку за конем, чтобы увести его в колхоз, прадед бросился на тебя с вилами. Было бы в селе на одну трагедию больше, если бы не сопровождавшие тебя "товарищи". Загородили тебя, успокоили отца. В колхоз семья вступила все равно, только позже.

Противная самой природе индивидуалиста-хлебороба, система коллективного хозяйства за несколько лет стала господствующей на Украине. Но какой ценой?

В 1933 году ты поступил в Институт красной профессуры. Сидел в Харькове, изучал "Карлу-Марлу", присматривался к тому, как правит партия.

Твоих дочерей и жену спасла от голода твоя мать, моя прабабка. Мудрая старуха всеми правдами и неправдами уберегла от конфискации корову и, когда весь хлеб и весь скот остальных колхозников были вывезены в неизвестном направлении, она выкормила семью молоком.

Девять миллионов погибших от голода – эту цифру назвали на пленуме ЦК КП(б) Украины, после которого застрелился Скрыпник. Разложил перед собой труды Ленина по национальному вопросу и пустил пулю в лоб. Таким способом он подвел для себя итоги социалистического строительства на Украине.

А ты тем временем стал историком... Лучшими научными трудами моего деда можно гордиться. Твоя кандидатская диссертация "Борьба России и Польши за Украину" многих научила любить Родину. Я, к примеру, – один из них. Но выплывает одно "но": а как быть с остальным? Ученый и общество... Проблема ответственности ученого за созданное им. Чему служит написанное тобой? Оказывается, здесь есть над чем задуматься.

На Украине, в нашей самой демократической в мире державе, разрушали церкви – это объясняли как антирелигиозными целями, так и необходимостью ликвидировать буржуазную культуру. Задача определить, представляет ли то или иное сооружение культурную ценность, возлагалась на историков. И как же ничтожно мало оставили вы памятников нашей старины! Да, я знаю, как подписывались те акты об уничтожении. Но разве становится легче от этой осведомленности?

Кто вернет Киеву златоглавый Михайловский собор?

Чем заполнит Украина величайший вакуум в науке, литературе, искусстве, созданный в результате варварской "культурной революции"?

В 1937 году ты уцелел чудом. Секретарь парторганизации Института истории обрушился на твои трактаты, утверждая, что в них протаскиваются концепции украинского буржуазного национализма.

Но случилось так, что на следующую ночь секретаря арестовали. После этого его критика стала рассматриваться как идеологическая диверсия – поклеп на честного советского научного работника.

Чудесная действительность! Семья твоя не погибла от голода, тебя не расстреляли – чего же еще желать? Только жить и славить Бога, да водочку пить понемногу.

Никогда не мог я понять этого гадючьего обычая.

Как можно строить государство и уничтожать строителей – рождать и тут же пожирать собственных детей? Рубили лес, летели щепки. Когда-то Достоевский мучился вопросом: можно ли строить счастье человечества на смерти одного-единственного безвинно загубленного ребенка. И отвергал такой рай.

А у коммунистов путь к светлому будущему лежит через классовую борьбу. Освящено и провозглашено за истину самое дичайшее – душегубство.

Нет, не убивать – любить людей нужно. Профессор, мне ли Вас учить!

Я знаю, колебания и сомнения возникли у тебя гораздо раньше твоего ареста (когда и ты отведал из чаши, уготованной для тех, кто "контра"). Галичина – этот украинский Пьемонт – на протяжении последних пятидесяти лет пробудила национальное самосознание многих восточных украинцев. Несомненно, либерализм сегодняшнего профессора Киевского университета Михаила Марченко сформировался в значительной степени во времена его пребывания на Западной Украине. Знакомство с учеными мирового значения Ф.Колессою, В.Щуратом (я и до сих пор не могу без пиетета произносить дорогие имена), а главное – доступ к антимарксистской литературе – посеяли зерна неверия в строй, которому ты до тех пор служил беспрекословно и слепо. Неслучайно по приезде домой ты делился с братом Степаном своими сомнениями и распевал за чаркою "Ще не вмерла Украина".

Ох уж эта наша степняцкая флегматичность! Начнем размышлять, что сделать сначала, что – потом, чего-то ждем – и теряем, проигрываем, гибнем!

Когда-то ты сказал, что строя новое общество, не мог и помыслить, что оно обернется таким кошмаром. Да, добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Конечно, и на это утверждение найдутся десятки возражений. Один старый коммунист как-то сказал, что мне, конечно, легко быть мудрым, судя обо всем сквозь даль времен; тогда я спросил: понимал ли он в то время, что вокруг него творится зло? Он ответил утвердительно.

Кривда нашего времени не могла быть невидимой и для тебя.

Но вы, советские интеллигенты, молчали, надеясь просто переждать беду. И постоянно прятались за хохлацкое "моя хата – с краю", хоть и становилось все хуже. Осторожность превратилась в страх, и он поселился в ваших душах навсегда. И это животное состояние принималось за гармоническое развитие личности!

Арест, наступивший после телеграммы из ЦК – "Присмотритесь к Марченко", – все перечеркнул. В июне 1941 г. тюрьма на ул. Короленко, 33, растворила свои ворота перед первым советским ректором Львовского университета.

Не хочу много говорить о том времени. Твое пребывание в сибирском ГУЛаге всегда ассоциируется у меня со словами, которые наша соседка-мерзавка сказала маме: "Таким, как твой отец, мы там в рот ссали".

Я не случайно останавливаюсь столь подробно на вехах семейной биографии. Так отчетливее видно, чем одарила нас советская власть.

Вспоминаю, как закончилось твое выступление на общем партийном собрании Киевского пединститута в 1956 г. Только что развенчали культ личности Сталина и было громко заявлено о ликвидации аномалий в демократической жизни страны. Твой рассказ о советских концлагерях присутствующие восприняли как разоблачения очевидца. Но критика снизу? У нас? Нужно быть наивным! Тотчас посыпались вызовы на бюро райкома и горкома партии, где заблудшей овце растолковали, что изображать нашу действительность в подобных тонах недопустимо, иначе можно выложить на стол партбилет, а то и поехать куда-нибудь любоваться северным сиянием. И ты, зная нашу самую демократичную судебную систему, снова пришел к убеждению, что молчание – золото. А что может быть унизительнее, позорнее для интеллигента, чем не приносить пользу народу?

Когда Азия, Африка, Латинская Америка освободились от колониальной зависимости, когда национальная идея заполнила мир, украинцы пробиваются одиозной жвачкой о невозможности отсоединения. Нас – будто бы – захватят немцы или американцы, или Бог знает кто еще. И в это время в Европе преспокойно существуют тридцать четыре независимых государства, не знающие, что такое колючая проволока на границах.

Мы – нация простаков!

А ты преподавал студентам по чужим шпаргалкам, успокаивая себя тем, что кесарю – кесарево, и что так ведется испокон веков. Оберегая меня от житейских бурь, дабы не пробудить во мне чувства отмщения, не научил видеть подлинное обличье КГБ. А как бы это мне пригодилось! От скольких бы ошибок уберегло!

Выступив против целой империи лжи, я имел единственную опору – сознание, что ярмо – нестерпимо. Должен был сам поколотиться об эту каменную стену, почувствовать боль от ушибов, чтобы понять: зло все-таки одолимо, с ним можно и нужно бороться.

Отрицание большевизма для меня – не открытие, а форма существования. И не молчаливым неучастием нужно ему противостоять. Нам никто не поможет, кроме нас самих. Требования демократического разрешения всех проблем – единственная альтернатива для каждого украинца-гражданина.

Попыткой объяснить зачем и кому это нужно – было мое письмо к тебе.

Июль 1975 г., Урал

Людмила АЛЕКСЕЕВА

ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ
Этика и политика

Спад движения за права человека по времени (начало 80-х гг.) совпадает с поворотом советского руководства к более жесткой линии во внутренней и внешней политике. Это ужесточение курса и является основной причиной спада. Можно сказать, что фактически правозащитное движение разгромлено. Результатом этого явилось не только замирание практической работы правозащитников. Разгром породил также скептицизм относительно возможностей правовой борьбы в советских условиях. Утрата надежд, возлагавшихся на правозащитников, вызвала отход от них и даже враждебность к ним части их прежних приверженцев. Усилились поиски иных возможностей, если не практической деятельности, то хотя бы духовного прибежища. Это проявилось, с одной стороны, в возрождении прежде почти угасшего интереса к социалистическим идеям еврокоммунистического типа, с другой – в обращении к церкви и усилению националистических настроений. Но, конечно, все это – естественное и неизбежное следствие тяжелых испытаний. Но как бы они ни были естественны, сами эти явления еще более усугубляют кризис.

Сознавая серьезность кризиса, переживаемого ныне правозащитным движением, я тем не менее остаюсь убежденной его сторонницей и верю в его возрождение. Более того, я считаю путь, избранный правозащитниками, единственно перспективным и для нашей страны, и для других стран со сходными социально-экономическими системами. На это указывает поразительное сходство стихийно возникших в "социалистических" странах общественных движений (наиболее развитые формы они приняли в Чехословакии, в Польше и в Югославии, но в более скрытом виде существуют и в остальных странах советского блока и даже в Китае) и несомненная родственность их движению за гражданские права в странах свободного мира. Это свидетельствует о глубинных процессах духовного сближения стран "первого" и "второго" мира, сближения, происходящего вопреки социально-экономическим различиям и жестокой политической борьбе между этими двумя мирами. С этой оптимистической точки зрения я и рассматриваю 20-летнюю историю правозащитного движения.

Это движение называли по-разному: "демократическое", "либеральное", "движение гражданского сопротивления", пока, наконец, не утвердилось за ним название "движение за права человека" или, короче, "правозащитное движение." Это название наиболее полно отражает его суть: защита прав личности и требование соблюдения законов – главное в идеологии этого движения.

Нельзя сказать, что в истории нашей страны правозащитная идея не имеет никаких корней. Либерально-демократическая традиция возникла и укрепилась еще в Российской империи и она, пожалуй, достаточно близка по своему духу к правозащитному движению. Но традицию эту в советский период выкорчевали так основательно, что можно смело утверждать: зачинатели правозащитного движения мало что знали о ней и не ею вдохновлялись.

Как не было у правозащитников прямой преемственности с либерально-демократической традицией в русской истории, так не заимствовали они и идеи международного движения за права человека – во время зарождения правозащитного движения в СССР о движении за гражданские права за рубежом знали мало. Правозащитное движение родилось главным образом из опыта людей, проживших жизнь в условиях беззаконий, жестокости и попрания личности якобы в "интересах коллектива" или "светлого будущего всего человечества". Отказ от такого "коллективистского" подхода означал отрицание основ официальной идеологии, защищаемой всей мощью советского государства.

Требование соблюдения законности в советских условиях уже само по себе революционно, так как это, по существу, требование к советскому государству перестать быть тоталитарным и двинуться по пути демократического развития. Выполнение этого требования означало бы изменение характера власти, изменение всего строя жизни. Между тем правозащитники принципиально отвергают насилие для осуществления своих целей. Как они действуют? По словам Андрея Амальрика, они "сделали гениально простую вещь – в несвободной стране стали вести себя как свободные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию".

По своей основной направленности, методам действия правозащитное движение является не политическим, а нравственным. Правозащитники явочным порядком осуществляют записанные в советской конституции гражданские права (свободу слова, печати, демонстраций, ассоциаций и др.), они наладили сбор и распространение информации о положении с правами человека в СССР ("Хроника текущих событий", а позднее – оперативный бюллетень "В", информационные бюллетени и документы правозащитных групп, в особенности Хельсинкских и т.д.), оказывают материальную поддержку жертвам преследований за убеждения (такая поддержка систематически осуществлялась с конца 60-х годов, а позднее стихийно возникшая сеть сбора и распределения средств стала основой Русского общественного фонда помощи политзаключенным).

Видимая со стороны история правозащитного движения состоит из непрерывной цепи судов, госпитализаций в психобольницы, насильственных выталкиваний в эмиграцию, увольнений с работы и т.п. В условиях тоталитарного режима при полной незащищенности от преследований открытость независимой общественной позиции грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие своей открытости оказалось неожиданно эффективным – его призыв был услышан и внутри страны, и за ее пределами. Мир не только получил от правозащитников богатую информацию, но и, главное, поверил в нее. Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои. Его идеи разделяют многие национальные и религиозные движения, гораздо более массовые, чем само правозащитное движение. Оно определило также характер и методы возникшего в конце 70-х годов движения за социально-экономические права.

За 15 лет существования движения правозащитники не добились своей прямой цели – положение с правами человека в СССР не улучшилось. Власти отвергли предлагавшийся им диалог на эту тему. На обращения граждан в высшие советские инстанции ("подписантская" кампания 1966–1968 гг.) ответом были репрессии. Обращения к западной общественности (1969–1975 гг.) тоже не принесли немедленного успеха. Поставленные перед альтернативой: утрата симпатий западной общественности или удовлетворение требований правозащитного движения власти попытались спасти свою репутацию на Западе отдельными уступками (смягчение преследований писателей за публикации на Западе, осторожность в репрессиях против наиболее известных общественных деятелей, увеличение квоты на эмиграцию и т.д.). Но по мере роста информированности о положении с правами человека в СССР претензии Запада к советским руководителям становились все чаще и резче. Советское руководство стали припирать к стене, и оно решило пожертвовать престижем на Западе, только бы не допустить расшатывания своей власти в стране. Также неуспешной была попытка правозащитников принудить власти к диалогу с обществом при посредничестве правительств стран свободного мира на основе гуманитарных статей Заключительного Акта Хельсинкских соглашений (1976– 1980 гг.). Инициатор Хельсинкского движения профессор Ю.Орлов получил за свой "просчет" 7 лет лагерей и 5 ссылки. Его судьбу разделило большинство его товарищей по хельсинкским группам.

Но при этом как бы сам собой был достигнут результат, о котором специально не помышляли. Почти одновременное создание хельсинкских групп в четырех нерусских республиках и их сотрудничество с московскими правозащитниками обнаружило перспективность правовой позиции для решения очень болезненной проблемы – взаимоотношений между русскими и остальными нациями. Сотрудничество с Христианским и Католическим комитетами защиты прав верующих, с протестантскими религиозными движениями убеждало в том, что и верующим близка правозащитная позиция с ее обращенностью к страданиям людей и стремлением эти страдания облегчить. Стало ясно, что идеология правозащитного движения близка пониманию самых разных социальных слоев советского общества, а отнюдь не только интеллигенции (среди верующих – членов протестантских церквей и среди участников национальных движений большинство составляют рабочие и крестьяне). Объединение правозащитного движения с национальными и религиозными движениями произошло под лозунгом, выдвинутым Московской Хельсинкской группой: обеспечить гражданские свободы, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного Акта. Вырисовалось нечто вроде народного фронта под "хельсинкским" флагом. Правозащитная идеология продемонстрировала свою способность стать основой организованного движения, включающего все социальные слои советского общества.

Аресты членов Московской Хельсинкской группы, начавшиеся в 1977 г. и продолжавшиеся в 1978 г., вызвали протесты внутри страны, сравнимые по масштабам с "подписантской" кампанией 1966–1968 гг. Однако различия между этими двумя кампаниями защиты отражают те изменения, которые произошли за 10 лет в советском обществе и в правозащитном движении.

В 1968 г. основную массу "подписантов" (70%) составили москвичи. В подавляющем большинстве это были либерально настроенные интеллигенты, для которых подпись под письмом была первым в их жизни независимым проявлением гражданственности. Неудивительно, что недвусмысленно высказанная властями угроза утраты общественного статуса была достаточна, чтобы они быстро отошли в сторону. Лишь небольшая часть тогдашних "подписантов" не отступилась – они-то и стали зачинателями правозащитного движения. В 1977–1978 гг. большинство подписей под протестами против преследований хельсинкских групп (73%) принадлежали жителям "периферии", не москвичам.

Вне Москвы, вдалеке от западных корреспондентов, в более душной атмосфере провинции открытые выступления намного опасней. Вряд ли среди тех, кто отважился на это, было много случайных людей. Большинство протестующих составили давние правозащитники и участники национальных и религиозных движений.

В 1976–1978 гг. окончательно сложилась структура сил противостояния, которая начала формироваться уже в предшествовавшие годы. Открытые общественные ассоциации стали наиболее типичной формой правозащитного движения и сотрудничавших с ним национальных и религиозных

движений. В числе таких ассоциаций, кроме нескольких хельсинкских групп, можно отметить, например, комитеты защиты прав верующих (в Москве и Литве), Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях, независимые профсоюзные объединения и многое другое. Так было до тех пор, пока в 1980–1982 гг. не были арестованы практически все участники этих независимых объединений.

Правозащитное движение в конце 70-х годов переживало трудности, связанные с его быстрым расширением. Независимые общественные ассоциации, возникшие в 1978–1979 гг., родились и действовали вне сложившегося круга московских правозащитников и за редким исключением без его прямой поддержки.

Эти начинания осуществили новые в правозащитном движении люди. Их появление на общественной арене было результатом открытой работы правозащитников в предшествовавшие годы, своим примером пробудивших новые группы населения к независимой общественной деятельности. Огромную роль сыграли при этом зарубежные радиостанции, резко усилившие с 1976 г. передачи о правах человека и о правозащитниках. Героическое противостояние правозащитников побуждало к действию не только тех, кто был близок им по духу, но также и людей, весьма поверхностно усвоивших их идеи и совершенно чуждых по складу ума правозащитному движению с его принципиальным отказом от любого вида насилия и терпимостью к иным мнениям.

Правозащитное движение проникло в новые слои общества, вышло на международную арену, а его ядром, активом, по-прежнему остался узкий круг его зачинателей, и работали они, как и в начальный период, опираясь главным образом на дружеские связи – они не умели и не хотели иначе. Находили признание, вписывались в этот круг и включались в его работу лишь духовно близкие люди. Другие либо не могли делать то, что делали правозащитники, либо делали это по-иному и поэтому не встречали у них понимания и поддержки.

Не получив помощи, новички самостоятельно предпринимали какие-то акции, наподобие тех, о которых они слышали по радио или читали в самиздате. Среди них было немало людей со здравыми и даже новаторскими в советских условиях идеями, полностью находившимися в русле правозащитной идеологии. Таковы были, например, инициаторы Свободного профсоюза, групп "Право на эмиграцию" или "Выборы–79". Чтобы этот новый слой активных людей, потянувшихся к правозащитникам, превратился в действительных правозащитников, с ними надо было терпеливо искать взаимопонимания, как это делали польские интеллигенты с рабочими.

Но большинство московских правозащитников оказались неподготовленными к этой роли. По природе своей они не были пропагандистами своих идей. Они не ставили перед собой цели расширения движения, распространения его в другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без усилий с их стороны, они не оценили этого и отшатнулись от новых людей. История взаимоотношений ветеранов правозащитного движения, его ядра в 1977–1978 гг. с пополнением, разбуженным их же энергией и потянувшимся к ним, показала, что обе стороны не были готовы к встрече и тем более к сотрудничеству, не нашли общего языка.

Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и расправа с Сахаровым в январе 1980 г. знаменовали крутой поворот советской внешней и внутренней политики, конец разрядки. Расправа с Сахаровым была как бы сигналом того, что отпали ограничения в репрессивной политике, вызванные необходимостью считаться с Западом.

Волна репрессий, начавшаяся в 1979 г., отличалась от всего, что происходило во все предыдущие годы. Наступление началось сразу на все категории инакомыслящих, причем прежде всего удары были направлены на открытые общественные ассоциации, на "ключевые" фигуры в оппозиции, а также на тех, кто выполнял роль "связных" в хорошо работавшем механизме распространения информации как внутри страны, так и за рубежом.

Естественно, что при этом московские правозащитники оказались наиболее важной для КГБ мишенью – в Москве были сосредоточены почти все открытые ассоциации, наиболее известные правозащитники или входили в эти ассоциации или тесно сотрудничали с ними; в этот круг сходилась самая разнородная нежелательная для властей информация – со всех сторон, от всех движений. Именно отсюда уходила она на Запад. Московские диссиденты были также основными получателями книг и журналов, изданных за рубежом. От них эти издания распространялись по всей стране.

После арестов Татьяны Великановой, Александра Лавута и Генриха Алтуняна не осталось на свободе ни одного члена старейшей правозащитной ассоциации – Инициативной группы по защите прав человека в СССР. После ареста Глеба Якунина практически прекратил работу Христианский комитет защиты прав верующих – центр правозащитной борьбы православных, ставший связующим звеном между верующими разных вероисповеданий в их общей борьбе за свои права. После ареста четырех членов редакции перестал выходить журнал "Поиски". В начале 1981 г. был арестован Феликс Серебров – последний находившийся на свободе член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. В сентябре 1982 г. под угрозой ареста члена Московской Хельсинкской группы 75-летней Софьи Калистратовой двое последних оставшихся на свободе членов группы (Елена Боннэр и Наум Мейман) заявили о прекращении своей деятельности. В течение 1980 г. были арестованы многие ведущие деятели всех национальных движений, а также

всех незарегистрированных протестантских церквей.

В том виде, каким оно было в 1976–1979 гг., правозащитное движение перестало существовать. К 1982 г. перестал существовать в прежнем виде и тот московский круг единомышленников, где зародилось правозащитное движение и который стал его ядром в 70-е годы. Его разрушили аресты и выталкивания в эмиграцию. Сохранились лишь его осколки.

До начала 80-х годов эта группа ведущих деятелей правозащитного движения, спаянных многолетней совместной работой, представляла правозащитное движение перед своими соотечественниками и перед всем миром, хранила его дух и традиции, обеспечивала преемственность его опыта. Разрушение этого круга – болезненно чувствительная потеря не только для правозащитного движения как такового, но и для всех течений инакомыслия в Советском Союзе, так как именно этот круг способствовал их консолидации и сотрудничеству.

Если говорить о состоянии правозащитного движения в начале 80-х годов в военных терминах, то можно сказать, что армия осталась без генералов и даже без офицеров. Разгром такой армии неминуем. Но все же военная терминология неприменима к правозащитникам. Они не солдаты, а Сахаров и его друзья – не генералитет. Никто из них никому ничего не приказывал, никогда никем не руководил. Каждый решал сам за себя, что и как делать, что он может, а что выше его сил (не только в смысле способностей, но и в смысле готовности к самопожертвованию). Так было на протяжении всей истории правозащитного движения. Именно поэтому утрата его ведущих деятелей не смогла полностью парализовать его работу.

Критики правозащитного движения часто указывали как на его основной недостаток на отсутствие четкой организации и структуры подчинения. В годы подъема движения это действительно ограничивало его практические возможности. Но при разгроме ядра именно этот недостаток и сделал движение в целом неистребимым. Хотя активность движения снизилась до "дохельсинкского" уровня, работа все-таки продолжалась. Ее взяли на себя немногие давние участники движения, избежавшие ареста. В основном, это были люди, которые ранее выполняли, так сказать, подсобную работу. Теперь они заместили своих друзей, которым они раньше помогали. Более того, они же нашли на свои прежние роли новых людей – своих преемников.

Правозащитное движение в начале 80-х гг. изменилось не только по персональному составу. Стала иной и его социальная структура. Зачинатели движения в подавляющем большинстве своем принадлежали к московской творческой и гуманитарной интеллигенции. Лишь постепенно к ним стала примыкать техническая интеллигенция и рабочие. В хельсинкский период приток новых людей в движение происходил в основном из среды технической интеллигенции, "белых" и "синих" воротничков. Их количество заметно увеличилось и среди московских правозащитников, а в провинции с самого начала правозащитники были в основном из этих социальных слоев. Увеличение удельного веса активистов движения из провинции среди правозащитников соответственно повлияло и на социальный состав движения в целом. То обстоятельство, что правозащитное движение стало быстро сближаться с другими движениями инакомыслящих, тоже содействовало изменению его социального состава в том же направлении. Многие участники национальных и религиозных движений стали присоединяться к правозащитникам, и среди этих "новобранцев" техническая интеллигенция и рабочие составляли большинство.

После 1976 г. среди арестованных по политическим мотивам более 40% приходилось на рабочих, значительная доля пришлась и на техническую интеллигенцию и "белые воротнички".

Изменение персонального и социального состава правозащитников привело и к изменению духа движения. Зачинатели правозащитного движения постоянно подчеркивали, что оно – "вне политики", что они не ставят целью достижение какого-то результата в будущем, их действия продиктованы лишь возмущенным нравственным чувством, настоятельной необходимостью нарушить рабье молчание уже сейчас. Они просто не могли смириться с конкретными случаями попрания человеческих прав и достоинства человека, пусть даже не было никакой надежды на успех в данном конкретном деле, и, тем более, на изменение общей ситуации в будущем. Новые люди в большинстве своем не удовлетворяются уже лишь нравственным противостоянием, они хотят пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы и ищут пути его достижения.

В самиздате началась оживленная дискуссия о том, какими должны быть идеология и тактика правозащитного движения, каковы же, в сущности, его задачи. Остро встал вопрос о том, как преодолеть те недостатки, которые выявились в "хельсинкский" период движения.

В дискуссии приняли участие не только сами участники движения, но и люди просто ему сочувствующие, а иногда – и открыто враждебные. Сочувствие или враждебность автора к правозащитникам, как правило, определяется тем, желает ли он развития СССР по демократическому пути или полагает, что для нашего общества демократия не подходит. Почти все доброжелатели правозащитников верят в то, что правозащитное движение имеет непреходящую ценность и исчезнуть не может. Но даже и они не всегда согласны признать правозащитную идею той силой, которая способна объединить всех оппозиционеров – сторонников демократии. Слишком коротким был в нашей истории "хельсинкский" период, когда правозащитная идеология играла эту объединяющую роль. И слишком ясной стала тогда организационная слабость движения, неприспособленность его

деятелей к той руководящей роли, в которой они неожиданно для себя оказались.

Особое место в этой дискуссии заняла проблема открытости противостояния. Беззащитность тех, кто участвовал в общественной деятельности, особенно трагически обнаружилась, как только советские правители перестали считаться с Западом. Это породило острую критику открытости и мирных методов деятельности, которые проповедовали правозащитники, и вызвало сомнения в разумности их ориентации на поддержку Запада. Оживилась тяга в подполье, особенно среди молодежи. Подпольные группы в начале 80-х годов появились не только в провинции, но даже в Москве, где их не было более 15 лет. К большей степени конспирации вынуждены были прибегнуть после ареста целого ряда их членов и некоторые открытые ассоциации (хотя, разумеется, минимальная конспирация – так сказать, "технического" характера – существовала и ранее).

После ареста основателей Христианского комитета Глеба Якунина и Виктора Капитанчука оставшиеся на свободе члены Комитета заявили, что он пополнился новыми членами, но назвали только их численность, не сообщая фамилий. Они справедливо полагали, что в противном случае новые члены Комитета тоже будут арестованы. Московская Хельсинкская группа и Фонд помощи политзаключенным не делали таких заявлений, они просто отказались от формальной кооптации новых членов, хотя, конечно, и в эти ассоциации на смену утраченным сотрудникам пришли новые люди. Таким образом, эти группы стали включать и объявленных и анонимных работников. Созданная летом 1980 г. правозащитная группа пятидесятников объявила лишь число своих членов, но не назвала их фамилии и т.д.

Надо сказать, что правозащитники никогда не настаивали на том, что всякая деятельность должна быть только открытой и никак иначе. Они лишь утверждают, что открытость общественной позиции необходима для нравственного здоровья общества. Без нее оно задохнется. Правозащитники сами показали пример подвижничества и самопожертвования ради того, чтобы продолжать открытую деятельность даже в самых неблагоприятных условиях.

И сейчас, в самое тяжелое для движения время, наряду с неизбежной тенденцией к уходу в подполье и к анонимности, по-прежнему существует и неуничтожимое стремление к открытым формам общественной жизни, как бы ни старались карательные органы уничтожить ее или загнать в подполье (попытки создания группы "Гласность" и клуба литераторов в Москве, литературный клуб в Ленинграде, Группы за установление доверия между СССР и США в Москве, Ленинграде, Одессе и Новосибирске, Инициативная группа защиты верующих и церкви на Украине и др.).

Отношение современного советского общества к правозащитной деятельности и к перспективам демократического развития СССР стало в начале 80-х гг. объектом неофициальных социологических опросов (к сожалению, несовершенных из-за понятных трудностей их проведения). Конкретными темами этих опросов были отношение к А.Сахарову и его деятельности и отношение к польскому профсоюзу "Солидарность". Выяснилось, что около 60% опрошенных не осведомлены о предметах опроса и равнодушны к ним. Осведомленные делятся приблизительно поровну: на тех, кто одобряет деятельность А.Сахарова или же возникновение "Солидарности" и тех, кто относится и к тому и другому отрицательно. Значит, среди людей, интересующихся общественными проблемами и ищущих соответствующую информацию, олицетворяемое Сахаровым правозащитное движение все же успешно конкурирует с могущественной партийно-государственной пропагандистской машиной. И все это в условиях беспримерных для послесталинского времени репрессий!

Можно поэтому утверждать, что власти оказались бессильными справиться с инакомыслием, вернуть общество в "додиссидентское" состояние. Репрессиями была уничтожена видимая часть айсберга, но его подводная часть по-прежнему существует. Это значит, что при малейшем ослаблении давления открытые формы инакомыслия появятся вновь – возможно, в какой-то новой, более зрелой организационной форме, с учетом прежнего опыта. Подспудная работа мысли, обмен идеями и информацией, ставший возможным благодаря самиздату, не проходит бесследно.

А.Сахаров в статье "Тревожное время", написанной уже в горьковской ссылке (июль 1980 г.), писал: "Лозунг "Народ и партия – едины" не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффективный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ними моральная сила и логика исторического развития... Их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания". ●

Лешек КОЛАКОВСКИЙ

ТОТАЛИТАРИЗМ, ИЛИ ВЕЛИЧИЕ ЛЖИ

1. По плодам узнаете их

Законность понятия "тоталитаризм" время от времени ставится под сомнение. Дело в том, что модель тоталитарного общества нигде не была реализована до конца: ни в одном из государств, на которые обычно ссылаются как на образец такого общественного устройства (СССР, особенно при Сталине, гитлеровская Германия, Китай Мао Цзедуна), не осуществлен идеал монолитной сплоченности руководства и ничем не ограниченной власти.

Это возражение нельзя считать серьезным. Все понимают, что для большинства понятий, описывающих общественно-политические явления широкого масштаба, в реальной жизни не может быть абсолютно точных соответствий. Капитализм тоже никогда не существовал в чистом виде, но это не мешает нам отличать капиталистическую экономику от докапиталистической и пользоваться всеми выгодами этой классификации. Полной свободы не бывает, однако деление обществ и государств на свободные и деспотические не становится от этого менее убедительным.

Если же говорить о тоталитаризме, то примеры, приведенные выше, куда ближе к своему идеальному прототипу, чем любое капиталистическое общество – к научному определению капитализма. (Пытаясь дезавуировать понятие тоталитарного строя, некоторые уверяли, что на самом деле в Советском Союзе существует плюралистическое общество, так как де и там есть группы, борющиеся за власть. Аргумент совершенно абсурдный. В таком случае все политические режимы, когда-либо существовавшие, были "плюралистичны".)

Возникновение государства, притязающего на неограниченный контроль над всеми сферами человеческой жизни, государства, которое ликвидирует гражданское общество и распространяет свою власть на все, что есть в стране, на каждого гражданина и каждую вещь, – невозможно объяснить какой-то одной причиной. Привлекательность власти – в ней самой, а не только в богатстве и привилегиях, которые она дает. Однако властолюбие, присущее людям, само по себе еще не объясняет феномен тоталитаризма. Тиранические режимы прошлого в большинстве своем не были тоталитарными, они не стремились контролировать все виды человеческой деятельности и превратить своих подданных целиком – физически и духовно – в собственность государства. Можно спорить о том, насколько применим термин "тоталитаризм" к тем или иным эпохам и странам, к Древнему Китаю, к царской России, к некоторым теократическим обществам или даже к первобытному строю; ясно, однако, что тоталитаризм в современном понимании этого слова неотделим от истории социалистических идей и социалистического движения. Разумеется, социализм и тоталитаризм – отнюдь не синонимы. Все классические типы тоталитаризма в Европе – русский большевизм, немецкий нацизм, итальянский фашизм – были скорее незаконнорожденными детьми социалистической традиции; и все же эти бастарды сохранили несомненное сходство со своими родителями.

Возникшая в начале XIX столетия социалистическая идея была ответом на социальные беды, порожденные промышленной революцией, – нищету и бесправие рабочего класса, кризисы, безработицу, общественное неравенство и алчность, сокрушающую все традиционные устои. Эти впечатления жизни подкреплялись настроениями, исходящими из кружков реакционных романтиков и теоретиков крепнущего национализма. Ядром социалистической идеологии оставалась, однако, "социальная справедливость" – пред-

ставление, о котором никогда не существовало полного единства мнений. Социалисты всех направлений сходились на том, что общество должно взять на себя контроль над производством и распределением материальных благ (не обязательно с запрещением частной собственности и введением единой государственной экономики). Предполагалось, что общественный контроль обеспечит всем людям сытую и счастливую жизнь, устранит экономический хаос и расточительство, неслыханно поднимет производительность труда и ликвидирует "нетрудовые доходы" (еще одно понятие так и не получившее удовлетворительного определения). Большинство адептов социализма отнюдь не придерживались тоталитарного образа мыслей; иные даже яро выступали за свободу и независимость духовной жизни.

И все-таки в "государственном" социализме – то есть в тех социалистических учениях, которые делали упор на государственную власть как гарант общественной справедливости и источник разумной экономической деятельности, – можно обнаружить зерна тоталитаризма. Едва родившись, марксизм еще в прошлом веке испытал атаки прежде всего со стороны анархистов, увидевших в нем проповедь беззастенчивой тирании государства. История, увы, убедила нас в справедливости этих обвинений. До поры до времени недемократическую природу марксова социализма маскировал компонент учения, созвучный духу XIX столетия, а ныне, как кажется, полностью дискредитированный, ибо он слишком напоминает стремление принять желаемое за действительность: компонент квазинаучной предопределенности, исторического детерминизма, заимствованный отчасти у Гегеля, отчасти у сен-симонистов. У деятелей Второго Интернационала вера в детерминизм была, с одной стороны, источником уверенности, что они владеют истиной, а с другой – предостерегала против насилия над историей. Отсюда возникло представление о социализме как результате постепенной эволюции общества; оно-то и легло в основу ортодоксально- центристской доктрины социал-демократии.

Двадцатый век принес с собой кризис социалистической идеи. Это выразилось, в частности, в том, что было выдвинуто утверждение – и нельзя сказать, чтобы уж совсем необоснованное, – что если полностью полагаться на "законы истории" и ждать, пока капитализм "экономически созреет" для революции, то с социалистическими надеждами придется попросту распрощаться. Появились социалисты, для которых высшими ценностями стали революционная воля и умение использовать политическую обстановку, удобную для захвата власти. Именно они стали духовными и политическими отцами двух тоталитарных разновидностей социализма – фашизма и большевизма (сходство идеологии Ленина и Муссолини весьма убедительно показал Д.Сеттембрини).

Обе доктрины тоталитарного социализма – националистическая и интернационалистическая – делали упор на общественный (читай: государственный) контроль над производством и потреблением. В этом отношении советская, китайская и родственные им модели оказались, конечно, гораздо последовательней, чем итальянский или немецкий вариант. В России была осуществлена тотальная национализация средств производства, распределения и информации, благодаря чему был заложен фундамент для Великого невозможного – всеобъемлющего планирования. Понятно, почему стопроцентная тоталитарная система возможна лишь в условиях социализма: она немыслима без всеохватывающего государственного контроля над экономикой. Но и после победы социалистической революции система эта утвердилась не сразу. Советский Союз, например, просуществовал 12 лет, прежде чем удалось превратить сельскохозяйственное производство и самих крестьян в государственную собственность. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии вообще не успели дожить до полной национализации экономики. С этой точки зрения они выглядят менее тоталитарными, ибо определенные секторы экономики еще сохраняли в этих странах относительную самостоятельность. Что, конечно, не значит, что они были "лучше": в определенных отношениях нацизм был еще более варварским режимом, чем большевизм.

Так или иначе, но и там, и здесь всесильная идеология попрала идею социальной справедливости. Ведь она провозгласила право для некоторой избранной части человечества – высшей расы или нации, передового класса или партии – установить свою бесконтрольную власть. Право это предначертано якобы самой историей. В обоих случаях захват власти был совершен под лозунгами, апеллирующими к классовой ненависти и зависти. Зависть стала революционной силой. Ближайшей целью было уничтожение существующих элит – аристократической или бюрократической, плутократической или интеллектуальной, которые предстояло заменить – по принципу "из грязи в князи" – новым политическим классом. Нет надобности говорить о том, что лозунг равенства, если он и играл какую-то роль, не мог надолго пережить захват власти.

2. Ложь – это правда

Никакое современное общество не может существовать без законности – доказывать это значило бы ломиться в открытую дверь. Законность в тоталитарном государстве может быть только идеологической. Тотальная власть и тотальная идеология опутывают друг друга. При этом, однако, идеология тотальна в более строгом смысле; во всяком случае ее притязания простираются намного дальше, чем стремления и цели какого бы то ни было религиозного вероучения. Она не только хочет охватить все сферы духовной жизни, не только непогрешима и общеобязательна. Идеология ставит перед собою цель (к счастью, недостижимую) господствовать над жизнью каждого человека до такой степени, чтобы фактически заменить собою личную жизнь, заменить индивидуальное мышление набором лозунгов. Другими словами, она хочет уничтожить частную жизнь. Это значительно больше предписаний любой религии.

Такая роль идеологии делает понятными и естественными особое назначение и специфическое значение лжи в тоталитарном государстве – функцию настолько своеобразную и творческую, что самое слово "ложь" кажется здесь каким-то неподобающим.

Принципиальная важность лжи в коммунистической тоталитарной системе была отмечена еще в начале тридцатых годов Анте Чилигой, бывшим членом компартии Югославии, а затем советским заключенным, автором книги "Страна большой лжи" (вышедшей, правда, лишь в 1938 г.). Однако понадобился гений Орвелла, чтобы обозреть предмет с более общей точки зрения.

Чем занимается персонал Министерства Правды, где работает в 1984 году герой Орвелла? Эти люди старательно уничтожают документальные свидетельства прошлого и печатают новые, исправленные издания старых журналов и газет. При этом они знают, что новая версия прошлого тоже не окончательная; скоро и ее придется переписывать. Цель – заставить народ забыть все на свете: умерших людей, слова, факты, географические названия. Как велики успехи в уничтожении памяти, не совсем ясно; но работа ведется всерьез и достигнутые результаты во всяком случае впечатляющи. Пусть не удалось пока добиться полной амнезии, зато есть надежда, что это в конце концов произойдет.

Давайте посмотрим, как выглядел бы такой идеал. Люди помнят только то, что их научили помнить сегодня; завтра, если понадобится, содержание их памяти будет полностью изменено . И они на самом деле верят, что то, что произошло позавчера и что было зафиксировано в их памяти вчера, по сегодняшним данным вовсе не происходило, – вместо этого произошло что-то другое. Затем это "что-то" тоже упраздняется и так далее. В итоге они перестают быть людьми. Сознание, по Бергсону, есть не что иное как память. Существо, чью память можно контролировать и произвольно менять извне, не является человеческой личностью.

Этого и хочет добиться тоталитарный режим. Люди, самое сознание которых, если можно так выразиться, национализировано, превращено в достояние государства, всецело находятся в руках своих правителей; они отчуждены от своего "я", беспомощны и,

конечно же, не способны усомниться в том, что им навязывают в качестве непререкаемой истины. Они не мыслят, не творят, они пассивны и даже могут быть по-своему счастливы, могут искренне любить Большого Брата – цель, успешно достигнутая при перевоспитании орвелловского героя Уинстона Смита.

Столь эффективное применение лжи любопытно не только с политической точки зрения, но и с точки зрения теории познания. Если следы минувших событий в виде документов и в человеческой памяти полностью уничтожены, то уже нет никакой возможности понять, что собственно представляет собой "истина", какой смысл вкладывается в это слово. Истину заменяет вера, которая в свою очередь завтра может быть отменена. Нет никакого практического критерия истины и лжи – между ними нет разницы. Поэтому ложь становится правдой. В этом можно усмотреть особый успех, достигаемый тоталитаризмом: этот строй нельзя обвинить во лжи, ибо он аннулировал самую идею истины.

Существует, таким образом, разница между обычной ложью политиков и ложью в тоталитарном государстве, где она обожествлена. Ложь всегда использовалась для политических целей. Но всевозможные передергивания, к которым прибегали и прибегают правительства, партии и отдельные лидеры, кажутся жалкой игрой по сравнению с царством лжи, каким является эта новая цивилизация, с ложью, которая составляет суть ее политической системы. Обычная политическая ложь есть средство для достижения конкретной цели, извлечения конкретной, вполне определенной выгоды. Она не посягает на принципиальное отличие правды от фальсификации. В истории Церкви, например, известно множество подделок и легенд, сфабрикованных ради определенных целей. Так называемый Константинов Дар, документ, на котором основывались притязания Рима на политическое господство, был фальшивкой. Его сфабриковали при папском дворе в конце восьмого века. Праздник Трех Королей (в которых были превращены евангельские волхвы) был тоже в некотором роде выдумкой, призванной подкрепить и освятить претензии Церкви на руководство светскими властями. Но Церковь не додумалась до того, чтобы переписывать Евангелие от Матфея, и любой человек мог заглянуть в текст и заметить, что там нигде не говорится о том, что мудрецы, явившиеся к младенцу, были монархами. Больше того: сама Церковь выдвинула историков, не только отвергших все разновидности pia fraus (лжи во спасение), но и ставших инициаторами критической проверки церковных документов. Может ли коммунизм похвастать такими историками?

Опустошительный эффект тоталитарной лжи обычно поддерживается примитивной социальной философией. Эта философия провозглашает, что "благо общества" выше интересов личности, и более того, самое бытие личности есть производное от общественного бытия; иначе говоря, существование личности самой по себе как бы недействительно. Лучшего обоснования для идеологии рабства невозможно придумать.

3. Язык новой цивилизации

Я говорил, конечно, об идеальном тоталитарном режиме. По отношению к нему реально существующие режимы – лишь более или менее похожие приближения. Весьма близким к идеалу был, в частности, поздний сталинизм. Успех сталинской системы состоял не только в том, что фальсифицировано было фактически все – история, статистика, современные явления и события, имена, портреты, карты, книги (в том числе и ленинские тексты). Неслыханный успех был одержан в особой дрессировке жителей страны, обученных различать, что является политически "правильным". В сознании партийных функционеров, да и не только функционеров, граница между "правильным" и подлинным стерлась: без конца повторяя один и тот же вздор, они, наконец, сами уверовали в него. Коррупция языка, глубокая и всесторонняя, породила в конечном счете людей, не способных осознать собственную лживость.

Это мышление по большей части сохранилось и по сей день, несмотря на то, что могущество идеологии в последнее время несколько поубавилось. Когда советские руко-

водители заявляют, что они освободили Афганистан, или когда они уверяют нас, что в Советском Союзе нет политических заключенных, – кто знает, может быть, они и верят в это: привычка к словесной акробатике развилась у них до такой степени, что они попросту неспособны подыскать для советской интервенции какое-нибудь другое слово, кроме "освобождения", и, вероятно, даже не догадываются о том, сколь огромна дистанция между их языком и действительностью. К тому же цинизм требует мужества, которого у них нет; люди, лгущие самим себе, встречаются чаще, чем стопроцентные циники.

Позволю себе рассказать одну непритязательную историю. В 1950 г. я побывал вместе с несколькими польскими друзьями в ленинградском Эрмитаже. Нашим экскурсоводом был, если не ошибаюсь, заместитель директора музея – все всякого сомнения, хороший знаток истории искусств. Между прочим, он сказал нам следующее: "В наших запасниках есть очень много картин декадентских живописцев, представителей продажного и загнивающего буржуазного искусства. Вы знаете, о ком я говорю: все эти матиссы, сезанны, браки и прочие. Мы никогда их не выставляли, но, может быть, когда-нибудь покажем, чтобы советские люди могли убедиться, как низко пало искусство буржуазного Запада. В конце концов товарищ Сталин учит нас не приукрашивать историю." Через семь лет, во время оттепели, я снова оказался в Эрмитаже, и снова нас сопровождал тот же человек. Мы остановились в одном из французских залов, и он сказал: "Сейчас вы увидите шедевры великих французских художников – Матисса, Сезанна, Брака и других." Потом он добавил: "Буржуазная пресса клевещет на нас, утверждая, будто мы не выставляем эти картины. Как вы думаете, что послужило поводом для этих смехотворных обвинений? То, что иностранные журналисты оказались здесь именно в тот момент, когда некоторые залы были временно закрыты на ремонт!"

Лгал ли он сознательно? Боюсь, что нет. Если бы я напомнил ему его прежние слова (чего я не сделал), он и меня, чего доброго, обвинил бы в клевете и думал бы, что говорит "правильно", а значит, говорит правду. Потому что в том мире, где он живет, правда есть все то, что способствует правому делу.

До тех пор пока ложь остается тактическим приемом, пока она используется для конкретной надобности, она неинтересна. Министр клянется, что он не спал с девицей Х., хотя все знают, что он был ее любовником; президент был информирован о действиях своих помощников, но утверждает, что ничего не знал. Ничего загадочного нет в этих фактах, они – довольно заурядное явление в политическом мире. Совсем другое дело – ложь в тоталитарной системе, где она не просто практикуется чаще и в более широких масштабах, но выполняет совершенно особую социальную, психологическую и, если хотите, философскую функцию. Было бы упрощением думать, что лживость советской прессы – это лишь гипертрофированная, но в принципе все та же известная нам политическая ложь. Спору нет, если вам захочется коллекционировать образчики политической лжи, любой номер "Правды" или "Известий" даст вам предостаточно материала. На каждой странице вы обнаружите сколько угодно грубейшей неправды, сознательных умолчаний и передержек; назначение этих уловок в каждом случае очевидно. Но они приобретают особый интерес и особый смысл, если рассматривать их в контексте всей системы воспитания, высшая цель которой – построение Новой Цивилизации.

Существенная черта этой системы, как уже сказано, – стирание границы, уничтожение разницы между правдой и политической "правильностью". Внушая людям уверенность, что ничто не истинно само по себе, но все можно превратить в истину по указанию свыше, система пестует нового человека – "гражданина социалистического общества". Этот гражданин лишен воли, освобожден от моральной ответственности, отчужден от социального и исторического самосознания. Забвение истории – вот что решает дело. Люди должны перестать удивляться тому, что история перекраивается от одной "правды" к следующей. Это значит, что источник самоутверждения – коллективное прошлое –

для них закрыт. Не то чтобы преподавание истории вовсе прекращено, даже наоборот (хотя, судя по всему, в маоистском Китае история действительно не преподавалась; были запрещены вообще все книги, кроме трудов Мао и научно-технической литературы). Но все, что изучается, есть одновременно "объективная истина" и вместе с тем истина, актуальная лишь сегодня. Сегодняшние правители – единственные хозяева прошлого. Привыкнув к этому порядку, социалистические "граждане" попросту избавляются от исторического самосознания и могут самоопределиться лишь в отношении к государству. В этом государстве люди – уже не личности, народ – не народ.

4. Непокорная действительность

Подобная стерилизация общества, однако, опасна. Пока от подданных тоталитарного государства требуется нормальное пассивное послушание, все хорошо. Когда же наступает кризис и нужны внутренние стимулы активности и ответственности, машина начинает буксовать. В таком положении оказался советский режим, когда на страну напала Германия, и единственным способом поднять народ на врага было забыть марксизм-ленинизм и мобилизовать исконно русские исторические символы и национальные чувства. Тоталитарный режим силен в относительно стабильных условиях, но уязвим в критические минуты. Вот почему, между прочим, невозможно создать идеальный тоталитарный режим ("высшую стадию социализма").

Осуществить золотую мечту тоталитаризма – всеобщее беспрекословное повиновение и абсолютный контроль над человеческой памятью – не удается и по другим причинам. Память неподатлива, а человек, по-видимому, представляет собой нечто онтологически первичное. Вы можете его парализовать силой; но он всегда будет стремиться вернуть свои суверенные права. В условиях, самых благоприятных для тоталитарного господства, невозможно добиться полного забывания: для этого понадобилось бы слишком много фальсификаторов, по необходимости умеющих отличать то, что было на самом деле, от выдуманного. Это то же самое, как если бы военно-картографическому бюро было приказано вычерчивать фальшивые карты: не имея под рукой настоящих карт, нельзя делать ложные. Власть слов над действительностью кажется безграничной, но лишь кажется: ибо действительность навязывает свои непреложные условия. Для самих себя тоталитарные правители хотели бы иметь надежную информацию, но время от времени они неизбежно попадают в силки собственной лжи. Запутавшись в паутине, которую они сами же сплели, они вынуждены каким-то образом согласовать потребность в правде для себя с системой, автоматически продуцирующей ложь для всеобщего потребления, в том числе и для самих сочинителей.

Короче говоря: так как тоталитаризм стремится к полному контролю государства над всеми областями жизни и к неограниченному господству искусственной идеологии над умами, добиться этого можно лишь подавив сопротивление реальности, физической и духовной, другими словами – отменив реальность. Поэтому, говоря о тоталитарных режимах, мы не имеем в виду системы, достигшие совершенства, – как во всех человеческих делах, совершенство и здесь недостижимо, – а скорее стремящиеся к совершенству с настойчивостью, которой не видно конца. В этом смысле все режимы советского образца были тоталитарными, хотя и оказались в разной степени близости от "сияющих вершин".

5. Польский прогноз

Можно отметить, что в коммунистических государствах Центральной и Восточной Европы это расстояние, отделяющее действительность от идеала, всегда было длинней, чем в метрополии. С одной стороны, тоталитаризм в вассальных странах никогда не мог равняться с советским, а с другой стороны, в самом Советском Союзе наблюдалось обрат-

ное движение – отход от тоталитарного совершенства. Разумеется, такие констатации требуют большой осторожности.

Медленное, но несомненное движение вспять не связано ни с ослаблением тоталитарной воли внутри системы, ни с демократизацией режима. Отступление лишь означает, что непобедимая действительность вырвала определенные уступки у правящей верхушки. По понятным причинам тоталитарное государство фатальным образом неспособно наладить у себя эффективную экономику. Поэтому все попытки реформ в коммунистических странах, если они вообще сколько-нибудь осуществимы, происходят в одном направлении – оживить рынок. Иначе говоря, речь идет о частичной – и, само собой, минимальной – реставрации капитализма. Идеология доказала свою разрушительную силу во многих областях; значит, ее власть приходится ограничить. Наступает кризис законности (как мы уже сказали, законность в тоталитарной стране носит чисто идеологический характер), начинаются отчаянные поиски идеологического обоснования самих этих ограничений. От этого идеология становится все менее последовательной и все более абсурдной.

Все это, казалось бы, говорит о коррозии, которая медленно, но верно должна привести тоталитарный режим к чудесному преображению в "открытое общество". К сожалению, никаких прецедентов, оправдывающих такой прогноз, нет. Реальное положение дел таково, что до тех пор, пока на территориях, контролируемых Советским Союзом, сохраняется тоталитарный порядок, мощно поддерживаемый интересами привилегированных верхов, никакой или почти никакой надежды на прогресс не остается. Ссылки на Испанию или Португалию неубедительны: эти страны находятся в другом международном окружении, да и режимы, которые там были, всегда были все-таки слишком далеки от тоталитарного совершенства. Дадим на минутку волю своей фантазии и представим себе, что советский режим превратился во что-то похожее на франкистскую Испанию последних десяти лет; как реагировал бы на это просвещенный и либеральный Запад? Он прославлял бы такой поворот событий как величайший триумф демократии со времен Перикла! И, пожалуй, даже усмотрел бы в этом доказательство превосходства "социалистической демократии" над буржуазной.

И все же относительно ненасильственное крушение тоталитаризма нельзя полностью исключить. Какую-то надежду на это внушали события в Польше в начале 80-х годов. Среди всех советских вассалов Польша, безусловно, была наименее последовательна в движении к тотальному идеалу – несмотря на все эксцессы сталинизма. Лично я убежден, что в первые послевоенные годы идейные коммунисты (еще существовавшие в то время) были в Польше еще более несгибаемыми и более циничными, чем в других странах, – циничными в том смысле, что обладали наименьшей чувствительностью ко лжи. Они знали, что партия внушает "массам" чистейшую ложь, но свято верили, что эта ложь допустима и даже необходима – во имя счастливого будущего. При этом, однако, вопреки всем усилиям правителей и несмотря на засилие лжи, непрерывность польской культурной традиции не была нарушена. Малейшего ослабления политического гнета было достаточно, чтобы историческое самосознание прорвалось вновь, демонстрируя абсолютную несопрягаемость коммунизма с традиционно-национальными религиозными и политическими представлениями. Книги по истории, напечатанные ли в Польше (и не задетые официальной ложью) или привезенные из-за границы, пользовались в стране огромной популярностью, и притом не только среди интеллигенции.

Одно время казалось, что "Солидарность" распахнула врата нового будущего – что тоталитарный строй постепенно преобразуется в некоторую гибридную формацию, допускающую элементы плюрализма. Военная диктатура почти свела на нет и эту надежду. Но уже тот факт, что тоталитаризм даже не пытается больше отстаивать свою законность, но вынужден предстать без идеологического грима как открытое насилие над людьми, – свидетельствует о деградации тоталитарной системы. ●

КОММУНИЗМ: 80-е ГОДЫ

Сегодня приверженцев марксизма-ленинизма во всем мире объединяет не преданность Советскому Союзу, а враждебное отношение к Западу и прежде всего антиамериканизм. Всевозможные леворадикальные партии могут враждовать друг с другом или даже критиковать КПСС; их мало волнует, что именно подразумевал Маркс под промышленным пролетариатом, а лозунг диктатуры пролетариата вообще снят с повестки дня. Суть не в этом. То, в чем действительно единодушны все коммунисты, что превращает их в монолитную силу, – это отказ от социально-политической системы Запада и борьба против экономической и политической гегемонии США. В Западной Европе симпатии к коммунистическому движению подогреваются страхом перед ядерной войной и недоверием к американской военной стратегии, – именно эти чувства заставляют многих некоммунистов чуть ли не брататься с немногочисленными сторонниками Москвы. На Ближнем Востоке главная притягательная сила коммунизма – враждебность к Израилю, а значит, и к американцам, ибо они помогают Израилю. В Южной Африке решающий довод коммунистов тот, что Соединенные Штаты якобы поощряют апартеид. В Латинской Америке популярность коммунистов основана на том, что США принуждены время от времени поддерживать консервативные военные режимы. Повсюду в третьем мире марксисты-ленинцы стремятся укрепить убеждение, будто капиталисты манипулируют всемирным рынком, чтобы снижать цены на сырье и повышать стоимость импортируемых товаров, и что виновники всех бед в конечном счете – международные концерны, большая часть которых находится в США; поэтому коммунизм в развивающихся странах нередко принимает облик крайнего национализма.

Все это означает, что мировой коммунизм попрежнему работает на Советский Союз. Коммунисты продолжают главное направление советской политики – усердно подогревают недовольство всех тех, кто чувствует себя зависимым от ведущих индустриальных стран, кому кажется, что передовые нации эксплуатируют его страну или хотя бы просто ее обогнали. Наряду с этим широко используются ошибки и неудачи западного мира. Начало 80-х годов отмечено экономическим спадом, ростом долгов, усугублением торговых проблем. Западу трудно было выдержать сравнение с предшествующими годами процветания, и можно было ожидать, что дело марксизма-ленинизма сделает новые успехи.

Но этого не произошло. Скорее мы наблюдаем обратное. Коммунистические партии в Западной Европе заметно утратили влияние, и бросается в глаза внутренняя противоречивость их целей и задач. В Азии коммунизм перешел от наступления к обороне. На Ближнем Востоке и в Африке престиж Москвы значительно упал. Только на американском континенте можно констатировать дальнейшее усиление позиций коммунистов.

Ситуация в основных регионах мира выглядит в общих чертах следующим образом.

1. Западная Европа

С середины 70-х годов западноевропейские компартии усиленно выдвигают лозунг единства левых сил и движения за мир. В 1982–83 гг. коммунисты активно поддерживали во многих крупных городах Западной Европы демонстрации против американской военной политики и прежде всего против размещения ракет в Европе. Но добиться выигрыша голосов на выборах не удалось нигде. В Испании на выборах в кортесы партия потеряла 19 из 23 мест, которые она имела прежде. В Ирландии, Швеции, Нидерландах парламентские выборы 1982 г. окончились плачевно. Причина, по-видимому, кроется во внутренней борьбе направлений, в том, что в компартиях по-прежнему играют первую скрипку твердолобые идеологи, не способные трезво оценить проблемы современного общества.

Это прежде всего относится к Франции, где за победой левых на выборах 1981 г. последовало усиление инфляции, рост безработицы и резкое падение курса франка. В кабинете Миттерана коммунистам удалось получить два министерских портфеля. Но партия оказалась неспособной предложить убедительную политическую концепцию и лишилась союзников, которые помогли ей победить на выборах. На съезде французской компартии в феврале 1982 г. обнажились глубокие внутренние противоречия. С одной стороны, партия продолжала поддерживать политику Советского Союза в Польше. С другой стороны, ее представители в правительстве были вынуждены присоединиться к Миттерану, осудившему введение военного положения в Польше. В итоге партия оказалась под угрозой раскола, а число ее членов упало до самого низкого уровня за последние 30 лет.

Компартия Италии оставалась к концу 1983 г. второй по степени влияния политической партией страны. Ей принадлежит почти треть парламентских кресел. Но дальнейших успехов не было. Вместе с испанцами итальянские коммунисты взяли на себя руководящую роль в еврокоммунизме; это поссорило их с СССР. Устами своих лидеров итальянская компартия заявила, что кризис в Польше вызван не "реакционны-

Обзор составлен по материалам журнала "Osteurora" и ежегодника Yearbook on International Communist Affairs, 1983, Stanford Ca, USA.

ми силами", а отсутствием демократии. В ответ на это Москва обвинила итальянцев в том, что КПИ изменила марксистско-ленинскому знамени, что партия сеет сомнения в подлинности социализма в Советском Союзе, отклонилась от социалистического пути к миру и свободе и способствует делу врагов мира. Итальянская компартия принуждена была дать объяснения, каким курсом она намерена двигаться дальше. Однако теория третьего пути, провозглашенная Берлингуэром, слишком расплывчата, чтобы найти широкое признание.

Испанская компартия также оказалась перед сложными внутренними проблемами и в конце 1982 г. практически развалилась. В апреле этого года 7,5 тысяч просоветски настроенных членов образовали так называемую Каталонскую коммунистическую партию; несколько позже возникла просоветская "Партия единства и восстановления коммунизма". Итогом этих событий было упомянутое выше поражение на выборах, уменьшение общего числа коммунистов втрое и уход Каррильо с поста генерального секретаря. Избрание нового генсека Херардо Иглесиаса не остановило дальнейшего развала партии. В январе 1984 года была создана еще одна партия, открыто просоветская, назвавшая себя просто Коммунистическая партия (без определения Испанская). В ней, как утверждают, 25 тысяч членов, тогда как в ИКП Х.Иглесиаса – 80 тысяч (когда партия после смерти Франко вышла из подполья, она насчитывала 240 тыс. членов).

Неудачи ведущих компартий произвели угнетающее впечатление во всем коммунистическом мире и, естественно, отразились на малых партиях некоммунистической Европы. В греческой компартии произошел раскол на две части: ортодоксально-просоветскую и еврокоммунистическую. Просоветское крыло имеет в парламенте 13 мест из 300 и одно время поддерживало политику Андреаса Папандреу. Последний, однако, придя к власти, отклонил предложение об участии коммунистов в правительстве и изменил частично свою программу. В результате коммунисты снова ушли в оппозицию. Компартия Бельгии под влиянием плохих результатов на выборах 1981 г. стремилась переформулировать свои цели и задачи под лозунгом особого бельгийского пути к социализму. Датская компартия была потрясена внутренними разногласиями и выходом из нее некоторых видных членов, в результате чего партия оказалась в самом худшем за многие годы положении. Компартия Нидерландов резко сменила курс от марксистско-ленинского правоверия до выступлений в защиту "парламентарной демократически-социалистической реформы правительства", но поправить дела ей, кажется, не удалось. Складывается впечатление, что компартии Европы теряют свое лицо и нуждаются в более основательном подтверждении своего отличия от социалистических партий в современном обществе.

2. Южная и Юго-Восточная Азия

Из числа государств этого региона, находящихся под управлением коммунистов, в двух странах продолжались военные действия. В Афганистане, параллельно с увеличением численности советских войск и усилением их наступательной активности, в частности, усилением налетов авиации, усовершенствовалась и тактика повстанческого движения. Вместо больших, плохо вооруженных и недостаточно организованных масс, которые несли большие потери, сейчас военные операции против оккупантов и правительственных войск осуществляют небольшие подразделения под самостоятельным командованием. Народно-демократическая (коммунистическая) партия Афганистана расколота на две враждующие фракции Халк и Парчам, обе лояльные по отношению к СССР. Нынешний глава государства Бабрак Кармаль принадлежит к фракции Парчам, ориентированной на городское население всех этнических групп. Фракция Халк более ориентирована на крестьян-пуштунов. Под влиянием Советского Союза обе фракции вынуждены, хоть и с трудом, но сотрудничать.

В Камбодже Народно-революционная (коммунистическая) партия, поддерживаемая Москвой и Ханоем, контролирует значительную часть страны, но вынуждена вести постоянные военные операции против прокитайских "красных кхмеров" Пол Пота и более мелких некоммунистических формирований принца Нородома Сианука и бывшего премьер-министра Сон Сана.

Компартия Вьетнама провела весной 1982 г. свой пятый съезд, который проходил в атмосфере неясности и взаимных обвинений влиятельных лиц и групп. Верхушка партии призвала к решительным мерам против моральной распущенности и недееспособности кадров и к борьбе с разного рода хозяйственными неурядицами. Тем не менее престарелым руководителям партии (средний возраст пяти ведущих членов политбюро – 75 лет) не удалось полностью погасить внутрипартийную борьбу; съезд завершился без изменений политического курса. Вину за бедственное положение страны вьетнамское руководство по-прежнему валит на Китай. Советскому же Союзу, напротив, расточаются похвалы.

На XII съезде коммунистической партии Китая в сентябре 1982 г. была принята новая конституция страны. По-видимому, из нее вычеркнули все, что могло служить оправданием для культурной революции (правда, в самое последнее время появились признаки возрождения культа Мао). Исключенный из Политбюро бывший председатель Хуа Гофэн остался членом ЦК. Генеральным секретарем партии избран Ху Яобан; во главе Госсовета встал Дэн Сяопин. На очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей (в конце 1982 г.) был оглашен шестилетний план развития народного хозяйства. Партия пытается умерить засилие бюрократии в стране и в собственном партий-

ном аппарате, но достижения пока невелики. Принимаются меры по борьбе с коррупцией, превзошедшей все пределы возможного и допустимого. В провинциях, как и прежде, продолжаются внутрипартийные распри; сообщения о наказаниях руководителей различного ранга за преступления, совершенные во время культурной революции, не убывают. Что касается внешнеполитического курса, особо существенных перемен за последние годы не произошло, если не считать нового сближения с компартией Франции и возобновления переговоров с Москвой (по инициативе последней) касательно некоторых старых споров. Китай критикует американскую политику по отношению к Тайваню, но ищет способов экономического сближения с Соединенными Штатами (в самое последнее время заключено соглашение о поставках материалов и оборудования для китайского атомного реактора); одновременно Китай стремится вновь укрепить свое пошатнувшееся влияние в африканских и других странах Третьего мира.

Народно-революционная партия Северной Кореи, насчитывающая 3 млн. членов, по-прежнему сплочена вокруг своего "чучхе" и единодушно исповедует идеологию национального единства и самодостаточности. Есть признаки того, что сын и официальный наследник Ким Ир Сена – неустанно и на все лады восхваляемый Ким Ен Ир – встречает некоторую оппозицию внутри партии и в вооруженных силах. В своей внешней политике пхеньянские руководители, хотя и по-прежнему поддерживают Советский Союз, начали несколько склоняться в сторону Пекина; во всяком случае, имели место взаимные визиты руководителей обеих стран.

В компартиях Индии, Непала и Шри Ланка по-прежнему сталкиваются друг с другом группировки, поддерживающие Москву и Пекин. Старания коммунистов этих стран, а также Японии, вступить в союз с другими левыми партиями не увенчались успехом. В Бангладеш активность компартии минимальна. Это относится и к Австралии (а также к Новой Зеландии), где малочисленные горстки коммунистов разобщены и не способны сколько-нибудь заметно влиять на общественную жизнь и политику этих стран, несмотря на то, что коммунистические лидеры занимают высокие посты в профсоюзах. В Малайзии, Бирме, Индонезии, в Таиланде, Сингапуре, Пакистане и на Филиппинах компартии по-прежнему запрещены. Подпольные коммунистические группы в Таиланде, Малайзии, Бирме и на Филиппинах ограничивают свою деятельность небольшими вооруженными выступлениями. Однако полиции и войскам до сих пор удавалось помешать этим группам занять прочные опорные пункты.

3. Африка. Средний и Ближний Восток

Различные обстоятельства привели к тому, что Ближний Восток оказался на первом месте в списке внешнеполитических проблем СССР. Тем не менее в 1982–1983 годах советское влияние в этом регионе уменьшилось. Военное столкновение между израильтянами и арабами в Южном Ливане в 1982 г., казалось бы, отвечало целям Советского Союза. В феврале была основана компартия Палестины, которая должна была поддержать Арафата; есть сообщения, что Советский Союз снабдил ООП современным оружием на сумму 50 млн. долларов. Поставки военных материалов продолжались и в Сирию, однако во время молниеносной войны в июне 1982 г. израильтяне не только захватили или уничтожили огромное количество советского оружия в Южном Ливане, но и посеяли серьезные сомнения в его качестве по сравнению с собственным вооружением Израиля и тем, которое он получил от США.

Советскому Союзу не удалось извлечь выгоду и из войны между Ираном и Ираком, на которую, по-видимому, возлагались определенные надежды. Фанатический антиамериканизм имама Хомейни сочетается со столь же враждебным отношением к северному соседу. Это нашло выражение в антисоветских демонстрациях перед посольством СССР в Тегеране, в пресечении советской пропаганды в Иране, в беспощадных репрессиях против левооппозиционных активистов, не говоря уже о разгроме иранской компартии Туде. Существенную роль играли также попытки Тегерана противопоставить политике СССР экспорт исламской революции в другие государства Персидского залива. Ослабли и связи Ирака с СССР. Компартия Ирака также подверглась репрессиям.

В трех поддерживаемых Советским Союзом странах Африки продолжались антиправительственные выступления. В Эфиопии, несмотря на поставки советского оружия и присутствие кубинских войск, не удалось погасить тлеющее эритрейское сопротивление. Мозамбик не в состоянии выбраться из экономических трудностей и тоже вынужден непрерывно бороться с партизанским движением. Правительству пришлось просить финансовой помощи у Запада, оно старается не афишировать дружбу с Советским Союзом и воздерживается от прямого провозглашения марксистских целей. Ангола воюет с отрядами повстанцев и время от времени – с войсками Южно-Африканской Республики, совершающими карательные рейды в Анголу. Есть сообщения о том, что в верхушке ангольского руководства были проведены чистки: ряд ключевых фигур был заменен вер-

СТРАНЫ	Число коммунистов (*- по данным партучета)	% избирателей, голосующих за коммунистов (** - % мест в парламенте)
ПРОСОВЕТСКИЕ КОМПАРТИИ		
ПРАВЯЩИЕ		
Афганистан	91 000	–
Болгария	825 876*	99,9
Венгрия	811 833*	99,3
Вьетнам	1 727 784*	97,9
ГДР	2 202 277*	99,9
Кампучия	?	99,0
Куба	434 143*	100,0**
Лаос	35 000*	–
Монголия	76 240 *	99,0
Польша	2 488 000*	99,5
СССР	17 800 000*	99,9
Чехословакия	1 584 011*	99,0
Южный Йемен	?	–
ПРОЧИЕ		
Австрия	15 000	1, 0
Бельгия	14 000	2,1
Великобритания	18 500	0,5
Греция	73 000	10,9
Дания	10 900	1,1
Западный Берлин	7 000	0,7
Ирландия	500	–
Испания	25 000	–
Кипр	12 000	32,8
Люксембург	600	5,0
Мальта	150	–
Норвегия	2 500	5, 2
Португалия	187 000*	16,7
ФРГ	48 856*	0,2
Финляндия	50 000*	17,9
Франция	710 000*	16,2
Швейцария	5 000*	1,5
Бангладеш	2 500	нелегальная
Израиль	1 500	–
Индия	585 000*	2,6
Иордания	1 000	нелегальная
Ирак	2 000	нелегальная
Иран	?	нелегальная
Ливан	16 000	–
Пакистан	200	–
Сирия	5 000	нелегальная
Филиппины	200	нелегальная
Шри-Ланка	5 000	1,9
Алжир	500	нелегальная
Египет	500	нелегальная
Марокко	4 000	0,4**
Реюньон	10 000*	–
Тунис	100	–
Аргентина	65 000	–
Боливия	300	–
Бразилия	6 000	нелегальная
Венесуэла	5 000	–
Гаити	350	нелегальная
Гайана	?	20,4
Гваделупа	3 000	38,6
Гватемала	750	нелегальная
Гондурас	1 500	нелегальная
Доминиканская респ.	5 000	7,1
Канада	2 500	0,05
Колумбия	12 000	1,2
Коста-Рика	3 500	3,2
Мартиника	1 000	6,4
Мексика	121 000	5,8
Никарагуа	250	–
Панама	5 600	–
Парагвай	3 500	нелегальная
Перу	10 000	2,8
Пуэрто-Рико	150	0,3
Сальвадор	60 000	нелегальная
США	20 000*	–
Тринидад и Тобаго	100	–
Уругвай	10 000	нелегальная
Эквадор	500	–
Чили	20 000	нелегальная
Австралия	1 500	–
Новая Зеландия	300	–
ОТНОСИТЕЛЬНО НЕЗАВИСИМЫЕ КОМПАРТИИ		
ПРАВЯЩИЕ		
Албания	146 363*	99,9
Румыния	3 150 000*	98,5
Сев.Корея	3 000 000*	100,0
Югославия	2 200 000*	100,0**
ПРОЧИЕ		
Австралия	2 000	–
Индия	270 000*	6,2
Исландия	2 200	19,7
Испания	80 000	3,8
Италия	1 720 000*	30,4
Нидерланды	15 000	1,8
Новая Зеландия	100	–
Норвегия	1 000	0,7
Сан-Марино	300	25,0
Суринам	50	–
Швеция	17 800	5,6
Япония	400 000	10,4
ПРОКИТАЙСКИЕ КОМПАРТИИ		
ПРАВЯЩИЕ		
Китай	39 000 000	100, 0**
ПРОЧИЕ		
Бирма	3 000*	нелегальная
Индонезия	400	нелегальная
Малайзия	3 000	нелегальная
Непал	4 000	нелегальная
Сев.Калимантан	200	нелегальная
Сингапур	200	нелегальная
Таиланд	1 200	нелегальная
Филиппины	5 000	нелегальная

ными Москве марксистами. Некоторые африканские страны, идеологически в той или иной мере тяготеющие к марксизму-ленинизму, в частности, Гвинея и Конго (Браззавиль), обращались за экономической помощью к западным странам. Того, Гана и ряд других государств искали помощи с обеих сторон. В последнее время в африканские дела снова вмешался Китай. Соперник Советского Союза на черном континенте помог деньгами нескольким странам и заключил с ними договоры о сотрудничестве.

4. Северная и Южная Америка

С начала 80-х годов Мексика, Бразилия, Чили и Аргентина переживали серьезные экономические трудности. Требования затянуть пояс, чтобы справиться с инфляцией, растущей безработицей и государственным долгом, не то чтобы означали кризис капитализма, столь часто предсказываемый, однако то и дело вызывали в этих странах политические волнения, чем, разумеется, пользовались коммунисты. В Аргентине и Бразилии полиция усилила преследование нелегальных компартий, на деятельность которых она прежде смотрела сквозь пальцы. В некоторых других странах коммунистические партии сумели увеличить свое влияние. Беспорядки в демократизированном Эквадоре и в Перу предоставили коммунистам удобный случай стать во главе массовых движений. Крушение боливийской военной диктатуры привело к тому, что президентское кресло занял левоориентированный политик Эрнан Силес Суасо; в результате коммунисты впервые вошли в правительство Боливии, страна вступила в переговоры с СССР и другими коммунистическими режимами. Казалось, что успеха добились прокоммунистические силы в Суринаме (бывшая нидерландская Гвиана). Эта страна поддерживала весьма тесные отношения с Кубой, Никарагуа и Гренадой. Попытки воспротивиться правительственному курсу были подавлены силой, причем в репрессиях против оппозиционеров приняли участие и кубинцы. Усилилось и экономическое влияние Кубы в стране. Конец этому курсу положила высадка войск США и союзников на Гренаде. Суринамский диктатор Бутерзе, очевидно опасаясь за свое собственное положение, резко изменил свой политический курс от прокубинского к нейтральному. Что же касается собственно компартии Суринама, то она сама по себе большой роли не играет.

В Центральной Америке положение складывалось по-разному. Сандинистское руководство Никарагуа испытывало все усиливающееся давление повстанцев, которые оперировали на границе с Гондурасом либо просто вторгались оттуда. Тем временем лидеры все больше отказывались от демократического плюрализма, явно ориентируясь на кубинскую модель. Правительство Сальвадора получило мощную поддержку на выборах в 1982 г., и это, возможно, способствовало тому, что прокоммунистическое повстанческое движение на несколько месяцев угасло. В конце года, однако, партизаны возобновили свои действия и оказались даже в лучшем положении, чем прежде, хотя им не удалось захватить ни одного сколько-нибудь крупного города. Новое правительство Гватемалы заявило в конце 1982 г., что война с партизанами, длившаяся свыше 20 лет, закончилась. Так ли это, покажет будущее, но пока что акты насилия почти прекратились. Похоже, что оправдалась политика кнута и пряника (под лозунгом "автоматы и бобы"), иначе говоря, меры, предпринятые с целью поощрить сельское население в борьбе с партизанами, соответствующим образом вознаграждая его лояльность по отношению к правительству.

Куба, как и прежде, следует линии так называемого интернационализма. В 1982 и 1983 гг. кубинские войска находились в нескольких африканских странах. Правительство США прервало и без того ограниченные связи с Гаваной, что не помешало режиму Кастро отчасти восстановить свой пошатнувшийся после неудач 1981 г. авторитет в Южном полушарии. Этому сильно способствовала война на Фолклендских островах, во время которой Куба решительно поддержала Аргентину. В благодарность Аргентина отказалась от прежней антикубинской политики и заключила с Гаваной соглашение о товарообмене. Кастро (а не генеральный секретарь ЦК КПСС) остается по сей день ключевой фигурой и живым символом коммунизма для латиноамериканцев.

Что касается СССР, то его политика в Латинской Америке оставалась двойственной: с одной стороны, поднимались на щит все экстремистские движения, лишь бы они не носили отчетливо антисоветского характера, а с другой – не прекращались попытки завязать более тесные экономические и другие связи даже с государствами антикоммунистического лагеря, например, с Аргентиной и Бразилией. Здесь Советскому Союзу не удалось добиться успеха, если не считать упомянутого выше сближения с Боливией. Что особенно примечательно, Москва ничего не выиграла от столкновения Аргентины с Великобританией из-за Фолклендов. Можно было подумать, что Аргентина обратится за поддержкой к Советскому Союзу, войдет даже в число его союзников, но то, что Москва не пошла дальше словесных выражений симпатии к аргентинцам, было для них горьким разочарованием.

Компартия Соединенных Штатов Америки, никогда не игравшая сколько-нибудь важной роли в жизни страны, сделала ставку на страх людей перед ядерной войной, недовольство

тем, что администрация Рейгана урезала ассигнования на социальные нужды. Это дало возможность коммунистам немного увеличить численность своих рядов и расширить сеть организаций. Примерно те же обстоятельства, к которым следует прибавить американо-канадские экономические трения, оказались на руку коммунистам Канады, хотя там по-прежнему соперничают две группы – компартия англоязычной части страны и партия в Квебеке, склоняющаяся к сепаратизму.

В начале 80-х гг. общее число коммунистов на земном шаре было близко к 80 миллионам (около 3% взрослого населения планеты). Почти половина из них принадлежала к коммунистической партии Китая. Немногим меньше (36,5 млн. человек) насчитывали правящие партии остальных коммунистических стран. Около 5 миллионов коммунистов находились в государствах, в которых принадлежность к компартии не приносит прямых политических или материальных выгод. Эта последняя цифра делится примерно пополам: 2,2 млн. человек состояли в компартиях просоветской ориентации и 2,5 млн. – в относительно независимых компартиях. В прокитайских компартиях состояло лишь около 15 000 чел.; все эти партии нелегальны.

Представление о численности коммунистов в разных странах и об их успехах на выборах дает прилагаемая таблица. Данные, приводимые в ней, в основном относятся к 1982–1983 гг. Составить такую таблицу, конечно, нелегко: не всегда ясно, кого относить к коммунистам, а кого нет. Типичный пример – Никарагуа, где у власти сандинисты, представляющие собой движение, очень близкое к коммунистическому. В то же время в стране имеется маленькая собственно коммунистическая (Никарагуанская социалистическая) партия. Другие примеры такого рода – партии и "национально-освободительные движения" бывших африканских колоний Португалии. Будучи ныне прокоммунистическими, они легко могут изменить курс, если изменится внешнеполитическая ситуация или внутреннее положение. Так произошло, например, недавно в Суринаме. Таблица поэтому составлена в большой степени по формальному признаку.

Наконец, мы опустили несколько десятков партий и групп, о которых вообще нет точных данных. Наиболее активными из них являются сторонники Пол Пота в Кампучии и коммунисты ЮАР. В некоторых странах имеется несколько компартий разной ориентации; они помещены в соответствующих разделах таблицы. ●

МАРКСИЗМ ЖИВ!

НОТА № 21/83 – DSQ ПОСОЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ,

НАПРАВЛЕННАЯ "МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ" ПО ВОПРОСУ О ЛИЦАХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛАГЕРЯХ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ

Посольство Социалистической Республики Вьетнам выражает свое уважение „Международной Амнистии" и в ответ на письмо „Международной Амнистии" от 6 апреля 1983 г., адресованное Председателю Совета Министров Социалистической Республики Вьетнам и призывающее к освобождению лиц, содержащихся в лагерях перевоспитания во Вьетнаме, уполномочено заявить следующее:

1. Все содержащиеся в лагерях лица совершили серьезные преступления против народа Вьетнама в период сопротивления американским агрессорам. Если бы они предстали перед судом, они могли бы быть осуждены, получив суровые приговоры, включая смертную казнь, за совершенную ими измену Родине и убийства людей.

Однако, исходя из политики гуманности и милосердия, после освобождения Южного Вьетнама Правительство Социалистической Республики Вьетнам их не осудило.

Не судить их – значит спасти их от грязного пятна, которое вынуждены были бы носить их семьи и они сами. Перевоспитать их – значит помочь им осознать свои преступления, предоставить им возможность выслушать доводы разума и превратиться в честных людей, внеся тем самым вклад в общее дело национального восстановления.

Те, кто осознали свои преступления и исправились, были возвращены к нормальной жизни, став честно работающими гражданами страны, а некоторые из них даже получили разрешение выехать за границу при посредничестве Верховного комиссара ООН по вопросам беженцев.

К настоящему времени были освобождены три четверти содержавшихся в лагерях после 1975 г., включая некоторых старших офицеров в ранге до генеральского, политических лидеров и членов парламента при бывшей сайгонской марионеточной администрации.

2. В декабре 1979 г. по приглашению Его Превосходительства г-на Фан Ван Донга, Председателя Совета Министров Социалистической Республики Вьетнам, делегация „Международной Амнистии" во главе с Генеральным Секретарем г-ном Томасом Хаммарбергом посетила некоторые лагеря, где подвергались перевоспитанию те, кто сотрудничал с врагом и совершил преступления против вьетнамского народа.

В начале 1982 г. Министр иностранных дел Его Превосходительство г-н Нгуен Ко Тхак заявил,что Правительство Социалистической Республики Вьетнам готово разрешить всем, все еще содержащимся в лагерях, выехать в США или любую другую страну, если она примет их всех и сами они согласны уехать.

Те, кто все еще упорствует и не осознал своих преступных деяний и ошибок, кто продолжает противопоставлять себя народу Вьетнама, должен продолжать подвергаться перевоспитанию.

Те, которые неспособны перевоспитаться, предстанут перед судом. Но это лишь последнее средство, ибо при совершенных ими преступлениях приговор будет очень суровым.

Это внутреннее дело Правительства и народа Вьетнама. Никто не имеет какого-либо права вмешиваться в него.

Чтобы охранять законы и порядок каждая страна имеет суверенное право применять соответствующие меры к тому, кто совершил преступление. Это находится в соответствии с существующим международным правом.

Посольство Социалистической Республики Вьетнам пользуется возможностью вновь принести "Международной Амнистии" заверения в своем глубоком уважении.

Лондон, 29 апреля 1983 г.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Сколько человек содержится в „лагерях перевоспитания" во Вьетнаме, достоверно неизвестно. В 1982 г. министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхак в одном из своих интервью официально сообщил цифру 16 000. Можно думать, что истинное количество много больше. Напомним, что речь идет только о находящихся в „лагерях перевоспитания"; в их число не включаются узники обычных лагерей и тюрем, такой, например, как знаменитая тюрьма Чи Хоа в г. Хо Ши Мин (бывший Сайгон).

Подавляющее большинство „перевоспитываемых" – члены администрации правительства республики Южный Вьетнам, члены парламента, католические священники, бизнесмены. Лишь немногие из них известны поименно. Чаще всего о конкретных лицах становится известно, когда просачиваются тревожные сведения о состоянии их здоровья, и друзья или родственники могут предать эти сведения гласности. Так, недавно стало известно о тяжелом состоянии "перевоспитываемого" Май Ван Ле, бывшего заместителя декана Сайгонской школы правоведения и председателя Национального совета экономики. Май Ван Ле страдает язвой желудка, дизентерией и бери-бери. Набор заболеваний Май Ван Ле достаточно ярко характеризирует условия содержания в лагерях перевоспитания: скудная пища, состоящая в основном из сухого вареного риса, антисанитарные условия, тяжелый физический труд.

Правительство СРВ кривит душой, заявляя, что содержание многих тысяч заключенных без суда и следствия – лишь внутреннее дело Вьетнама. 24 сентября 1982 г. Вьетнам официально присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах. Этот пакт, наряду с прочим, гарантирует гражданам всех государств-членов следующие права:

"...Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей..."

"...Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде..." (ст. 9)

"...Каждый, обвиненный в уголовном преступлении, имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону..." (ст. 14).

Нота посольства СРВ – документ во многих отношениях примечательный. Из него очевидно следует, что вьетнамское правительство не нуждается ни в каких судебных решениях: оно и без суда знает, что преступления совершены, знает и то, каким будет приговор. Возможность оправдания не предусматривается даже теоретически. Приговор может быть только суровым, вплоть до смертной казни (как же иначе – ведь почти десятилетнее содержание в лагерях без суда вьетнамское правительство даже за наказание не считает).

Не совсем, правда, ясно, каким требованиям, с точки зрения вьетнамского правительства, должен удовлетворять "искренне перевоспитавшийся". Как видно из текста ноты, некоторые "перевоспитались" до такой степени, что им даже разрешили воспользоваться услугами Верховного комиссара ООН по вопросам беженцев и покинуть "перевоспитавшую" их родину (?!).

Есть в ноте и один положительный момент: это самый факт ее появления и уважение к "Международной Амнистии", которое в ноте неизменно подчеркивается. По крайней мере, в отличие от правительства СССР, правительство СРВ не считает „Амнистию" агентом иностранных разведок и преступной организацией.

Впрочем, этот оттенок восточной вежливости – лишь "национальная форма" вполне социалистического по содержанию понимания права и законности, которое демонстрирует нам правительство Социалистической Республики Вьетнам.

●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

О Беломорстрое знает вся наша страна, знает весь мир, ибо это строительство замечательно не только тем, что оно представляет собой осуществление смелейшего технического замысла, но и тем, что на этом строительстве партией и советской властью перевоспитаны тысячи вчерашних преступников. Об этом строительстве страна и весь мир знают из постановления правительства, отметившего вчерашних преступников высшей наградой республики — орденами Ленина и Красного трудового знамени. Об этом строительстве знают из десятков очерков, помещенных в нашей периодической печати; о нем рассказывает одна из интереснейших книг — "Беломорстрой", являющаяся коллективным делом лучших советских писателей. Весьма понятен поэтому повышенный интерес, проявленный советской общественностью к фильму "ББВП" — документальному фильму о Беломорстрое, который должен был показать то, о чем не могли рассказать писатели и очеркисты в своих произведениях.

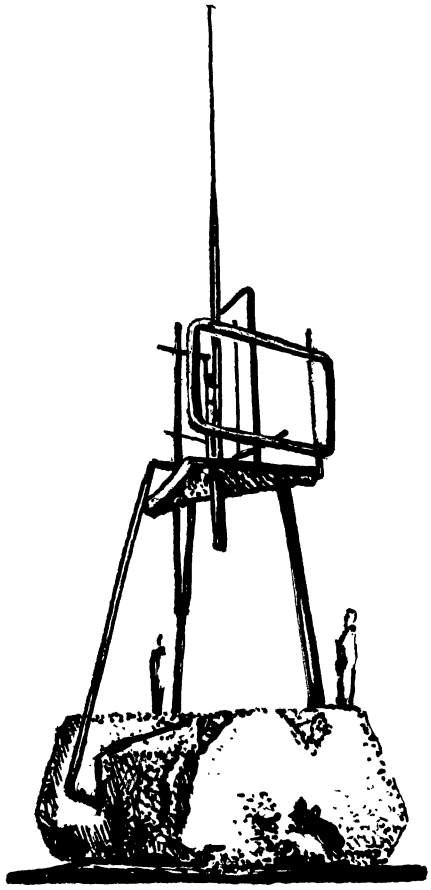
К сожалению, приходится констатировать, что фильм не выполнил своей ответственной задачи. Как это ни странно, фильм, показывающий живые снимки отдельных этапов строительства, создает о нем значительное меньшее представление, чем очерки и рассказы.

В чем причина? Прежде всего в скудости и разорванности самого материала. В фильме нет последовательного систематического показа роста строительства, не показаны героические люди стройки, не показана перековка людей. Все это делается намеками, не всегда убедительными: нельзя же счесть за показ перековки людей выступление на митинге двух бывших преступников.

Вторая причина неудач — это использование материала сценаристами В.Инбер, В.Шкловским и А.Лембергом. Инбер и Шкловский — писатели, участвовавшие в составлении книги Беломорстрой, и от них можно было ожидать гораздо большего, чем они дали.

"Фильм о Беломорстрое"
("Известия", 14 марта 1934 г.)

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЛИТЗЭКУ



В январе 1984 г. в знаменитой лондонской художественной галерее Тейт закрылась выставка английского скульптора Рега Батлера. Среди 200 скульптур, рисунков и гравюр мастера, относящихся к разным периодам его творчества, особое внимание привлекли не совсем обычные экспонаты: четыре маленьких и одна большая модель памятника, который так никогда и не был воздвигнут, – памятника неизвестному политзаключенному.

Первая модель памятника была создана скульптором в 1952 г., когда в Англии по инициативе одного бывшего американского дипломата был объявлен конкурс на памятник неизвестному политическому заключенному. Участие в конкурсе приняли скульпторы очень многих европейских и не только европейских стран. Больше всего моделей – свыше 3500 – поступило из Западной Германии, страны, где тогда была совсем еще свежа память о концлагерях, о лагерях смерти. Из Восточной Германии не поступило ни одной модели, как, впрочем, и из всех остальных социалистических стран, включая Советский Союз. Западная печать писала, что правительства этих стран запретили своим скульпторам участвовать в конкурсе. Скорее всего, однако, что скульпторы не имели даже возможности узнать, что такой конкурс вообще проводится.

Первый приз получил англичанин Рег Батлер. Победитель конкурса начинал свою карьеру архитектором, был затем преподавателем, кузнецом, техническим редактором архитектурного журнала. В 1950 г. в возрасте 37 лет он полностью посвятил себя скульптуре. Большинство первых его скульптур – он начал работать над ними сразу после войны – представляли собою подобия человеческих фигур с искаженными формами, напоминавшими зрителю фотографии жертв лагерей уничтожения (такими фотографиями тогда были полны все газеты). Работы Р.Батлера и были данью памяти об этих жертвах. Скульптор возвращался к теме лагерей снова и снова. Естественно, что он одним из первых откликнулся и на приглашение участвовать в конкурсе, надеясь, что память погибших в лагерях удастся теперь увековечить в камне и металле.

Полуметровая модель, посланная Р.Батлером на конкурс, представляла из себя нечто вроде металлической клетки, которую поддерживала конструкция, напоминающая то ли сторожевую вышку, то ли виселицу. Постаментом служила каменная глыба.

Английская пресса приветствовала решение жюри – кроме левой прессы. Левые газеты напали на саму идею конкурса, назвав ее антисоветской, порождением холодной войны. 15 марта 1953 г. художник венгерского происхождения, а затем лицо без гражданства, 28-летний Ласло Силвасси сбросил стоявшую на выставке модель памятника на пол и растоптал ее, закричав: "Теперь с ней покончено!" Позднее он объяснил свой поступок тем, что, по его мнению, Рег Батлер не нашел достойной формы, чтобы увековечить память тех, кто отдали свою жизнь и свободу за правое дело.

Рег Батлер восстановил уничтоженную модель памятника в 1955–1956 гг. в большем масштабе, когда появились планы поставить памятник в Западном Берлине близ границы с Берлином Восточным, в том месте, где через несколько лет была построена разделившая два Берлина стена. Планам этим, однако, не суждено было осуществиться. Р.Батлер умер в 1981 г. в возрасте 68 лет. Памятник, выполненный им, так нигде и не был поставлен. Сохранились лишь модели 1956 г., которые и были показаны в галерее Тейт.

Памятника нет, но лагеря все так же существуют, и все так же в них держат политзаключенных, и все так же большинство из них неизвестно миру. Сколько их – не знает никто. В начале истекшего 1983 г. Международная Амнистия числила в своих списках 5557 политзэков во всех странах мира (точнее – узников совести, не включая в это число тех, кто применял насилие для достижения своих политических целей). За год перед этим освободилось 1022 политзэка, зато попало за решетку 1743 новых. "Прогресс" налицо.

Цифры точные, потому что за ними – конкретные имена. А сколько безымянных? В Советском Союзе по очень приблизительным оценкам политзэков несколько тысяч. Из них мы знаем по именам лишь 10–15%. В Турции при военной диктатуре за решетку попало около 24 тысяч, а имен почти неизвестно, и мы не знаем, кто и когда освобожден. В Чили официально признано существование 150 политзэков, а еще 650 человек "исчезли". Где они? Генерал Ярузельский "снял" военное положение в Польше и объявил "амнистию", однако сколько политических "преступников" все еще в тюрьмах: сотни или тысячи? Что мы знаем о тюрьмах и лагерях бескрайнего Китая?

Существуют памятники погибшим в нацистских лагерях. В СССР единственные "памятники" заключенным – это "великие стройки коммунизма", целые города, построенные на Севере и Дальнем Востоке, железные дороги, каналы, высотные здания в Москве... Скульпторов тема политзаключенных не вдохновляет.

Нет памятника и тем, кто живет и умирает в лагерях сегодня. Есль лишь модель, недавно увезенная куда-то с закрывшейся выставки.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Советские художники, с каждым годом все полнее и полнее отображая наше социалистическое строительство, не могли, конечно, не воплотить в своих произведениях образа первого руководителя нашей социалистической стройки, вождя и учителя – тов.Сталина. Мы имеем немало произведений во всех областях нашего изобразительного искусства, посвященных т.Сталину. Изогиз поступил безусловно правильно, собрав в альбом лучшие из этих произведений. В альбоме мы имеем репродукции ряда картин, на которых изображен т.Сталин: А.Герасимова – "Сталин на 16-м съезде партии", Михайловского – "Ленин и Сталин в Горках", Сварога – "Штаб Октября", Авилова – "Приезд Сталина в Первую конную армию", Кардовского – "Сталин, Ворошилов, Молотов и Каганович на маневрах", Вялова – "Сталин и Ворошилов на крейсере "Червона Украина." В альбоме помещены портреты т.Сталина работы художников Бродского, Дени, Кравченко, Кацмана, Михайловского, Алферова и Пискарева. Скульптура представлена репродукцией с работы Лишева "Сталин и Ворошилов". Репродуцированы в альбоме также лучшие из плакатов с изображением тов. Сталина: несколько плакатов Клуциса, плакаты Тоидзе, Дени, Бориса Ефимова, Елкина, Кокорекина, Мизина, Зотова, Пинуса. Альбом прекрасно оформлен.

("Известия", 6 марта 1934 г.)

АРХИВ

ИЗГНАНИЕ ИЗ ЭДЕМА

Материалы о высылке Льва Троцкого из СССР

Можно считать бесспорным, что Троцкий, как и Ленин, был ведущей фигурой Октябрьской революции. Несмотря на частые расхождения с Лениным, Троцкий оставался ближайшим соратником основателя советского государства вплоть до его смерти. В 1923 году Ленин предлагал Троцкому союз против опасно выдвинувшегося Сталина, однако Троцкий ответил отказом. Дальнейшая судьба Троцкого известна, главным образом, в официальной советской версии, восходящей к сталинскому "Краткому курсу истории ВКП(б)".

Мы предлагаем вниманию читателей подборку документов из Архива Л.Д.Троцкого, освещающих некоторые обстоятельства опалы Троцкого. Документы публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (США), где в настоящее время хранится Архив.

1.

Дорогой Лев Давыдович,

Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В.И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю.

29 января 1924 г. *Н. Крупская*

После смерти Ленина положение Троцкого пошатнулось. Мало интересуясь властью как таковой, Троцкий одну за другой сдавал позиции и к 1927 г. фактически утратил влияние в партийных верхах.

2.

В политбюро Президиума ЦКК

Мы формально требуем немедленного и точного расследования и привлечения виновных к ответственности – по целому ряду бесчинств, насилий и погромного характера действий во время юбилейной демонстрации 7-го ноября 1927 г.

1. Мы писали уже вам о том, как группа, состоящая преимущественно из военных, – отнюдь не рядовых красноармейцев, – ворвалась в квартиру члена ЦК ВКП(б) тов.Смилги, взломав дверь, и насильственно отобрала красное полотнище с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого.

Одновременно делались попытки с крыши сорвать крючком, доской и пр. плакат с лозунгом: "Выполним завещание Ленина". При этом было разбито стекло в окне.

До взлома дверей в квартиру неоднократно стучались агенты ГПУ и другие лица, требовавшие, чтобы их допустили ко снятию плакатов. Хозяйка квартиры, жена т.Смилги, вынуждена была отвести детей на другую квартиру. Взломщики заняли все двери и лестницы, проверяли и контролировали всех входящих и выходящих. Установить всех виновников в разгроме квартиры т.Смилги не пред-

ставляет никакого труда. Одним из организаторов налета является, по имеющимся у нас данным, начальник военной школы ЦИК Лашук. Мы можем указать на целый ряд свидетелей, которые видели взломщиков и без труда опознают их. Фамилии ряда взломщиков известны уже и сейчас.

2. Второй налет был организован на балкон гостиницы "Париж". На этом балконе помещались т.т.Смилга, Преображенский, Грюнштейн, Альский и др. Организатором фашистской группы явился здесь небезызвестный Борис Волин, нравственная физиономия которого не нуждается в оценке. Налетчики, после бомбардировки балкона картофелем, льдинами и пр., ворвались в комнату, путем побоев и толчков вытеснили названных товарищей с балкона и затем подвергли их задержанию, т.е. фактически арестовали в одной из комнат гостиницы "Париж" на несколько часов. Ряд оппозиционеров был избит. Тов.Троцкая была сбита с ног. Побои сопровождались тем более гнусными ругательствами, что среди налетчиков были пьяные.

3. При проезде автомобиля с т.т. Каменевым, Мураловым и Троцким по Семеновской улице произошел загадочный инцидент, выяснить который – при желании – не составило бы большого труда. Автомобиль проезжал мимо рядов демонстрантов, приветствуемый криками и аплодисментами большинства и сопровождаемый свистками ничтожного меньшинства. Навстречу этому автомобилю ехал по той же линии, вдоль демонстрантов, автомобиль с т.т. Буденным, Цихоном и др. Совершенно очевидно, что движение обоих этих автомобилей было одинаково законно. Когда автомобиль с т.т. Каменевым, Мураловым и Троцким уже оставил позади себя колонну демонстрантов, раздалось вдогонку четыре выстрела – один за другим. Выстрелы во время юбилейной демонстрации были настолько неожиданны, что сидевшие в автомобиле предположили сперва, что эти звуки имеют другое происхождение (лопнувшие шины, хлопушки и пр.). Но вдогонку за автомобилем мчалось несколько фигур. Шофер замедлил ход автомобиля. На подножку вскочили с одной стороны пожарный (из командиров), с другой стороны – две подозрительные фигуры, сразу схватившиеся за руль. Пожарный разразился площадными ругательствами. К нему на подмогу подбежало еще несколько человек, пытавшихся довести дело до физической расправы. Только подоспевшая часть демонстрантов удержала их от этого. В зубах у пожарного-командира был роговой свисток – из числа тех, какими пользуются свистуны-фашисты. Свисток был вырван у пожарного одним из сидевших в автомобиле и может быть предъявлен при расследовании дела. В толпе говорили, что стреляли милиционеры. Никто из милиционеров, однако, к автомобилю не подошел, и никаких требований нам предъявлено не было. Установить личность стрелявших, а также преследовавших автомобиль (на глазах у Буденного и Цихона) не представляло бы никакого труда.

4. В разных частях шествия на оппозиционеров набрасывались, подвергая их избиению. Чаще всего такого рода налеты сопровождались разнузданными выкриками черносотенного, в частности антисемитического характера, – совершенно независимо от того, к какой национальности принадлежал избиваемый. Здесь повторилось точка в точку то, что наблюдалось при избиении большевиков на улицах Ленинграда в июле 1927 г., когда наибольшую активность и решительность проявляли наиболее черносотенные элементы. Целый ряд потерпевших коммунистов нам известен. На основании их показаний, как и показаний свидетелей, можно без труда установить виновных. Все такого рода действия ни в малейшей степени не походили на расправу толпы. Наоборот, все они совершались за спиной толпы, при небольшом количестве зрителей, силами небольших групп, при руководящем участии официальных или полуофициальных лиц, которых, как уже сказано, не трудно найти.

Мы спрашиваем вас: намерены ли вы произвести формальное, открытое и беспристрастное расследование по названным нами и многим не названным хулиганским бесчинствам против оппозиционеров или подозреваемых в оппозиционности? Значение этого вопроса для дальнейшего внутреннего развития нашей страны не требует пояснений. В случае неполучения от вас ответа мы примем для освещения всего этого дела те меры, которые вытекают из интересов нашей партии, нашей революции и международного рабочего движения.

9 ноября 1927 г.

Протест, подписанный видными деятелями оппозиции (на копии документа в Архиве Троцкого подписи не приведены). В дальнейшем Зиновьев и Каменев признали свои ошибки на страницах "Правды", а большинство других активных участников выступления были наказаны.

3.

Секретарю ЦИК СССР

Сим извещаю, что в связи с состоявшимся обо мне решением я вчера, 14-го ноября, выселился из занимавшейся мною до сих пор квартиры в Кремле. Впредь до того, как найду себе постоянную квартиру, я временно поселился в квартире т.Белобородова (улица Грановского, 3, кв. 62). Ввиду того, что мой сын заболел, жена и сын останутся в Кремле еще в течение нескольких ближайших дней. Надеюсь, что квартира будет освобождена окончательно не позже 20-го ноября.

15 ноября 1927 г. *Л.Троцкий*

В начале января 1928 года Троцкого уведомили, что в ближайшие дни он будет выслан из Москвы. Агенты ОГПУ явились к нему на квартиру ранее указанного срока. Троцкий заперся, дверь была взломана, Троцкого с семьей силой посадили в машину и доставили на вокзал, откуда он был поездом отправлен в ссылку.

4.

ОГПУ – ЦИК СССР Телеграмма

Когда меня арестовывали в разных странах, то не прикрывались обманом. ГПУ же нагромождает путаницу и обманы. Мне было заявлено, что я еду в среду вечером, а захватили во вторник утром без вещей и необходимых лекарств. В письменном объявлении сказано было, что меня препровождают в г. Алма-Ата, а по пути изменили на Ташкент, откуда, очевидно, направят в более отдаленный пункт. Таким образом, еду с больной женой без белья, без лекарств и без надежды получить их вскоре, тем более, что для досылки по почте мною дан адрес на Алма-Ату.

18 января 1928 г. *Троцкий*
Самара (в пути)

5.

Если оставить в стороне контрреволюционный характер ссылки меня по 58 ст., а также возмутительные условия отправки меня и моей семьи из Москвы, зависевшие, очевидно, не от конвойной команды и ее начальника гр.Кишкина, то в отношении следования по железной дороге я не имею никаких претензий к гр.Кишкину, который для облегчения мне и моей семье следования сделал все, что мог в рамках данного ему свыше поручения.

21–22 января *Л.Троцкий*
станц.Туркестан

6.

Пред. ОГПУ Менжинскому
Пред. ЦИК Калинину Телеграмма

Высылка меня семьей предполагала наличие жилья. Между тем все квартиры Алма-Ате забронированы. Местное ГПУ никакого содействия не оказывает. Мы поселены ГПУ гостинице условиях близ-

ких тюремным. Питаемся ресторанной пищей гибельной для здоровья. Не имеем возможности извлечь белье книги из багажа остутствием помещения. Оплата гостиницы ресторана нам совершенно не по средствам. Необходима достаточная квартира кухней.

31 января 1928 г. *Троцкий*
Алма-Ата

7.

Пред. ЦКК Орджоникидзе Телеграмма
Пред. ЦИК Калинину
Нач. ГПУ Менжинскому

1. Нач. ГПУ препятствует выехать на охоту, отказывается дать письменное постановление. Это равносильно замене ссылки арестом.
2. По-прежнему живу семьей гостинице. Квартира отведена без отхожего места разрушенной кухней зато возле ГПУ исключительно для удобства последнего.
3. Условия тюремного заключения можно создать в Москве незачем ссылать 4 тысячи верст.

Февраль 1928 г. *Троцкий*

8.

Две недели, как мы прибыли в Алма-Ата. Землетрясений пока что не было, но обещают. Равным образом не было и наводнений. Но резерв для наводнений держится всегда наготове, ввиде Иссыкского озера, которое возвышается над городом, подобно громадной чаше с водою, и в любое время может быть опрокинуто на спину обитателя. Впрочем, эти явления пока еще только в перспективе. Живем в гостинице "Джетысу", что значит Семиречье, – в ужасающем хаосе, который хотя и не является результатом землетрясения, но очень напоминает последнее. Квартира нам уже отведена, и дня через 2–3 мы в ней водворимся. Впрочем, ненадолго, т.к. в мае собираемся во что бы то ни стало перебраться выше в горы, так называемые сады: в городе, как говорят, жестокая жара, а главное – совершенно невыносимая пыль.

С городом я совершенно не знакомился, т.к. сидел почти все время безвыходно с повышенной температурой. Охотой интересовался пока что только теоретически. Хищническое ведение охоты за последние годы сильно поубавило дичи. Тем не менее дичь здесь, как говорят, есть и – главное – отмечается чрезвычайным разнообразием: от перепела и стрепета до барса и тигра. Тигры, впрочем, довольно далеко отсюда, на Балхашском озере, и непосредственной опасности им от меня не угрожает.

До настоящего момента я успел по телеграфу снестить с Раковским, Сосновским, Каспаровой и Мураловым. Все они благополучны и приступили к работе, по-видимому, все "планируют". От Серебрякова я ответа еще не получил, телеграфировал ему в Семипалатинск. Неужели же он не там? От Радека из Ишима я также не получил ответа на свою телеграмму, посланную, правда, только вчера: возможно, что он, ввиду своеобразия своего рода жизни, до сих пор еще моей телеграммы попросту не вскрыл... Написал я с десяток, а то и полтора, открыток в разные места. Но писем еще ни откуда не получал. Почта приходит сюда из Москвы то на 9-й, то на 12-й, то на 15-й день, в зависимости от состояния пути между Пишпеком и Алма-Ата. Из 2-х газет, на которые я подписался при отъезде ("Правда" и "Экономическая Жизнь"), я получаю только последнюю. Местная газетка "Джетысуйская Искра" выходит 3 раза в неделю. Между Алма-Ата и Пишпеком существует воздушное сообщение, которое перевозит письма по особому тройному тарифу. Газеты же идут гужевым путем.

Книг своих я почти еще не разобрал. Занимался все это время главным образом Китаем. К сожалению, один чемодан наиболее для меня нужных книг потерян при перевозке и, несмотря на все принятые меры, до сих пор не найден: в этом чемодане были новейшие книги по Китаю, а также ценные географические карты. Не знаю, какое применение найдет это имуществу в степях Казахстана. Впрочем, может быть, книги о Китае ушли в Китай, т.к. через Алма-Ату проходит тракт на Кульджу, и по этому тракту не редкость встретить китайские двуколки на высоких колесах. Как Вам, вероят-

но, известно, Алма-Ата находится в сердце Азии.

Письмо двух покойничков в редакцию доставило мне несколько минут веселого настроения. Они занимаются трусливо жалким переложением редакционной статьи, которая сопроводила в свое время опубликование двух документов... Думаю, что они основательно вышли в тираж...

Международное положение сейчас требует величайшего к себе внимания. До сих пор стабилизационный процесс упирался преимущественно в препятствие второго порядка, выросшее непосредственно из империалистической войны. Над этими препятствиями капитал одержал ряд серьезных побед, и именно это дало ему возможность подняться и оправиться (конечно, необходимейшим условием для этих экономических побед капитала явился ряд политических поражений пролетариата), но теперь стабилизационный процесс чем дальше, тем больше упирается в основные противоречия, в те самые, которые породили последнюю империалистическую войну. За последнее десятилетие международные отношения обострялись и смягчались эпизодически. Сейчас мы входим в полосу систематического и планомерного обострения международных отношений. На первом месте стоят, конечно, отношения Великобритании и С.А.С.Ш. Этот фактор становится основным – я говорю об антагонизме Англии и С.А.С.Ш. В Америке надвинулся, по-видимому, серьезнейший торгово-промышленный кризис при финансовом и вообще экономическом могуществе Соединенных Штатов этот кризис неминуемо вызовет бешенную волну империализма, а значит и военно-морских вооружений. Англия уже в ближайший период будет поставлена перед альтернативой: окончательно стать на коленки перед Америкой или воевать. Какой бы путь она ни выбрала, он будет означать для нее неизбежность величайших социальных потрясений. Что касается остальной Европы, то она будет плясать под музыку англо-американского антагонизма – подобно тому, как карась пляшет на сковородке. Отсюда вытекает, что в революционных ситуациях недостатка в ближайшие годы не будет. Весь вопрос в умелом использовании этих ситуаций...

Главные затруднения для меня в работе над международной обстановкой состоят в отсутствии иностранной периодической печати. Может быть, впрочем удастся с течением времени наладить получение хотя бы важнейших мировых газет (запоздание на месяц и даже более в конце концов терпимо). Второе препятствие, как Вы, вероятно, знаете, состоит в том, что я остался без своего секретаря. Приходится налаживать техническое сотрудничество на новых началах. К счастью, машину я с собой привез сюда, и, опять-таки к счастию, ее не потеряли по дороге.

Без подписи. Частное письмо Троцкого к неизвестному адресату. Упомянутые в тексте "покойнички" – Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев, написавшие покаянное письмо в редакцию "Правды".

О жизни в Алма-Ате вспоминала жена Троцкого Наталья: "В маленьком соломенном шалаше в яблоневом саду кипела работа: безостановочно стрекотала пишущая машинка – вещь в этих местах неслыханная; Л.Д. диктовал критические замечания на программу Коминтерна... Наша почта была увесистой: по 10–15 писем в день и множество телеграмм".

(Цит. по кн.: Дж.Кармайкл, "Троцкий", 1980)

9.

Пред. ГПУ Менжинскому Телеграмма
Копия: Нач. Алмаатинского ГПУ Иванову

Месяц назад ГПУ запретило охоту. Две недели назад сообщило разрешение. Теперь заявило ограничение 25 верстами, где охоты нет. Это равносильно запрещению охоты. Полагая, что здесь явное недоразумение, сообщаю, что собираюсь на охоту в Илийск, 70 верст. Прошу соответственных общих указаний местным властям во избежание бесцельных столкновений.

6 марта 1928 г. *Троцкий*

10.

Начальнику Джетысуйского отд. ГПУ

Считаю нужным сообщить вам, что я прервал охоту ввиду того, что формы наблюдения за мною имели слишком демонстративный характер и стали предметом широких толков. Я не собираюсь, разумеется, отрицать ваше право вести наблюдение за административно-ссыльным. Но полагаю, что это наблюдение могло бы быть организовано менее кричащим образом, без всякого ущерба для его действительности. Разумеется, эти мои соображения отпадают, если джетысуйский ОГПУ и в отношении форм наблюдения связан определенными директивами Москвы.

17 марта 1928 г. *Л.Троцкий*
Алма-Ата

11.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Товарищи!

По полученным сведениям, тов.Л.Д.Троцкий опасно заболел. Его изнурила до потери трудоспособности малярия, которой заражена вся местность, где он находится в ссылке.

Товарищи, ближайшему соратнику Ленина, вождю Октябрьской Революции, организатору Красной Армии, одному из создателей Коммунистического Интернационала, испытанному борцу за дело рабочего класса угрожает величайшая опасность.

Требуйте немедленного возвращения тов. Троцкого из ссылки в Москву. Требуйте этого везде и всюду.

Клеймите предателем Октябрьской Революции всякого, кто посмеет оказать этому требованию сопротивление.

Товарищи, добивайтесь от Центрального Комитета партии и правительства ответа на вопрос: почему вождя пролетарской революции бросили в местность, гибельную для его здоровья, и без того подорванного десятилетиями эмиграции, царских тюрем, ссылок и неутомимой борьбы за дело рабочего класса, – в то время как бюрократов с семьями направляют на курорты?

Почему товарища Троцкого держат в малярийной Алма–Ате, когда палачи рабочего класса Слащевы, Гоцы и другая сволочь разгуливает по улицам пролетарских столиц?

Товарищи, заставьте ЦК партии и правительство принять срочные меры к спасению жизни т. Троцкого. Время не ждет.

Москва, 9 сентября 1928 г. *Большевики-ленинцы (оппозиция ВКПб).*

Товарищ, прочитав, передай другому.

Листовка распростанялась троцкистами в Москве и, вероятно, в других городах. Сведения о состоянии здоровья Троцкого сильно драматизированы.

12.

Слушали

18. О листовках троцкистов.

Постановили:

Предложить т.т. Угланову и Ярославскому средактировать в опубликовываемом докладе т.Угланова соответствующее место о состоянии здоровья Троцкого.

Выписка из протокола заседания Политбюро от 20 сентября 1928 г., присланная Троцкому его сторонниками.

25 сентября 1928 г. Н.А.Угланов сделал доклад на совещании секретарей партийных ячеек московской организации. "Средактированное" им и Е.М.Ярославским место звучит так: "Троцкий-то здоров. Третьего дня он только вернулся с двухнедельной охоты. Кампания же, поднятая оппозицией, – это только предлог..."

13.

Всем крайкомам, областкомам, Нац. ЦК., губкомам ВКП (б)

Ввиду ослабления внимания парторганизаций к идейно-политической борьбе с троцкистскими элементами и ввиду новых попыток их оживления ЦК постановил:

1) Предложить партийным организациям усилить идейно-политическую борьбу с троцкистскими элементами, в частности, путем настойчивого индивидуального разъяснения соответствующих вопросов отдельным товарищам, в особенности рабочим, а также путем решительного отпора на собраниях антипартийным выступлениям, ограничивая, однако, такую дискуссию действительным минимумом. Для этого парткомы должны иметь своевременную информацию о подобных фактах, вести их учет и т.п.

2) Распространяемые троцкистами документы должны получать отповедь в "Большевике", а иногда и в "Правде".

3) Допускать в отдельных случаях перевод активных антипартийных элементов из крупных предприятий на более мелкие или в учреждения. Не допускать подобных элементов в ряды Красной Армии.

4) В отношении подпольных антипартийных и антисоветских группок, особенно когда они вносят элементы разложения в рабочую среду, необходимы решительные меры революционной репрессии.

26 сентября 1928 года

Секретарь ЦК *Молотов*

14.

Дорогие товарищи.

По вопросу о моем переводе в другое место ряд товарищей пишет о необходимости "более энергичных" протестов. Это неправильно. Ссыльные товарищи сделали решительно все, что могли, отправив телеграммы. Состояние мое вовсе не является таким тяжким, как рисуется некоторым товарищам. Сейчас мне значительно лучше. Но и независимо от этого надо ясно сказать себе, что судьба ссыльных, и моя в том числе, может быть разрешена не "обострением" протестов самой ссылки, а р а с ш и р е н и е м этих протестов далеко за пределы ссылки. Из доклада Угланова вытекает, что это "расширение" уже происходит. Что и требовалось доказать. Крепко жму руку.

1 окт. 1928 г.
Алма-Ата

Ваш *Л.Троцкий*

Письмо Троцкого было размножено и, по-видимому, рассылалось его приверженцам. На сохранившемся в архиве экземпляре стоит номер 39.

15.

Дорогой друг, я не писал тебе очень давно исключительно потому, разумеется, что не знал твоего адреса, ибо был уверен, что ты давно уже покинул Астрахань. Но дело, как оказывается, сложи-

лось не так: всегда есть дополнительные гнусности, которых не ждешь, хотя, казалось бы, мы с тобой достаточно знаем мастера сих дел, который несет за них непосредственную ответственность. Поистине классический характер имеет ответ зам. Кагановича Самсонова Александре Георгиевне о том, что тебе нельзя лечиться в Кисловодске:" Так постановил и Конгресс Коминтерна, вы, наверное, читали его резолюцию". Не совсем понятна мне формальная сторона дела. Ведь ты поехал по линии ЦК, почему же они отсылают Ягоде или Трилиссеру? Кстати, Балаболкин направо и налево уверяет, что Ягода и Трилиссер принадлежат к его фракции.

Все, что ты сообщаешь о приступах малярии у тебя, весьма совпадает с такими же приступами у меня. Основные симптомы те же, плюс острые головные боли, в форме каких-то последовательных толчков. Июль, август были у меня очень плохи. Хинизация помогла. Сентябрь был гораздо лучше. В октябре приступы возобновились. Опять хинизация. Стало лучше. Я даже отправился на охоту, на которой провел полторы недели. Во время охоты чувствовал себя очень хорошо, так же как в первые дни после возвращения. Но вот уже три дня как приступы возобновились, вчера был очень тяжкий день. Снова глотаю хинин. У Наталии Ивановны приступы также возобновились в полной мере, причем у нее они чаще сопровождаются повышенной температурой до 37,5. Тебе, вероятно, сообщали, как Ярославский объяснял на каком-то собрании, что мы, мол, совсем уже решили было перевести его на Кавказ, но в виду требований и протестов изменили решение. Копию твоего письма т.Валентинову я в свое время получил и хотел тогда же телеграфировать тебе свое восхищение этим письмом, но не знал, по какому адресу. Оно у нас немедленно было переписано в значительном числе экземпляров и разослано ряду друзей. Очень обидно, что бюрократическая служба отнимает у тебя много времени...

Борьба с правым уклоном инсценирована в духе конструктивизма. Прямо-таки меерхольдовская постановка. Все единогласно и единодушно, полностью и целиком борются против некоего злодея П.К. (правый уклон). Адрес коего, однако, никому неизвестен. С правым уклоном борются столь же и еще более решительно, чем с оппозицией. Так гласят, по крайней мере, ежедневные аншлаги в "Правде", редактором коей состоит вождь VI Конгресса Коля Балаболкин. Чудеса в решете, да и только. Однако за этим конструктивистским маскарадом открываются серьезнейшие процессы. Есть все основания думать, что на этот раз дело зайдет много дальше, чем хотели бы мастера конструктивной постановки. Об этом, впрочем, я еще напишу подробнее на-днях... Любопытно, что в то же самое время, как официально заявляется о полном единогласии в Политбюро, вышеозначенный Коля сообщает по секрету всему свету, что разногласия с оппозицией были ничтожны, по сравнению с теми разногласиями, которые отделяют тройку от мастера, и что дискуссии они не открывают только потому, что она сразу приняла бы "огнестрельный" характер: нам (Коле и его единомышленникам) пришлось бы сказать: "Вот человек, который довел страну до голода", а он сказал бы: "Вот защитники кулака и нэпмана". Все это сообщают, если не дословно, то почти дословно, во всяком случае вполне достоверно. О шашнях Коли с двумя мушкетерами в Москве говорят совершенно открыто. Мушкетеры, однако, воздерживаются, ожидая за это поощрения от мастера.

Письмо написано Троцким известному оппозиционеру К.Х.Раковскому, также оказавшемуся в ссылке. Коля Балаболкин – Бухарин, "мушкетеры" – Каменев и Зиновьев, "мастер" – Сталин. Незадолго перед этим Бухарин сделал попытку вступить в союз с Каменевым и Зиновьевым для совместной борьбы против Сталина. Однако его предложение было встречено холодно.

16.

Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 г.

С л у ш а л и:

Дело гражданина Троцкого Льва Давыдовича по ст.58–10 Уголовного Кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти.

П о с т а н о в и л и:

Гражданина Троцкого Льва Давыдовича – выслать из пределов СССР.

20 января 1929 г.
Алма-Ата

В е р н о: *Нач. Алмаатинского окротдела ОГПУ*

Этот документ был вручен Троцкому 20 января под расписку, в которой Троцкий написал следующее: "Преступное по существу и беззаконное по форме постановление О.С. при Коллегии ГПУ от 18 января 1929 г. мне было объявлено 20 января 1929 г. Л.Троцкий".

Сохранилось описание высылки Троцкого, сделанное им самим от третьего лица. Вероятно, он предполагал опубликовать его в виде статьи или брошюры. В текст работы Троцкий включил многочисленные обращения к советским и турецким властям. Слова в скобках вычеркнуты автором при подготовке к публикации.

17.

...22 января Троцкий с женой и сыном были на автомобиле, затем на санях и снова на автомобиле отправлены под конвоем на станцию Фрунзе – 250 километров, – оттуда по железной дороге в направлении на Москву. Еще в Алма-Ата Троцкий заявил уполномоченному ГПУ, что заграницу его вообще не могут выслать против его желания, и в то же время категорически требовал указания предполагаемого места высылки. Только в районе Самары ему сообщили, что дело идет о Константинополе. Троцкий заявил, что, протестуя против высылки заграницу вообще, он будет всеми доступными ему средствами сопротивляться высылке в Турцию. Это было по прямому проводу сообщено в Москву. Там, по-видимому, все было предвидено, кроме отказа Троцкого добровольно выехать заграницу. Москва начала новые переговоры с заграницей. Тем временем особый поезд с Троцким и его семьей (из Москвы были в условиях глубокой тайны доставлены еще два члена семьи – прощаться) был переведен на глухую железнодорожную ветку в лесу и стоял там под метелями неподвижно 12 суток. Паровоз с вагоном отправлялся ежедневно за продуктами и обедом на ближайшую крупную станцию. Наконец, 8 февраля новый уполномоченный ГПУ Буланов сообщил, что попытка Москвы добиться согласия на высылку Троцкого в Германию натолкнулась на категорический отказ германского правительства, и что в силе остается поэтому решение о высылке в Турцию. На повторное заявление Троцкого, что он на границе заявит турецким властям о своем отказе следовать дальше, уполномоченный ГПУ Буланов ответил, что такое заявление ничего не изменит, ибо с турецким правительством вопрос согласован и на тот случай, если Троцкий откажется добровольно следовать в Турцию.

ЦК ВКБ (б), ЦИК СССР, ИККИ

1. Представитель ГПУ сообщил, что германское с.–д. правительство отказало в визе. Значит, Мюллер и Сталин сходятся в политической оценке оппозиции.

2. Представитель ГПУ сообщил, что я буду передан в руки Кемаля против моей воли. Значит, Сталин сговорился с (душителем коммунистов) Кемалем о расправе над оппозицией как над общим врагом.

(3. Представитель ГПУ отказался говорить о минимальных гарантиях против белогвардейцев, русских, турецких и иных, хотя бы и при принудительной высылке в Турцию. Под этим кроется прямой расчет на содействие белогвардейцев Сталину, которое принципиально ничем не отличается от заранее обеспеченного содействия Кемаля.)

(4. Невыполнение уже данного мне обещания о доставке необходимых мне книг из Москвы есть частичная иллюстрация грубой нелояльности в большом и в малом.)

(5. Заявление представителя ГПУ, будто "охранная грамота" дана Кемалем на мои вещи за вычетом оружия, т.е. револьверов, есть фактическое разоружение меня на первых же шагах перед лицом белогвардейцев с заведомо ложной ссылкой на турецкое правительство).

Сообщаю вышеизложенное для своевременного закрепления ответственности и для обоснования тех шагов, которые сочту нужным предпринять против чисто термидорианского вероломства.

7–8 февраля 1929 г. *Л.Троцкий*

Но "единство фронта" с турецкими властями было уже к этому времени обеспечено полностью, и Сталину оставалось только продолжать выполнение своего плана.

10 февраля особый поезд в составе нескольких вагонов, наполненных агентами ГПУ, доставил Троцкого в Одессу. Здесь предполагалась посадка на пароход "Калинин", но он замерз во льдах. Спешно был поставлен под пары другой пароход, "Ильич", в каютах которого еще царил в первые часы жестокий холод. Здесь руководство перешло к третьему уполномоченному ГПУ, Фокину. Троцкий заявил ему сперва устный протест, затем вручил нижеследующий документ.

Уполномоченному ГПУ гр. Фокину.

Согласно заявлению представителя коллегии ГПУ Буланова, Вы имеете категорическое предписание, невзирая на мой протест, высадить меня, путем применения физического насилия, в Константинополе, т.е. передать в руки Кемаля и его агентов.

Выполнить это поручение Вы можете только потому, что у ГПУ (т.е. у Сталина) имеется готовое соглашение с Кемалем о принудительном водворении в Турции пролетарского революционера объединенными усилиями ГПУ и турецкой национал-фашистской полиции.

Если я вынужден в данный момент подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны бывших учеников Ленина (Сталина и К^{О}), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь, недалекое возрождение Октябрьской революции, ВКП и Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне раньше или позже возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского преступления, так и его исполнителей.

12 февраля 1929 г. *Л.Троцкий*
Пароход "Ильич", при приближении к Константинополю.

Его превосходительству г-ну Президенту Турецкой Республики.

Милостивый Государь!

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по собственному выбору и,, что перейти эту границу я могу лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин Президент, принять соответственные мои чувства.

12 февраля 1929 г. *Л.Троцкий*

Турецкий полицейский офицер, как и предупреждал заранее уполномоченный ГПУ, сделал вид, что это его совершенно не касается. Пароход проследовал дальше на рейд и Троцкий, после 22-х дневного путешествия, оказался в Турции.

На Ваше сегодняшнее требование выехать из консульства отвечаю следующее:

Буланов и Волынский предложили мне от имени ГПУ, т.е. ЦК ВКП, следующие условия поселения в Константинополе:

а. Агенты ГПУ находят квартиру в отдельном доме за городом, т.е. в таких условиях, которые дают минимальные топографические гарантии против совершенно легкого и безнаказанного покушения белогвардейцев или иностранных фашистов.

б. Сермукс и Познанский доставляются сюда с ближайшим пароходом, т.е. не позже как через три недели.

в. До их приезда я живу – по собственному выбору – либо в консульстве (что, по мнению ГПУ, было бы самое лучшее), либо в особняке указанного выше типа при временной охране из агентов ГПУ.

Ни одно из этих условий не выполнено.

а. Из показанных 5–6 квартир только одна до некоторой степени отвечает условиям безопасности. Но для ее приведения в пригодный вид нужны две-три недели, причем я совершенно не знаю, по силам ли будут мне финансовые требования домохозяина.

б. В приезде Сермукса и Познанского, вопреки категорическому обязательству, теперь отказано.

в. Фокин уехал, не выполнив ничего из тех обязательств, которые – по словам Буланова – на него были возложены.

Между тем Константинополь кишит белыми русскими. Белые газеты расходятся здесь в количестве свыше тысячи экземпляров. Ссылки на то, что "активные" белые высланы, просто смешны. Наиболее активные, конечно, держатся в секрете, не говоря о том, что они в любое время могут приехать из других мест и найти прикрытие у "неактивных" белых. Безнаказанность им обеспечена заранее.

В этих условиях отказ Москвы выполнить обязательства и прислать Сермукса и Познанского и ваше одновременное требование покинуть здание консульства, хотя вы не предложили даже сколько-нибудь пригодной квартиры, означает требование, чтобы я подставился добровольно под удары белогвардейцев.

После того, как Вы сообщили мне об отказе Москвы выполнить данное обещание относительно Сермукса-Познанского, я заявил, что, во избежание мирового скандала на "квартирной" почве я попытаюсь вызвать друзей из Германии или Франции, которые помогут мне устроиться на частной квартире или же будут сопровождать меня в другую страну (в случае получения визы).

Несмотря на то, что вызванные мною лица еще не могли даже выехать, вы предъявляете мне новое требование об оставлении консульства. Эта торопливость направлена целиком против элементарнейших требований безопасности, моей и моей семьи.

Я не имею никакого желания осложнять положение, и без того не простое. Я не имею никакого интереса оставаться в консульстве ни одного лишнего дня. Но я не намерен поступаться элементарнейшими требованиями безопасности моей семьи. Если вы попытаетесь разрешить вопрос не на основах соглашения, а применением физической изоляции меня и моей семьи, как вы мне сегодня говорили, то я оставлю за собой полную свободу действий. Ответственность за последствия будет целиком на ЦК ВКП.

5 марта 1929 г. *Л.Троцкий*

Представителю ГПУ гражданину Минскому

В тех условиях, в каких вы выселяете нас из консульства с применением физического насилия, вы выполняете поручение тех термидорианцев, которые сознательно и преднамеренно хотят подвести меня и мою семью под удары врагов Октябрьской революции.

Вы не можете этого не понимать, ибо слишком хорошо знаете обстановку в Константинополе, – следовательно, не только Сталин и его фракция, но и вы, исполнители, несете за последствия всю полноту ответственности.

8 марта 1929 г. 17 час. 40 мин. *Л.Троцкий*

Выселение Троцкого из советского посольства в Стамбуле произошло в этот же день. Тем не менее "враги Октябрьской революции" не тронули его. В дальнейшем Л.Д.Троцкий перебрался в Европу, а затем поселился в Мексике, где 20 августа 1940 г. был убит по указанию Сталина.

(Публикацию подготовил Ю.ФЕЛЬШТИНСКИЙ)

Рафаил ШАПИРО

КОРРУПЦИЯ КАК МЕТОД РУКОВОДСТВА

Представители самых различных национальностей устремились в большие русские города с целью добиваться здесь успеха, делать карьеру, спекулировать и т.п. В результате русский народ оказался в этой империи в самом тяжелом положении. Русскому народу следовало бы в первую очередь бороться за равенство среди других народов и независимость от них.

А.Зиновьев. Стабильно ли советское общество?
("Континент" № 37)

Одно из сравнительно новых и малоизученных явлений советской действительности – неофициальная пропаганда. По мере того, как исчезает доверие к газетам, радио и телевидению, власти все шире используют для насаждения нужных им представлений такие приемы и средства, как распространение слухов, "утечку" псевдоинформации, "закрытые" и полузакрытые доклады и т.п., где сообщаются якобы строго секретные и абсолютно достоверные сведения.

Цель такого рода дезинформации – внедрить в сознание широких масс устойчивые стереотипы, которые позволили бы, в частности, объяснить некоторые хорошо известные факты советской жизни (например, нехватку продуктов и товаров, коррупцию, воровство в больших масштабах и пр.), о которых официальная пропаганда предпочитает помалкивать.

В числе мифов, которые таким образом распространяются среди населения, – миф об особо благоприятных условиях жизни нерусских народов СССР, прежде всего мусульманских. Не только в Москве или, допустим, в Саратове, но и в любом районном городишке центральной России вы можете услышать разговоры о том, что в Грузии, Азербайджане или Узбекистане порядки совсем другие, несоветские. Там почти не работают, но живут богато; там процветает поголовное мошенничество, взяточничество, спекуляция, царит система круговой поруки. Разумеется, "наверху" об этом знают, но принуждены терпеть это безобразие по соображениям национальной политики. Получается, таким образом, что русский народ – жертва обманщиков, народ-страстотерпец, едва ли не единственный, который своим трудом кормит ораву народов-бездельников, только и думающих о том, как бы растащить и продать все, что сделано и создано его "горбом".

Каким образом насаждается и поддерживается подобный миф, – вопрос особый. Ограничимся тем, что отметим любопытный факт: время от времени столичная пресса и издательства печатают статьи и книги, дающие вполне реалистическую картину того, что происходит в союзных республиках. Соответствующие материалы о собственно русских областях не публикуются. Поэтому произведения такого рода объективно работают на миф. Для примера назовем хотя бы такие книги, как "Ссора" Максуда Ибрагимбекова, "Магомед, Мамед, Мамыш" Чингиза Гусейнова, "Круг" Анара. В Азербайджане, где довольно быстро поняли смысл маневра, эти книги, написанные талантливыми и весьма известными в республике авторами, были встречены чуть ли не в штыки. Однако их опубликовали в Москве, они удостоились похвал в столичной прессе.

Между тем каждый, кто знаком с обычаями централизованного государства, с существующей в стране системой тотального контроля, всеобъемлющего внутреннего осведомления, практикой "сигналов" (доносов) и пр., понимает, что власти в Москве достаточно хорошо информированы о размерах коррупции в стране, о том, что взятки – не исключение, а правило, и подкупность, блат во всех его вариантах пронизывает едва ли не все сферы народного хозяйства, независимо от географии, обеспечивая постоянный приток "левых" денег и товаров снизу вверх, от низовых предприятий, артелей, колхозов и совхозов к верхушке – руководящему партийному и советскому аппарату. Однако следствием вышеупомянутой "национальной политики" является то, что механизмы коррупции в национальных республиках менее, так сказать, засекречены, чем в центральном районе.

Итак, взглянем поближе – насколько это возможно в краткой статье – на эти механизмы. С артелями и колхозами дело обстоит сравнительно просто: тут существует четкая система поборов, денежной и натуральной дани, которая платится ежемесячно, в точно установленных размерах секретарям раикомов, сотрудникам милиции, чинам прокуратуры, ревизорам, инспекторам и т.п. Сельскохозяйственный район дает не просто деньги, но основную часть "товарной массы": поднимаясь по этажам власти, она обеспечивает привольную жизнь достаточно широкому кругу партийной и государственной бюрократии. В этом отношении роль нищего советского села так велика, что заслуживает специального рассмотрения. Но о ней в другой раз.

Сложней обстоит дело с обычными предприятиями, например такими, как машиностроительный завод. Прямых источников наживы у руководителей заводов нет. Но тотальный характер кор-

рупции исключает возможность того, чтобы какие-нибудь предприятия оказались вне общей системы. Отсутствие взяточничества, не говоря уже о попытках сопротивляться ему, рассматривается как некая диверсия. В итоге система обязательных поборов распространилась в последние годы и на эти хозяйственные учреждения.

Один из руководителей крупного бакинского завода, с которым автор этой заметки беседовал в марте 1980 года, очень удивился, что проработав столько лет в республиканской газете, я этого не знал.

Размер гонорара устанавливается – после того, как обе стороны откровенно торгуются, – в ходе конфиденциальной беседы директора завода с секретарем райкома партии или даже с первым секретарем. Сумма выплачивается один или два раза в месяц и может колебаться в зависимости от размеров предприятия, характера продукции, возможности "левых" заработков от 1-2 до 5 тысяч рублей в месяц.

– А что будет, – спросил я, – если назначат нового секретаря райкома? Неужели он получает от старого точные данные, кто сколько должен платить? И откуда директор завода знает, можно ли давать взятку? А вдруг новый секретать окажется честным человеком?

Мой собеседник пожал плечами. Во-первых, если один из секретарей райкома уходит, то другие остаются – преемственность сохраняется. Во-вторых, новый секретать в разговоре намекает, что и у района, и у него самого есть дополнительные расходы, их надо как-то возместить. Если намек не понят, одного из руководителей с треском снимают с работы, – тут уж самые непонятливые догадываются, в чем дело. Что касается честных секретарей, с возмущением отвергающих любую попытку дать на лапу, то, быть может, такие оригиналы и существуют, но мой собеседник за десять лет работы на заводе их не встречал...

Откуда же директор берет деньги? Оказывается, это не так сложно. Группе доверенных лиц выписывается липовая премия: за рационализацию или содействие рационализации, за перевыполнение плана, за экономию электроэнергии – мало ли за что. Часть премиальных – обычно весьма скромная – остается у получателя в качестве вознаграждения, остальное передается руководителю и поступает в его "фонд". Из этого фонда и выплачивается дань.

Движение денег на первых этапах проследить сравнительно легко, так как тут замешано довольно много людей и они не делают из этого тайны – терять им нечего. Не только "премированный" рабочий, артельщик, начальник цеха, но и начальник городского отделения милиции может рассказать друзьям, кому и сколько он дает. В Баку не было секретом, что бывший министр внутренних дел Азербайджана Али-Заде ежемесячно получал от милиции города 5 тысяч рублей, не считая единовременных даров и благодарностей по разным поводам.

Труднее проследить дальнейший путь взяток. Ясно, что часть денег, получаемых секретарем райкома, горкома, а также республиканским министром, остается в кармане у получившего взятку. Но ясно и то, что немалая доля идет выше: в ЦК КП Азербайджана (обкома в Баку нет) и в Совет Министров. Кому именно? Вне всякого сомнения, заведующим некоторыми отделами (отделом партийных органов, оргмассового). А секретарям ЦК? Уверяют, что да. Во всяком случае, это вполне определенно говорится о секретарях, находившихся в прежних составах ЦК; известны имена и суммы.

А еще выше? Тут мы подходим к самому тонкому и сложному вопросу: перепадет ли что-нибудь верхушечным органам – Центральному комитету партии, Совету Министров (работникам Госплана, союзных министерств и т.д.)? Прямых сведений об этом, конечно, нет и не может быть: информация подобного рода остается сугубой тайной даже в случае судебного разбирательства.

Кое-что, однако, подозрительно. Во-первых, известная терпимость, с которой в центре относятся к взяточничеству на местах: ведь масштабы его таковы, что только слепой не заметит. Во-вторых, вполне различимое покровительство, оказываемое определенными лицами, находящимися на самом верху, деятелям областного или республиканского ранга. Так, бывший председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана, откровенный взяточник Искендеров (можно назвать его просто грабителем: он, например, владел катером, который вел хищнический лов осетровых в Каспийском море), пользовался могущественной поддержкой Н.Подгорного и некоторых других членов Политбюро. Можно предположить, что эта поддержка соответствующим образом вознаграждалась.

Наконец, хорошо известно, что ни один крупный деятель ЦК или Совета Министров СССР, посетив союзную республику, не возвращается оттуда с пустыми руками. (Как и республиканский руководитель с пустыми руками не едет в Москву.) Это особо наглядно проявляется во время визитов в руспублику инспекторов или полномочных организаторов из центра. В газетах они именуются ответственными работниками ЦК КПСС.

Обычно такой "организатор" обслуживает ("курирует") одну-две республики. Формально его московская должность может быть не очень высокой, но его фактическое влияние чрезвычайно значительно, ибо у него сосредоточиваются все материалы по республике и он формирует "мнение". Персона с такими полномочиями наезжает в республику несколько раз в год. Отдельный вагон ему все же не положен, самолетом (во всяком случае, на обратном пути) он тоже чаще всего не пользует-

ся. При желании на вокзале, задолго до отправления поезда Баку-Москва, можно наблюдать любопытное зрелище. В вагон "СВ", где организатору и его спутникам отводится несколько купе, люди с серьезными и озабоченными лицами вносят подарки – ковры ручной работы, ящики с черной икрой и красной рыбой, гигантские корзины с фруктами и овощами. Погрузка производится целой бригадой и занимает 40–50 минут (поезд в таких случаях подается заранее). Сановный пассажир прибывает позже, когда добыча сложена в купе сопровождающих его лиц.

Утверждают, впрочем, что натуральная дань – лишь видимая часть айсберга: настоящие взятки вручаются не там, не тогда и вообще "не так". Еще недавно это были деньги – солидные суммы, уложенные аккуратными пачками в обычного вида чемоданчик. Но деньги выходят из моды (хотя ответственные работники, пользующиеся закрытыми магазинами, не страдают от инфляции). В последнее время принято взимать "положенное" в виде золотых изделий, бриллиантов и т.п. Может быть, именно поэтому в Азербайджане растут, как грибы, разного типа ювелирные фабрики и мастерские, где кроме обычных товаров изготовляются уникальные изделия. Особенно славится этим Шеки – старинный центр золотого ремесла.

Судить о том, куда и кому в конечном счете идут ценности, полученные ответственным работником, который служит непосредственным связующим звеном между республикой и столицей, невозможно. Ясно, во всяком случае, что он – не последнее звено. Думать, что люди на самом верху настолько обеспечены, что им уже вообще не нужны никакие дары, – нет никаких оснований. Потребности возрастают с возможностями. К тому же эти люди – временщики и хорошо это понимают. Нужно торопиться. Если при падении и отберут кое-что, многое все же останется. В любом случае, однако, сведения о накопленном останутся тайной. Писать будут только о начальных звеньях конвейера коррупции, обо всех этих чучмеках, которые не работают, а спекулируют и грабят русский народ...

●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Закончено следствие по делу Союзстандартжилстроя, проведенное Главным Управлением Рабоче-Крестьянской милиции при ОГПУ согласно решения ЦК ВКПб.

Следствием установлено, что группа ответственных работников Союзстандартжилстроя разбазарила из числа предназначенных для сооружения жилищ рабочих угольной промышленности – 130 двенадцатиквартирных домов, свыше 400 вагонов леса и разных материалов на 230.000 рублей. При этом 85 домов с общей жилплощадью 34.000 кв. м и 175 вагонов лесоматериала обменено на предметы ширпотреба и продукты питания.

Коллегия ОГПУ, рассмотрев следственное дело, приговорила виновных в указанных преступлениях работников Союзстандартжилстроя к 10 годам лишения свободы – 8 человек, к 5 годам – 7 человек и к 3 одного человека.

Одновременно следствием установлено, что аналогичные преступления имеются в периферийных предприятиях и строительствах Союзстандартжилстроя.

"Расхитители общественной собственности"
("Известия", 18 марта 1934 г.)

Джеймс ОБЕРГ

ЧТО ЖДЕТ СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТОВ?

Посадка космического корабля "Союз Т-9" 24 ноября 1983 года прошла до неприличия гладко. Полет космонавтов Владимира Ляхова и Александра Александрова продолжался всего лишь 150 суток и оказался таким образом короче трех предыдущих советских космических экспедиций и лишь немногим длиннее пребывания космонавтов на орбитальной станции "Салют" пять лет тому назад. Для официальных советских средств информации это был ничем не примечательный "рабочий" полет, один из многих. Зато на Западе он вызвал самые оживленные пересуды.

В недели, предшествующие посадке, в сотнях километров от Земли разыгралась космическая драма, крупнейшая по масштабам после эпопей спасения корабля "Аполлон-13" или вышедей из строя орбитальной лаборатории "Скайлэб". В это время на Земле два других советских космонавта чудом избежали верной смерти, когда в момент запуска под ними взорвалась ракета-носитель. Ляхов и Александров задержались на орбите гораздо дольше, чем это предусматривалось программой полета, хотя, судя по всему, делать им там было абсолютно нечего. Это породило тревожные слухи относительно состояния их космического жилища, орбитальной станции "Салют-7": предполагалось, что в топливном отсеке произошла утечка, в результате чего была сведена к минимуму маневренность станции. Незадолго до посадки космонавты предприняли два выхода в открытый космос, чтобы установить добавочные панели солнечных батарей, что породило также слухи о неполадках в системе электроснабжения.

За день до успешного возвращения космонавтов на Землю руководитель полета в Московском Центре управления полетами отверг все эти догадки. Валерий Рюмин, ветеран, за плечами которого три полета в космос, обладатель рекорда по продолжительности пребывания на орбите, отвечая на утверждение советских журналистов о том, что "некоторые средства массовой информации на Западе решили пофантазировать насчет каких-то трудностей", заявил: "Все это не более, чем ложные слухи!". Что же касается сообщений о потенциальной ненадежности устаревшего корабля "Союз Т-9", то Рюмин отмел такую вероятность словами: "Если бы у нас возникли хоть малейшие сомнения, то мы бы сейчас не готовились к посадке, а снаряжали спасательный корабль".

Но Рюмин был не до конца откровенен, хотя, конечно, западная обеспокоенность судьбой "Союза Т-9" была явно преувеличенной. Не меньшим преувеличением, однако, было и заявление Рюмина о том, что "полет проходит совершенно нормально". На обратное недвусмысленно указывало уже хотя бы время посадки. Советские пилотируемые корабли запускаются таким образом, чтобы приземление – по истечении запланированной продолжительности полета – приходилось на вечерние часы по местному времени в зоне обнаружения. Из-за прецессии орбиты станции в каждый последующий день идеальное время посадки оказывается примерно на 24 минуты раньше, чем в день предыдущий. Но "Союз Т-9" вернулся на Землю в 2 часа пополуночи, "просрочив" дату посадки на 35 с лишним дней. Полет явно проходил не совсем по плану.

В условиях полного отсутствия каких-либо советских официальных заявлений, на основе одной лишь "утечки" сомнительной информации из "достоверных источников" в Вашингтоне и Москве, западные журналисты тщетно пытались уловить смысл происходящего. Порой обрывочные сведения противоречили друг другу и не желали складываться в законченную картину. Однако в последующие месяцы в частных беседах или на

пресс-конференциях (о которых советские газеты не сообщали) советские эксперты неохотно признали достоверность многих из этих сведений, попавших на Запад по каналам "утечки".

Для того, чтобы нам открылся смысл этих событий в надлежащей перспективе, необходимо сначала понять характер советских действий в космосе в 1983 г. Задача эта не из простых, ибо на страницах газет и в телевизионных выпусках последних известий обычно сообщают лишь об очевидных провалах или эффектных "достижениях" в космосе.

Попытка, которую Советский Союз предпринял 26 сентября 1983 г., была не больше и не меньше как неудавшийся "гигантский шаг человечества", попытка открыть новую страницу в истории космонавтики. Программа полета космонавтов Владимира Титова и Геннадия Стрекалова предусматривала первую в истории замену экипажа орбитальной станции. Впервые в мире корабль вез на орбиту сменщиков, а два предыдущих обитателя "Салюта-7" должны были вернуться на землю, не ставя на консервацию аппаратуру станции.

До сих пор порядок был таков: космонавты-долгосрочники прилетали на пустую орбитальную станцию, "оживляли" ее аппаратуру и системы жизнеобеспечения, принимали "визитеров", а по прошествии нескольких месяцев переводили оборудование в нерабочее состояние и покидали станцию, которая опустевала на долгое время. На этот раз все должно было произойти иначе, но не произошло. Однако, в умах чиновников советского космического ведомства что-то сдвинулось: они научились признавать, хотя бы отчасти, свои неудачи, и не отказываться из-за этого от новых попыток.

В прошлом "визитеры" проводили примерно неделю на борту "Салюта", где их принимал основной экипаж. Предполагалось, что в сентябре 1983 г. обе смены пробудут на станции вместе по меньшей мере недели две-три. За это время новый экипаж мог бы, не спеша, освоиться в новой обстановке и перенять у отбывающих товарищей их опыт работы с аппаратурой. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что неудавшаяся попытка старта (предполагаемое название экспедиции – "Союз Т-10") состоялась дней за десять до наступления стандартных орбитальных условий, в которых обычно проводились рутинные полеты "визитеров" продолжительностью в неделю.

Цель таких рутинных недельных "заездов" тесно связана с другой проблемой, которая стала в повестку дня в результате сентябрьского срыва. Семитонный "Союз", в отличие от двадцатитонного модуля "Салют", рассчитанного на многолетнее пребывание в космосе, имеет поразительно ограниченный срок службы. Как правило, корабли этого типа могут проводить на орбите лишь 60–80 суток, после чего их приземляют. В прошлом кораблям типа "Союз" всего лишь трижды приходилось задерживаться на орбите более ста дней – и во всех трех случаях это было связано с непредвиденными ситуациями.

Вот почему при длительных космических экспедициях, продолжительностью в шесть-семь месяцев, корабль "Союз", пришвартованный к более крупному "Салюту", должен периодически заменяться новым. Через каждые 58 дней (период, в течение которого в результате прецессии орбита станции совершает полный оборот и следовательно, восстанавливаются исходные орбитальные условия) в космос запускается новая команда "визитеров". Поскольку их задача исключительно проста – перегнать к орбитальной станции новый корабль, – с чисто пропагандистскими целями, без риска для дела, в экипажи включаются "дорогие гости" из зарубежных стран. В 1982 г. в рамках этой программы в космос возили француза, в 1984 г. – индийского "интуриста", а в промежутке на станции побывала советская женщина-космонавт.

Причины такого эмпирически установленного ограничения срока службы корабля никогда официально не объяснялись представителями советской космонавтики, однако сравнение с аналогичными характеристиками американских космических кораблей про-

ливает некоторый свет на это дело. Прежде всего, надо отметить, что в баках рабочего отсека "Союза" находится высоко-коррозийное самовоспламеняющееся ракетное топливо: клапаны и уплотнения, подверженные его воздействию в течение нескольких недель, разрушаются, в результате чего теряется целостность системы – в любой момент может обнаружиться утечка топлива, или во время операции возвращения на Землю подверженные коррозии узлы могут и вовсе не сработать. В дополнение к этому, электрические батареи на борту "Союза", видимо, со временем начинают разряжаться. И, наконец, происходящие 16 раз в сутки перепады температур, вызванные восходами и заходами солнца оказывают разрушительное воздействие на механические узлы космического корабля.

В декабре прошлого года бывший космонавт Валерий Рюмин, осуществлявший руководство полетом из Московского Центра управления полетами, признал, что в момент июньского запуска "Союза Т-9" его срок службы оценивался всего лишь в 120 суток. Последующие анализы и наземные испытания показали однако, что срок службы может быть увеличен до 150 суток. После посадки корабля некоторые торжествующие чиновники от советской космонавтики утверждали даже, что новым "потолком" срока службы следует считать теперь 180 дней. Но до этого никогда еще пилотируемый корабль не превышал продолжительности полета в космосе, опробованной уже беспилотными испытательными аппаратами. Так что не могло не возникнуть хотя бы легкого беспокойства относительно состояния "Союза Т-9", что бы там ни показали наземные испытания.

Именно это постепенное превышение срока службы корабля "Союз Т-9", доставившего на "Салют-7" космонавтов Ляхова и Александрова, и вызвало во всем мире тревогу и граничащее с истерией напряженное ожидание, когда 19 октября "Союз" превзошел все сроки пребывания в космосе, достигнутые ранее кораблями этого типа. Панические слухи поползли после путаного и непрофессионального сообщения лондонского "Би-Би-Си": космонавты, якобы, теперь не могут без риска вернуться домой, но и не могут оставаться на борту аварийной орбитальной станции "Салют" – этакий космический вариант положения между Сциллой и Харибдой!

Но сообщение "Би-Би-Си" основывалось на вполне реальных опасениях. Растущий изо дня в день риск возвращения на Землю на отслужившем свой срок "Союзе Т-9" сочетался с серьезными сомнениями в безопасности дальнейшего пребывания на орбитальной станции "Салют". Еженедельник Aviation Week сообщил в эти дни об утечке реактивного топлива, происшедшей, как предполагалось, 9 сентября. Согласно этому сообщению, течь дали два из трех топливных баков "Салюта". Опираясь, по всей вероятности, на данные американской разведки, которая осуществляет радиоперехват переговоров между космонавтами и Московским Центром управления полетами, журнал утверждал, что причиной утечки топлива явился разрыв трубопровода подачи и что космонавты собирались уже в аварийном порядке покидать свою обитель, когда с Земли пришел приказ продолжать полет, так как жизни космонавтов пока ничего не угрожает. В это время станция была дозаправлена горючим, доставленным беспилотным грузовым кораблем "Прогресс-17", так что неполадки в системе подачи топлива, видимо, действительно имели место.

Во время полета советские представители решительно отрицали появление каких-либо неполадок. Однако позднее на пресс-конференциях в Москве, отвечая на вопросы западных журналистов, они признали, что "небольшая течь" действительно имела место. Отказавшая система была, как утверждалось, отключена, что не оказало воздействия на безопасность полета. Это признание лишь придало достоверность и прочим сообщениям еженедельника Avation Week.

Действия космонавтов после даты предполагаемой утечки топлива полностью соответствовали сложившейся ситуации. Космонавты практически прекратили ориентацион-

ное маневрирование над наземными целями, необходимое для космической фотосъемки. Станция в этот период пассивно "дрейфовала" в пространстве. Такой план полета вполне подходит для проведения экспериментов по обработке материалов, которые невозможны в условиях постоянных толчков, вызванных включением двигателей. Судя по советским официальным сообщениям, программа полета предусматривала именно такого рода занятия в недели, последовавшие за предполагаемой датой утечки топлива.

22 октября к борту "Салюта" пришвартовался еще один грузовой корабль – "Прогресс-18". Спустя несколько недель была произведена дозаправка горючим, после чего космонавты сообщили на Землю, что топливные баки станции "полны до краев". Это позволило сделать вывод что проблема утечки была решена, и что она была связана не столько с самой станцией, сколько с дефектным оборудованием беспилотного корабля "Прогресс-17". В пользу этой гипотезы говорит и то обстоятельство, что, отделившись от "Салюта" 18 сентября, "Прогресс-17" почти сразу же вошел в атмосферу и сгорел. Обычно корабли типа "Прогресс" остаются на орбите еще дня два для проведения дополнительных летных испытаний, прежде чем их направляют в атмосферу. Тот факт, что для "Прогресса-17" эти испытания отменили, возможно, доказывает, что на нем не все было в порядке.

Но даже если в двигательных установках "Салюта" в будущем вновь обнаружатся такие же или более серьезные неполадки, у Советского Союза в космической игре остается еще один "козырь".

Это – еще один беспилотный корабль, который должен служить дополнительным отсеком станции "Салют". Состыкованный со станцией, этот отсек – который, кстати, по своим размерам, весу и рабочим возможностям почти не уступает "Салюту" – может использоваться как специализированная лаборатория, складское помещение (вместимость которого в три раза больше чем у "Прогресса") и даже оранжерея. Отсек имеет собственную систему энергоснабжения (солнечные батареи), что увеличивает энергетические возможности "Салюта", и – что особенно важно – собственные двигательные установки.

Когда этот корабль под кодовым названием "Космос-1443" проходил испытания в 1983 г., он был в течение нескольких месяцев состыкован со станцией "Салют-7". Космонавты Ляхов и Александров перешли в этот отсек по специальному герметизированному туннелю и произвели разгрузку припасов и оборудования. В течение всего этого времени весь космический комплекс, включая "Салют", обслуживался двигательными системами этого отсека. Позднее Aviation Week сообщал, что на борту "Космоса-1443" под конец полета также были обнаружены какие-то неполадки, характер которых не уточнялся.

Пока Запад с напряжением ожидал, что Советский Союз в октябре предпримет какие-то спасательные операции, станция "Салют-7" перешла на такую орбиту, что стало ясно, что́ в СССР действительно готовится новый запуск.

"Окно" для запуска корабля в направлении космической станции составляет всего лишь несколько секунд в день – время, когда в результате вращения Земли пусковая площадка на космодроме проходит через плоскость орбиты станции. Этот момент может быть рассчитан заранее, если известны орбитальные характеристики станции. Такие данные в рабочем порядке публикует НАСА, и любой опытный специалист может легко составить график возможных запусков для каждого дня.

До сих пор, по сложившейся советской практике, корабль-"преследователь" – скажем, "Союз" или "Прогресс" – запускался тогда, когда "мишень" – станция "Салют" – находилась на орбите с периодом обращения 91 мин. на строго определенном расстоянии впереди "преследователя". При запуске пилотируемого корабля, которому для выполнения операций по стыковке нужны одни сутки, "Салют" опережает на орбите догоняющий корабль на 15 мин. Для беспилотного корабля, которому для стыковки нужно

двое суток, отрыв "мишени" составляет 30 мин. При скорости 8 км/сек этот разрыв во времени соответствует расстоянию в 7200 км, что составляет одну шестую длины данной околоземной орбиты.

Таким образом, положение "мишени" на орбите в момент возможного запуска "преследующего" корабля можно также легко рассчитать на основе общедоступных данных. И это положение указывало на то, что идеальное "окно" для старта беспилотного корабля откроется 20 октября 1983 г., в 0 час. 59 мин. московского времени. Уверенно предсказывали, что это будет корабль типа "Союз", без экипажа, с новым возвращаемым отсеком чтобы предельно обезопасить "обратную дорогу" космонавтов.

Точно в предсказанный момент с Земли взлетел беспилотный (как и предсказывали!) корабль – но им оказался "грузовик" "Прогресс-18". Через два дня, в 2 час. 34 мин. пополудни по московскому времени, он состыковался со станцией "Салют". Еще через несколько часов, когда станция пролетала над Северной Америкой, радиолюбитель Ричард Флэгг из города Мельбурн в штате Флорида слышал, как смеялись и шутили два советских космонавта, открывая письма и подарки от родных, прибывшие из дому. "Веселая команда" – так назвал их Флэгг, большой специалист в деле слежения за советскими космическими экспедициями.

Такие запуски грузовых кораблей должны производиться не реже, чем раз в два месяца, для пополнения провианта на борту станции и доставки необходимого нового оборудования. Москва сообщила, что на этот раз на "Салют" было доставлено также топливо для заправки пустых баков станции.

Между тем, "Союз Т-9" продолжал свою сверхсрочную службу. Однако, судя по результатам автоматического обследования с Земли (Флэгг и его коллеги перехватывали радиотелеметрические данные с "Союза", информирующие наземный Центр о состоянии систем корабля), "состояние здоровья" престарелого "Союза" было сочтено удовлетворительным. Рабочие качества "Союза" на орбите сопоставлялись с контрольными данными, полученными на его аналоге, находящемся в вакуумной камере.

После того, как в середине ноября космонавты успешно вернулись на Землю на борту несправедливо оклеветанного "Союза Т-9", некоторые западные источники намекнули, будто они все это время знали о том, что на этом корабле были установлены более мощные батареи и более емкие топливные баки, и, следовательно, ни о какой опасности говорить не приходилось. Но это была попытка объяснить ситуацию задним числом, так как факт остается фактом: корабль просрочил на месяц с лишним запланированную дату посадки. Предел безопасности был существенно перейден – как спокойно признал позднее Рюмин.

Несомненно, неожиданное удлинение допустимого срока службы кораблей типа "Союз" (150–180 суток вместо 100) – готовый подарок для Советского Союза, который не преминет в будущем извлечь пользу из рекорда, поставленного в силу необходимости. Более продолжительное время жизни корабля на орбите позволит сократить число необходимых промежуточных запусков ("визитеров"), сэкономив тем самым деньги и время, необходимое для подготовки космонавтов. Два полных "периода орбитальной прецессии" (то есть периода, за который оптимальное время посадки смещается ровно на 24 часа: он равен 58 сут.) плюс стандартное перекрытие времени пребывания смен, равное 8 суткам, дают интервал в 124 дня. А поскольку советская космическая медицина считает, что оптимальным с точки зрения здоровья и дееспособности экипажа является полет продолжительностью в 3–4 месяца, то ясно, что Советскому Союзу достаточно будет запускать корабли типа "Союз" со "сменщиками" на борту раз в 124 дня. Вовсе отпадает необходимость в краткосрочных полетах "визитеров". Такой неожиданной выгодой может обернуться драматическая ситуация конца 1983 г.

Встревоженные судьбой советских космонавтов, некоторые западные коммента-

торы задавались вопросом, может ли для их спасения быть использован американский космический челнок. На этот счет имеется и соответствующий международный договор, обязывающий все стороны оказать помощь космическим путешественникам, попавшим в беду.

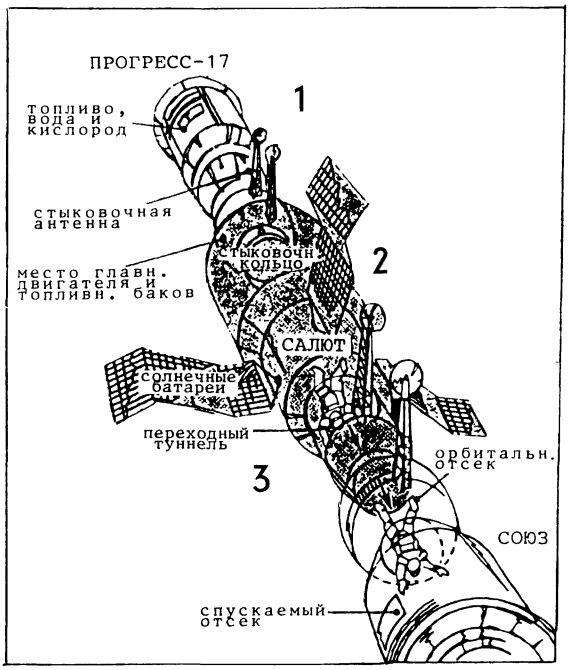
Действительно, космический челнок – корабль многоразового использования – вполне в состоянии выйти на орбиту "Салюта" и приблизиться к нему на расстояние, которое легко могут преодолеть советские космонавты в скафандрах. Но в момент наибольшей опасности ни "Колумбия", ни "Челленджер" не были готовы к запуску – для приведения их в стартовое состояние понадобилось бы, как минимум, несколько недель. За это время Советский Союз вполне мог бы подготовить к запуску свой собственный спасательный корабль типа "Союз" – ведь в прошлом он не раз утверждал, что "на всякий пожарный случай" на пусковой площадке у него всегда стоит готовый к старту запасной корабль.

Подобная спасательная экспедиция представляется крайне маловероятной и с учетом политической действительности: Москва, наверняка, никогда не стала бы взывать о помощи, ссылаясь на существующее соглашение. Практика прошлых лет показывает, что в случае подобных катастроф на море, в воздухе или в ходе полярных экспедиций Советский Союз всегда предпочитал в буквальном смысле слова обрекать своих людей на смерть, лишь бы не унизиться до просьбы к Западу о помощи. Советские люди, действительно не раз погибали, лишенные права призвать на помощь западных спасателей. Советский Союз со свойственной ему циничностью способен затребовать американскую спасательную экспедицию разве что в одном случае – когда он уверен, что американцы не успеют во время снарядить корабль, и следовательно, можно будет обвинить Соединенные Штаты в гибели советских космонавтов.

Чрезмерная реакция Запада на потенциальную (но сильно преувеличенную) опасность для жизни советских космонавтов на "Салюте-7" отвлекла внимание от событий, бывших первопричиной всей драмы – от взрыва ракеты-носителя под кораблем "Союз Т-10" в конце сентября 1983 г. На ежегодной конференции Международной Астронавтической Федерации, проходившей в Будапеште, один из руководителей советской космической программы (сам в прошлом космонавт) публично признал, что инцидент имел место, и сообщил ряд подробностей. По словам Константина Феоктистова, пожар был обнаружен в донной части ракеты за 90 секунд до момента ее отрыва от земли. Как только факт пожара был подтвержден, руководитель запуска, находившийся в командном пункте, примыкающем к пусковой плащадке, отдал приказ о включении аварийных катапультных ракет "Союза", что и было сделано через 10 секунд после обнаружения пожара.

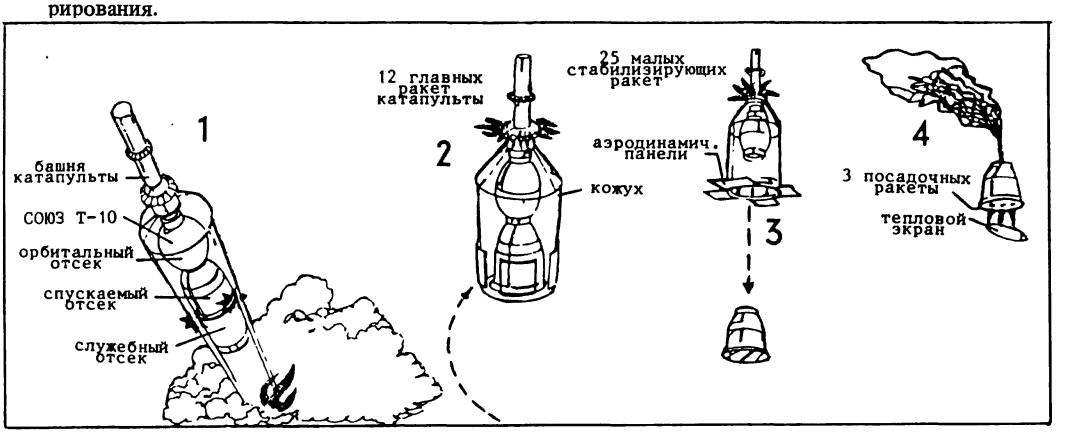
В эти мгновенья жизнь членов экипажа висела на волоске. Огонь в основании ракеты-носителя быстро распространялся, чему способствовал керосин, обильно вытекавший из пробитого бака или трубопровода. Перегорели электрические кабели, по которым должна была поступить команда об аварийном прекращении предстартовых операций. Когда это стало ясно, командный сигнал был передан по радио. При этом было, однако, потеряно драгоценное время, так как необходимо было согласовать нажатие соответствующих кнопок одновременно в двух различных бункерах. За эти секунды пламя уже полностью охватило ракету-носитель и корабль на ее вершине. В "Союзе Т-10" нет иллюминаторов, через которые космонавты могли бы видеть языки пламени, но они наверняка были напуганы возбужденной разноголосицей, хорошо различимой через наушники.

В этот вечер (понедельник, 26 сентября 1983 г.) стартовое "окно" для запуска корабля к орбитальной станции "Салют-7" открывалось в 23 час. 38 мин. московского времени. Таким образом взрыв должен был произойти где-то около 23 час. 36 мин. 26 сентября. Эту дату указал и космонавт Ляхов, находившийся в тот день на орбите в



Реконструкция событий на борту "Салюта-7", сделанная журналом Aviation Week.

1. "Прогресс-17" доставил на "Салют-7" новый запас топлива. Вскоре после этого произошел разрыв трубопровода и началось излияние топлива.
2. Космонавты перешли из "Салюта" в спускаемый отсек "Союза". Они вернулись, когда выяснилось, что ядовитые газы не просачиваются в корабль.
3. В результате этой аварии на космической станции осталось слишком мало топлива для маневрирования.



Реконструкция событий на стартовой площадке "Союза Т-10", сделанная журналом Aviation Week.

1. Перед самым стартом "Союза Т-10" в основании ракеты возник огонь. Спасательные операции начались с того, что были взорваны заряды, отделившие носовой конус от остальной части ракеты.
2. Взрыв других зарядов под кожухом разделил спускаемый и орбитальный отсеки. Включились главные ракеты катапульты и отбросили пилотируемый "Союз Т-10" от горящей стартовой ракеты.
3. Через несколько секунд развернулись аэродинамические панели и остановили движение вверх. После того как выгорел заряд главных ракет катапульты, включились малые ракеты, стабилизирующие полет. Спускаемый отсек отделился от орбитального и выпал из кожуха.
4. Раскрылся парашют и от спускаемого отсека отпал тепловой экран. Включились посадочные ракеты и еще более замедили спуск. Приземление произошло в 3 км от горящей пусковой установки.

ожидании "смены". На пресс-конференции в Москве после приземления Ляхов подтвердил факт взрыва, отвечая на вопрос западного корреспондента. Его ответ был изъят из всех отчетов о пресс-конференции, опубликованных в Советском Союзе. Советские средства массовой информации предпочитают держать свой народ в неведении относительно инцидента, который мог обернуться трагедией.

Система аварийного прекращения предстартовых операций для корабля "Союз" не отличается особым изяществом, но воспользоваться ею предпочтительней, чем испытать взрыв четверти миллиона килограмм керосина и жидкого кислорода, который на 10–20 сек. образовал огненный шар диаметром метров в 300.

Поэтому в пусковой башне у вершины космического корабля имеется специальная твердотопливная ракета, которая и катапультирует космонавтов из этой "геенны огненной". При этом развивается колоссальное ускорение, примерно в десять с лишним раз превышающее ускорение силы тяжести. Корабль достигает скорости звука всего лишь за три секунды. Катапультированная капсула затем свободно падает на землю, достигнув высоты в 1–2 км. Раскрывается аварийный парашют (времени для раскрытия основного парашюта системы спасения уже не остается, так как капсула падает с небольшой высоты), и космонавты грохаются на землю примерно в 2–3 км от ада стартовой площадки.

Первоначально на Западе не было ясности в вопросе о том, кто находился на борту корабля и выжили ли они. В Вашингтон сведения о взрыве "просочились" в четверг, через три дня после события, и к субботе попали в сообщения телеграфных агентств и на страницы Washington Post. К этому времени возобладало мнение, что экипаж все же остался в живых.

За несколько недель до этого один хорошо информированный европеец, тесно связанный с руководителями французской космической программы, часто бывающими в Москве, сказал, что в составе очередного экипажа, готовящегося нанести "визит" на "Салют-7" (в порядке замены корабля "Союз"), будет женщина-космонавт по имени Ирина. Ее будут сопровождать в космос ветеран Юрий Романенко и Виктор Савиных. Во время пребывания на "Салюте" женщина-космонавт должна, якобы, принять участие в космической прогулке.

На основании этих высказываний, а также появившихся первоначально высосанных из пальца сообщений о том, что среди переживших взрыв космонавтов была женщина, некоторые газеты высказали предположение, что 26 сентября в кабине "Союза" находился экипаж командира Романенко. Но уже очень скоро источники в Вашингтоне и Москве сообщили, что пострадавший экипаж состоял из двух мужчин, их имена – Титов и Стрекалов. Один советский чиновник в частной беседе заявил, что оба они "здоровы, но очень подавлены случившимся".

Им есть отчего быть подавленными. Оба они уже один раз безуспешно попытались высадиться на "Салюте". В апреле прошлого года они, вместе с третьим членом экипажа Владимиром Серебровым, вылетели в космос на борту корабля "Союз Т-8". Однако складная радарная антенна стыковочного устройства не развернулась как следует, а без измерений расстояний и скорости, выполняемых при сближении объектов при помощи этой антенны, стыковка не могла состояться. Разочарованным неудачей космонавтам пришлось вернуться на Землю. Их дублеры, Ляхов и Александров, стартовали через десять недель и успешно состыковались с орбитальной станцией.

И вот – их второй за пять месяцев провал. Серебров между тем был отозван из экипажа для того, чтобы корабль можно было загрузить большим количеством ракетного топлива, так как орбита "Салюта" теперь была выше, чем в апреле. По аналогичным причинам в июне из экипажа "Союза Т-9" был отозван дублер Сереброва, бортовой инженер, новичок в космосе Волков. Как бы для того, чтобы убедить тех, кто "в курсе", в хорошем состоянии здоровья космонавтов, московское телевидение в своей

передаче с Красной площади, во время военного парада 7 ноября, показало Титова и Стрекалова, переговаривающихся по радио с Ляховым и Александровым. Тем временем, Кизим и Соловьев демонстрировали по телевидению работу в открытом космосе: ремонт панелей с солнечными элементами, установленных на "Салюте".

Западные специалисты однако задаются вопросом: почему взрыв произошел именно сейчас? Почему после более чем тысячи запусков, эта ракета-носитель ("семерка" – на советском профессиональном жаргоне, или "А-2" – по классификации западных специалистов) вдруг буквально стерла с лица земли одну из трех действующих в СССР стартовых площадок, оборудование которой обошлось в сотни миллионов рублей. За 26 лет эксплуатации этой ракеты взрывы на пусковой площадке были крайне редки.

Конечно, не исключено, что все дело просто в невезении. Но возможно также, что это был результат изменений, которые в последнее время вносились в конструкцию ускорителя, чтобы повысить силу тяги, вместительность топливных баков или уменьшить общий вес. Оказалось, что такие изменения совершенно необходимы, так как существующие силовые характеристики "семерки" резко ограничивают вес кораблей типа "Союз Т".

Корабль "Союз" (в его новом, видоизмененном варианте, окрещенном "Союз Т", где "Т" – означает "транспортный") был сочтен пригодным для экипажа в три космонавта. Полеты в таком составе уже предпринимались: один в 1981 г., два в 1982 и один в начале 1983 г. Но все они проводились только тогда, когда высота орбитальной станции была менее 320 км. Когда же станция находится на нормальной рабочей высоте в 370 км, то кораблю типа "Союз" просто не хватает топлива, чтобы доставить к станции экипаж в полном составе. В таких случаях экипаж уменьшается на одного человека, а его вес при полной экипировке – примерно 100 кг – замещается топливом.

Эта удручающая ограниченность рабочих допусков, вероятно, вынудила советских конструкторов внести ряд изменений в основную конструкцию ракеты-носителя, чтобы повысить ее грузоподъемность и позволить доставлять на рабочую орбиту "Салюта" экипажи в полном составе. Для достижения этой цели достаточно было бы повысить мощность ракеты всего лишь на 1% или на столько же сократить вес ее конструкции. Но за 26 лет эксплуатации все безопасные и легкодоступные усовершенствования в "семерке" наверняка уже были сделаны. Попытки выжать из нее больше, чем она в силах дать, связаны с неизбежным риском.

В этом свете взрыв ракеты-носителя 26 сентября 1983 г. никак нельзя считать полной неожиданностью. Было бы неверным рассматривать его как нелепую и трагическую случайность, вероятность повторения которой совершенно исключена. ●

* * *

Автор этой статьи, написанной специально для нашего журнала, – сотрудник Центра пилотируемых полетов НАСА в г.Хьюстоне (Техас, США), специалист по истории советской космонавтики. Дж.Оберг просит всех читателей, располагающих новыми или малоизвестными сведениями из этой области, сообщать их ему по адресу:
J.E. Oberg, Route 2, Box 350, Dickinson, Texas 77539, USA.

Дж.Оберга особенно интересуют любые подробности биографии акад. С.Королева.

С.МАКСУДОВ

1. Численность русского народа

"Мильоны вас..."

Заметим, что мильоны звучит значительней, чем десятки или даже сотни миллионов. В этом есть не просто поэтический, но и демографический резон. Миллионы – это, очевидно, близко к пределу, отделяющему большой народ от малого, и во всяком случае выше критической массы, необходимой и достаточной для нормального существования государства, языка, культуры, науки, поддержания биологического (генетического) фонда. Численность народонаселения существенна, но всякая популяция имеет разумные пределы.

Наглядным примером служит в этом отношении Франция. В эпоху крушения Римской империи на территории, которую населяют нынешние французы, проживало около 12 миллионов человек. В последующие века эта цифра существенно колебалась, тем не менее к 1340 г., когда население планеты, по расчетам демографов, приблизилось к миллиарду, во Франции было уже около 20 миллионов жителей, при общем населении Европы 80 млн. человек.[1] Французов было в десять раз больше, чем жителей Британских островов. Они превосходили население Священной Римской империи (то есть немцев и игальяцев, вместе взятых). При этом численность сельского населения страны мало отличалась от наших дней.

В последующие столетия в Европе утверждается культурная и отчасти политическая гегемония Франции. Однако число ее жителей увеличивалось медленно, и другие европейские народы быстро догнали французов. Франция первая опробовала многие современные демографические тенденции: поздние браки, высокий процент незамужних женщин, попытки регулировать рождаемость. Все это приводило к снижению темпов прироста населения. Более того, на протяжении XIX и XX веков рост народонаселения несколько раз прекращался, и начинался спад. Нельзя сказать, чтобы этот процесс не волновал современников. О "вырождении" французов много писали в самой стране и за рубежом (достаточно вспомнить Салтыкова-Щедрина и Достоевского).

Однако французская нация не выродилась и не исчезла. Падение численности каждый раз сменялось ростом населения, а на путь ограничения рождаемости вступили один за другим все европейские народы.

Эти старые и неоправдавшиеся тревоги невольно вспоминаются, когда слышишь утверждения, что многомиллионный русский народ приближается к демографической катастрофе. Об этом вот уже несколько лет с азартом пишет зарубежная русскоязычная печать, манипулируя статистическими сведениями и аргументами, почерпнутыми из работ западных советологов, не всегда правильно понятых. Это беспокойство разделяют, по сообщению профессора Д.Поспеловского, "круги молодой русской националистически настроенной интеллигенции в СССР". (А.И.Солженицын рекомендует называть их

[1] Численность различных народов в прошлом известна, разумеется, лишь приблизительно. Автор пользовался следующими источниками: Demographic Analysis. Selected Readings Ed. by J.Spengler (1956); Slownik Historii Polski (1983); Народонаселение стран мира. Справочник (1978). Данные о населении России взяты из работы Я.И.Водарского "Население России в конце XVII – начале XVIII века" (1977).

"патриотами умирающей родины".) "Русских становится все меньше" (Д.Поспеловский, Демографическая катастрофа России. "Посев" № 3, 1983). "Для славянских народов нашей страны дума сегодня уперлась в простое: они вымирают, еще останутся ли на земле" (А. Солженицын, Наши плюралисты. "Вестник РХД", № 139, 1983). Говоря об угрозе вырождения, авторы, очевидно, имеют в виду не только количественные показатели. Однако мы ограничимся здесь рассмотрением вопроса о динамике народонаселения.

Верно ли, что русских становится все меньше? Нет. Русских становится все больше. При первой переписи населения Российской империи в 1897 году назвали русский своим родным языком 55,7 млн. человек. В 1926 г. – 81 млн. В анкету этой переписи был введен новый пункт: "национальная принадлежность". К русским по национальности отнесли себя 77,8 млн. человек. Во время переписи 1939 г. русских по национальности оказалось уже 100 млн. Дальнейшая динамика русского и русскоязычного населения выглядела так: 1959 г. – 114 млн. по национальности и 124 млн. по родному языку; 1970 г. – 129 млн. по национальности и 141,8 млн. по языку; 1979 г. – 137,4 млн. и 153,5 млн.

Мы видим, что несмотря на войны, эпидемии, голод, лагеря, коллективизацию, русский народ непрерывно увеличивает свою численность. По темпам роста в XX веке русские оказались в Европе абсолютными чемпионами, а в масштабах планеты успешно конкурируют с китайцами, японцами, индонезийцами, уступая, правда, отдельным африканским племенам. Если в начале века русских было меньше, чем немцев, и почти столько же, сколько англичан, французов, итальянцев, то сегодня немцев меньше, чем русских, вдвое, а французов или англичан – почти втрое.

Можно ли, однако, утверждать, что стремительное увеличение численности русских в XX века – заслуга только Советской власти? Россия и прежде выделялась высокими темпами роста населения. Первая относительно надежная оценка численности русского народа известна для 1678 г. – 4,2 млн. человек. Эта цифра основана на учете податного населения и уточнена современными историками. К концу Смутного времени численность народонаселения была, по оценкам специалистов, еще ниже: три миллиона русских при общем населении Московского государства около четырех миллионов. На этом фоне народы Западной Европы выглядели гигантами. Немцев было 20 млн. французов – 16 млн. итальянцев – 13 млн. испанцев – 10 млн. человек. Да и другие европейские народы почти не уступали русским. Например, англичан и шотландцев насчитывалось 4,5 млн. ирланцев – 3 млн. фламандцев – 2 млн. шведов – 1,4 млн. Население Речи Посполитой, одного из крупейших европейских государств, приближалось в первой четверти XVII века к 12 млн. чел. Из них примерно 3 миллиона было поляков и 9 млн. приходилось на жителей Великого княжества Литовского, значительную часть которых составляли славяне. Будущие украинцы и белорусы оказываются в это время многочисленней своего великорусского собрата. Не приходится удивляться тому, что огромное пустынное государство на Востоке сравнительно мало интересовало западноевропейцев.

Через сто лет, при петровской ревизии 1719 г., в стране было учтено 7,8 млн. жителей, в том числе 5,9 млн. этнических русских. Соседи на Западе по-прежнему были многочисленней. Так, германские княжества насчитывали около 17 млн. человек, на территории Италии проживало 11 млн. во Франции – 21 млн.

Но затем положение начало быстро меняться. По темпам роста русские перегнали другие европейские народы. В результате к началу XIX века они сравнялись с французами и уступали по численности лишь немцам.

Размышляя над причинами столь быстрого роста, Д.И.Менделеев в известной работе "К познанию России" писал: "Не от того ли мы, русские, как показано выше, размножаемся сильнее иных народов, что у нас земли больше, чем у них? Этого надо не забывать, это наше добро." Автор, однако, связывал такие успехи не только с обширностью территории. Немалое значение придавал он и государственному устройству России: "... А так

как всем известно, что есть народы, остановившиеся в приросте и даже вымирающие, и что большая прибыль народа указывает иное, чем убыль или остановка, то тут есть над чем подумать. Во всяком случае, тут дело не в пресловутых "видах свобод", особенно "политических", а в чем-то гораздо более важном, что нередко забывается."

Насколько справедлива подобная точка зрения, сказать трудно. Как бы то ни было, долгое время и политические деятели СССР, и советские ученые горделиво предъявляли вырождающемуся от зловредных свобод Западу "наши" темпы роста, приписывая их то сталинской мудрости, то самой природе советского строя. Уверенность, что неуклонный рост народонаселения обусловлен успехами социалистического строительства, пошатнулась во второй половине XX века. Стало ясно, что стремительный рост населения характерен прежде всего для отсталых стран. Слова великого ученого насчет чего-то более важного, чем пресловутые свободы, годились бы сегодня скорее для Нигерии или Эфиопии. СССР же, уступив сомнительную пальму первенства развивающимся странам, двинулся по пути Запада: рождаемость в стране стала снижаться.

Догнать на этом новом пути Европу оказалось, однако, непросто. За десятилетие 1960–70 гг. жителей зарубежной Европы стало больше на 8%, граждан СССР – на 13,6%, в том числе собственно русское население увеличилось на 13%. В последующие десять лет соответствующие цифры выглядели так: 5,4%; 8,4%; 6,5%. При определении национальной принадлежности не по паспортным данным, а по родному языку, как это принято в большинстве стран, прирост русского населения в 1970–80 гг. составил 8,3%. За эти же годы показатель прироста тюркоязычных народов Средней Азии и Закавказья (вместе с армянами и таджиками) был равен 28%, а всех остальных народов страны – 1%.

Итак, по темпам роста русские все еще обгоняют европейцев. И в ближайшем будущем значительных перемен не предвидится. К 2000 году, согласно прогнозу ООН, Советский Союз по-прежнему будет занимать третье место в мире по численности населения (вслед за Китаем и Индией), а русские останутся самым многочисленным народом Европы и одним из крупнейших народов мира.[1] Наши недавние конкуренты – Германия, Англия, Франция, Италия, еще в начале века входившие в десятку самых многонаселенных государств, окажутся в конце столетия на 16 – 21 местах, рядом с Ираном и Египтом.

Разумеется, всякий прогноз ненадежен. Расчеты ООН были сделаны в 1960 г. на 40 лет вперед; ныне прошла уже половина срока. За это время выяснилось, что предполагаемая средняя продолжительность жизни в СССР 74 года (как в наиболее развитых странах) недостижима. Поэтому численность населения по истечении 20 лет оказалась на 10 млн. меньше, чем ожидали (прирост населения был завышен на 15%). Можно предполагать, что к 2000 г. ошибка прогноза возрастет, и в стране будет не 350 млн. жителей, а что-нибудь около 300 млн. Это, однако, не изменит положения Советского Союза в ряду других стран, так как прогноз численности населения нашего ближайшего соперника США тоже оказался завышенным на 12 млн. (20% ожидаемого изменения численности).

Подведем итоги.

1. Численность русских за последние 300 лет стремительно росла. Если в течение XVII века их стало больше на 30%, то прирост за каждое последующее столетие состав-

[1] World Population Prospects as assessed in 1963. United Nation Publication (1966).

лял 300%, а всего со времени первой петровской ревизии 1719 г. до последней переписи 1979 г. – за 260 лет – русское население выросло в 26 раз.

2. Высокий рост численности не является достоинством, а спад не есть катастрофа. Замедление прироста естественно для развитой страны.

3. Численность русских в последний десятилетия не сокращается. Она даже увеличивается, и притом более высокими темпами, чем у других европейских народов, но несколько отстает от темпов прироста тюркоязычного населения СССР.

●

САМИЗДАТ

"РУССКИЕ ДОЛЖНЫ ОБ"ЕДИНИТЬСЯ В ОДНУ ПАРТИЮ..."

В предыдущем номере была опубликована статья самиздатского автора "Фашизм в СССР" с попыткой анализа этого относительно нового политического явления в жизни нашей страны. Когда номер уже вышел из печати, в редакцию по каналам самиздата поступил документ, который мы публикуем ниже. Письмо, принадлежащее 11-летнему школьнику, снабжено комментарием неизвестного автора, который называет его "светлым и радостным". Мы не знаем, было ли письмо продиктовано мальчику или он сам проникся мыслями взрослых (впрочем, был ли мальчик?). В любом случае – это документ новой эпохи. Может быть, автор обзора "Фашизм в СССР" вовсе не сгущает красок?

"Россия должна быть империей и ничем другим. Потому что с наступлением монархического строя Россия возродит веру. Даже язычники должны будут покориться режиму Русской монархии.

А как же сделать, чтобы была возрождена Православная вера... А так – что русские должны объединиться в одну партию. Эта партия должна называться социал-национальной или национал-социалистической. Тем самым произойдет государственный переворот, и власть возьмут национал-социалисты. После революции наступит временный диктаторский режим. Но зато через год наступит царская власть, и снова взовьется бело-сине-красное знамя Российской империи. Также возникнет и влияние нашей матери-церкви. Православной. Дальше будет организована армия и захват бывших провинций Русской империи. В них будут входить Монголия, половина Польши или вся Польша, Финляндия и все страны нынешнего социализма, кроме Кубы, если ее до восстановления Русской империи еще не захватит Америка. После восстановления империи будет установлена ограниченная свобода украинцам, немцам, белоруссам. Большая часть свободы будет оставлена великороссам, так как это самая главная часть православной веры. Немцам будет оставлена ихняя католическая вера."

●

Григорий ПОМЕРАНЦ

СТРАСТНАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ И БЕССТРАСТИЕ ДУХА

Статья вторая

Икона рождается в созерцании. Это верно и про икону, написанную красками, и про словесную икону. Такие иконы в сознании греков первых веков стали догматами, и я иногда говорю без разбора: интеллектуальная икона, догмат.

Трубецкой назвал икону умозрением в красках. Можно говорить о догмате в красках, о символе веры в красках (я сделал это в эссе "Троица Рублева и тринитарное сознание"). Мне кажется, все основные формулы религиозной культуры (и любой культуры) можно понять как догматы, а догматы — как интеллектуальные иконы. Эти два подхода дополняют друг друга.

Икона — это не портрет Бога, как выразился один шестилетний мальчик. Это образ, построенный из слов-символов. Такие слова и знаки не надо путать со словами-понятиями. Трактовка символа как понятия — начало ереси. Трактовка понятия как символа — начало перерождения научной теории (процесс, который можно наблюдать не только в марксизме).

Понятие не претендует на непостижимое. Как раз напротив, оно непременно выделяет какой-то предмет, класс, аспект, определяет его, отграничивает от целого. В понятии часть противопоставлена целому, относительное — абсолютному, и уже поэтому понятия, категории не ведут к абсолютно целому мистическому опыта, к бездне, перед которой меркнет разум. А в иконном мышлении всякий знак (крест, слог в слове) есть все. Не только границы символа размыты (размыто поле каждого слова), но само ядро, сама суть его непостижима и только ощутима шестым чувством, глазом сердца. Слово здесь стало Богом. И Отец есть все, и Сын есть все, и потому Сын единосущ Отцу и от века пребывал в недрах отчих. Слова Бог, Дао, Нирвана — свернутые иконы, свернутое умозрение, свернутое мироздание, и о каждом из них можно сказать, как о Дао: "О, неясное! О, туманное!" Разворачивание слова, ставшего Богом, не может подчиняться правилам логики. У него свои законы.

Когда я познакомился с Зиной Миркиной, меня поразило ее стихотворение:

Нет, истина рождается не в споре!
Богам не нужен наш словесный бой.
Лес вечно прав, и вечно право море,
Полмира охватившее собой...

Я почувствовал, что это правда. Но как быть с прямым смыслом стиха? Он шел наперекор пословице, которую я не мог отбросить: истина рождается в споре. Две правды никак друг с другом не ладили.

Потом я понял, что истина, о которой написано стихотворение, — интеллектуальная икона. Она рождается в "глубоком сердце", и только сердце может принять ее или отвергнуть. Но в созерцании рождаются только основные слова религиозного опыта: Бог! Сын Божий! Единосущность! А разворачивание этих слов в предложения сразу же оказывается спорным, и с вершины созерцания мы падаем в бездну догматических споров. Даже Бог, заговорив человеческим языком, не может избежать законов логики и грамматики, — а последовательное мышление не иконно. Правильно построенный догмат всегда логически неправилен. Правильно написанная икона всегда нарушает законы перспективы. В них есть волшебная ошибка[1], мера которой — дело гения и не может быть заранее указана[2].

Греческий гений создал несколько металогических связок между словами-иконами: единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность. Но разработать совершенно иконный язык невозможно, — это значило бы построить Бога. И поэтому все догматы несовершенны, и возникают споры между разными неловкими попытками говорить о Боге. И тут в споры, вызванные ересью ума, врывается ересь сердца (ожесточение).

Я думаю, что нетерпимость в борьбе за букву догмата — не меньшая ересь, чем плохое толкование текста. Я думаю, что слово-икона в нетерпимом уме становится идолом, молохом, которому приносятся человеческие жертвы. Я готов последовать примеру церкви и простить Афанасию (или Николаю) ярость, с которой он вырвал клок бороды у Ария. Но если прощать ожесточение спора, почему не прощать ошибку ума? Ересь — выбор, выбор одной логической колеи вместо целостности созерцания. Ересь — выбор страсти, полемического ожесточения вместо целостности любви.

Арий и Несторий уклонились умом, соскользнули от созерцания, в котором медленно разворачивается слово-Бог — в профаническое слово. А св.Афанасий профанировал Бога страстью, соскользнул с пути Христа на путь ненависти. Я думаю, Христос скорее простил бы ошибку ума, чем драку на соборе. Не говоря уже о сожжении еретиков.

Ошибки ума неизбежны и естественны. Истина не рождается в споре; даже основные идеи научной теории рождаются одним скачком, без рассуждений, без спора, интуитивно. Но в споре они обтачиваются, шлифуются. Как только мы соскользнули от созерцания к работе ума, ошибки неизбежны — и плодотворны. Мы не проклинаем ученого, который поставил новый вопрос — и неверно его решил. Мы называем его ошибку вкладом в развитие науки, толчком к новому, более совершенному развитию теории. Отчего же проклинать еретиков? Если бы не учение Ария, что Сын меньше Отца, — не было бы догмата единосущия. Если бы не учение Нестория, что Бог и Человек в Христе разделены, как масло и вода, — не было бы поразительных слов о неслиянности и нераздельности.

---

[1] Термин художника Серова.

[2] Николай Кузанский пытался мыслить о Боге математически. Но вышла квазиматематика. Вышла абстрактная икона: Бог – это сфера, центр которой всюду, а периферия нигде.

Догмат — образ непостижимой целостности Бога, но образ ограниченный, неполный. Ересь, в своей страстной односторонности, вырывается из догматического круга в область нерешенных, отчасти и неразрешимых вопросов, оставляет их открытыми, как Иов, или решает прямолинейно, как ересиархи первых веков. И в ответ на этот вызов созерцание великих отцов рождало новые догматы.

То, что оно сделало, так же прекрасно, как Парфенон. Но оно точно так же принадлежит времени и месту. Это не вечная истина, а только отблеск ее. Всякая икона должна померкнуть, чтобы во мраке открылась бездна Бога и из самого мрака воссиял свет. Во времена первых вселенских соборов бездна еще дышала за иконами, а иконное мышление еще жило. Но когда церковь чересчур сблизилась с государством и еретиков стали просто сжигать, — догматическое творчество православия иссякло, а в католичестве обеднело. Без жизни ереси нет и жизни догмата, есть только сохранение словесной оболочки.

Резкая черта между догматом и ересью — черта греческого и латинского сознания, непонятная китайцу, индийцу, японцу. Их чувство бездны не ограждено со всех сторон иконами. Их иконы не обязательно замыкают тайну в круг (как мандалы). Они могут быть и такими, как дзенга, иконы тумана, открытые в бесконечность. Для буддизма махаяны нирвана и сансара недвойственны, нераздельны. Если бы Нагарджуне объяснили термины догмат и ересь, он сказал бы о них: то же самое. Пропасть между догматами и ересью не от Бога, а от Аристотеля, от его закона исключенного третьего. И вот две стороны этой медали: лицевая — металогическая разработка догматов, несравненная по совершенству. И обратная — охота за ведьмами, инквизиция, преследование отступников от догмы. Древние евреи включили в Священное Писание сомнения Экклезиаста, отчаяние Иова. Христианская церковь приняла это. Но если бы Иов или Экклезиаст принуждены были сами, без поддержки авторитета, защищать свои взгляды на вселенском соборе, — их наверняка предали бы отлучению и проклятию.

Бог заговорил с Иовом, а не с его друзьями-догматиками. Друзья Иова по-своему правы, защищая сложившийся догматический корпус иудаизма. Но их правота односторонняя. Они чересчур логичны в своем благочестии, и эта верность букве — ересь против Святого Духа. Волшебная ошибка — в словах Иова. Истинность иконного мышления — не в верности постулатам, а в трепете перед тайной. Правота друзей Иова слишком холодна. Иов больше, глубже прав. Он грешит против богословия — и прав перед Богом.

Открытый вопрос, на который разум не находит никакого ответа, может быть губительным для слабой веры, но сильный дух только выигрывает от вызова и смело включает книги-вызовы в свой канон. Он помнит, что борьба Якова с ангелом укрепила его завет с Богом.

Пытливый ум еретика, страстная его душа чувствует неполноту догмата, пытается расширить его — и клином мысли врезается в непостижимое. Вокруг каждого догмата — сфера сомнительных, спорных еретических толкований. И это хорошо. Это залог жизни. Это иногда само по себе свято (как Иов, как Экхарт).

Всякое ранящее прикосновение к догмату вызывает страстную отповедь ее защитников. Можно признать, что в такой отповеди есть своя истина. Но эта истина спора. Она не подымается над полемикой, целиком остается на ее почве. Искоренение ереси возможно здесь только в одном случае: если жертва с вырезанным языком прикована к позорному столбу. Гипертрофия охранительной функции нигде не ведет к добру. И порча стиля полемики становится порчей стиля культуры.

* * *

В каждой культуре есть свой догматический круг. Древние евреи включили его в Библию. Русская Библия не собрана, и очертания догматического ядра культуры здесь условны. Но Пушкин несомненно внутри круга, и поэтому "Прогулки с Пушкиным" — ересь. Разве можно гулять с царем Соломоном? Царь сам по себе мог быть гулякой (его донжуанский список длиннее пушкинского). Но то, что включено в Священное Писание, не допускает шуток. В церкви рисуют Соломона в ряду пророков. Так должно мыслить о Пушкине. Живое догматическое сознание (Даниила Андреева, например) знает, что Пушкин прошел через многие противоречия. Но то, к чему он пришел (или к чему шел и доведен уже посмертно, в стихийно складывающемся житии), стало иконой, отлилось в бронзу. Канонизируется победа святого, пророка, вестника[1] над бесами, а не уступки его бесам. И бес, добивавшийся Марии, и ангел, сваливший нечистого ударом ниже пояса, — все они отступают далеко-далеко в сумерки. Вытаскивать их из этой тени — поступок, оскорбительный для благочестия Сима и Яфета. Бронзовый Пушкин забыл Гавриилиаду. Он помнит только то, на что благословил его Державин:

Служенье муз не терпит суеты.
Прекрасное должно быть величаво.

"Прогулки" возненавидели не потому, что они спорны, а как раз за то, что в них бесспорно, за непристойную правду. Они есть, как детородный член Ноя; но глядеть на него нельзя, и приближаться нельзя иначе как отвращая взор.

Почему мне такое поведение кажется архаичным и наивным? Потому что ересь не пугает меня. Нет у меня страха соблазна, дьявольской прелести. Я готов погрузиться в ересь, чтобы заново пережить рождение догмата (а не только мертвыми устами повторять мертвые слова). Тот, кто хочет научиться плавать (мыслить догматами), не должен бояться воды (ереси). И я с радостью погружался в текст "Прогулок". Хотя со многим я не согласен. Но меня захватывало как раз то, что многих оттолкнуло: тон.

---

[1] Вестник – термин Даниила Андреева: писатель, чаще всего русский, стихийно выполняющий повеление неба.

Людей с остановившимся умом в Терце раздражает самый строй его фразы, непрямой ее ход; то, что некоторые называют манерностью, другие — извращенностью, что, может быть, граничит и с тем, и с другим, но что прежде всего есть внутренняя свобода и чувство гротескности слова при любой попытке высказать полную истину.

Это два разных качества, хотя и связанных, и потому стоит сказать о каждом отдельно. Сперва о склонности к гротеску, потом — о внутренней свободе.

Синявский не может убрать гротеск, снять маску шута. Он ироничен постоянно и непременно; не только к другому, а к самому себе, и прежде всего к себе. В "Голосе" иногда кажется, что Донатыч — его подлинное лицо, и надо бы снять с обложки имя Терца (такое мнение высказывалось). Даже странно, что Терц пишет о Бабеле, как подглядывающем инородце (а Вы сами, г-н Терц, разве не из Одессы?). Но в "Прогулках" терцовское выступает как внутреннее движение "поперек и в сторону", как постоянная потребность высунуть язык хрустальному зданию... Одна из любимых мыслей Донатыча (о связи русского национального характера с Третьей ипостастью) — в "Тени Гоголя" подымается на смех. И выходит, что не Терц — маска Донатыча (который без маски был бы гораздо ближе к читателю — по крайней мере русскому зарубежному), а Донатыч — еще одна маска Абрама Терца... Так Чжуан-цзы, проснувшись, не знал, кто он. Человек, которому снилось, что он мотылек? Или мотылек, которому снится, что он Чжуан-цзы?[1] Так и Синявский-Терц (или Терц-Синявский) в каждое следующее мгновение — другой. И только в иронии ко всем своим ипостасям приближающийся к чему-то подлинному.

Прочитав впервые "Голос из хора", я записал (27 февраля 1974 г.): "Одна из самых близких мне книг. Дело не только в том, что некоторые заметки удивительно похожи на мои собственные и даже написаны примерно в то же время (около 1970 г.). Гораздо больше других, совсем непохожих, глубоко личных, только им выношенных и отклоняющихся от того, что мне хотелось бы сказать. Но мне не хочется спорить..." И далее, 28 февраля: "Мысль Синявского объемна, в ней есть второе и третье измерение (я сейчас сказал бы: в ней все время есть противотечения "поперек и в сторону"); всегда можно перенести акцент на другую координату и не спорить, не опровергать, а только иначе сказать о том же. Иногда многомерность мысли доходит до двусмысленности. Например, об Ахматовой. Очень красиво; но при втором, при третьем чтении из прудов, из изящного зеркала вод выплывает совсем не похвальное: в тихом омуте черти водятся... Или как будто язвит Бабеля — но потом выплывает восхищение писательской страстностью..." И еще, 1 марта: "Перенесенная на плоскость массового сознания, эта мысль становится действительно неясной и двусмысленной. Но она не двусмысленна; она личностна (а личность я понимаю как непрерывный поток, "кружение вокруг Бога" в известном, неповторимом ритме). И потому бесспорна. Хочется только сказать: "Да, так. Ему — так. А мне — вот как". Откликнуться еще одним голосом из хора.

[1] Эти строки написаны до того, как я прочел "Крошку Цорес", где Синявский – герой Терца. Я испытал радость астронома, нашедшего вычисленную им планету.

Совершенно личностная мысль не вызывает спора. Она или закрыта (для листающих книгу), или вызывает естественное чувство братства (у родственного сознания. Мы как бы принадлежим к одной церкви — незримой, конечно).

На спор толкает стереотип. Требование присоединиться к стереотипу (или антистереотипу. А я хочу "поперек и в сторону"...). Интересно, что православные, теоретически вытвердив, что истина — "кто", а не "что", по большей части совершенно не переносят этого на свои собственные жизненные отношения и отчаянно борются за словесную ортодоксию, за признание ч е г о - т о бесспорным, за ложно понятую соборность. Действительная соборность — единство всех "кто"...

Несчастье Синявского в том, что во второй половине XX в., в век телевизора, в век Маклюэна, отменившего книгу вовсе, он требует долгого, внимательного вчитывания, и даже не только в одну книгу, а во все три, поочередно сравнивая их друг с другом. Мне показалось, что я понял "Голос" (и что-то я в нем действительно понял): глядя на картины Тернера, привезенные в Москву, я вспоминал Синявского, его (общую с Тернером) живопись белым по белому, любовь к оттенку больше, чем к цвету... Кстати сказать, уже это одно начисто отрезает Синявского от массового сознания, всегда выкрашенного в определенный цвет и рефлекторно враждебного к антицвету. Но я чувствовал противотечения только в рамках одной книги и недооценил, например, связь голоса с хором; я многое понял заново, перечитав после "Прогулок" "Голос", после "Голоса" опять "Прогулки", и очень медленно, часть за частью — "В тени Гоголя". Это ведь не одна тень, а несколько проекций в разные стороны, в постоянном противотечении, во взаимном дополнении друг другу... Такие же явные, зримые умом противотечения и незримое художественное единство в отношениях парадоксом Хлестакова-Пушкина, гениального вруна, вруна-поэта... Воры-Хлестаковы, воры-Пушкины, лгущие про красивую воровскую жизнь — хор, по достоинству (а не только по приговору суда) окружающий писателя-вора, взламывающего несгораемые шкафы идеологии (тема, открытая в "Четвертой прозе" и развитая в "Литературном процессе"). В этом море парадоксов читатель, привыкший к его прибою, к волнам отрицания и встречным волнам восторга, казалось бы, не может не понять что пустота Пушкина — такая же двусмысленность, как пруды Ахматовой; что за энгельгартовской и хлестаковской пустотой выглядывает апофатическая священная бездна: творческая сила, создающая вселенную.[1]

На шекспировском Глобусе была надпись: весь мир лицедействует. У Терца весь мир пишет, сочиняет, мучается муками слова, не способного стать Богом. Человек (кто бы он ни был) писатель по преимуществу, писатель прежде всего (как у Шмемана человек прежде всего священник). Воры-писатели, полицаи-писатели... Лагерь Терца в "Голосе из хора", — это водоворот потоков литературного творчества, в котором Донатыч, пишущий об Ахматовой и Мандельштаме, о Бабеле и Лескове, — только

[1] Критики А.Терца, видимо, просто не знают, что пустота – один из древнейших символов творчества, священное слово в философии Лао-цзы и Нагарджуны.

еще один голос. И книги о Пушкине и Гоголе — только разросшиеся его арии. Но они нарушили бы пропорции голоса и хора и поэтому обособились — и образовали новое, трехчастное целое. Центральная идея всех трех книг — одна: писатель может искать, как спасти свою душу (об этом есть в "Голосе"). Но он не имеет права отступать от писательского долга даже для долга религиозного (у каждого своя дхарма; и лучше своя плохая дхарма, чем чужая хорошая). Он не вправе зарывать в землю свой талант, он обязан идти к вечной цели своим писательским путем, а не путем монаха. Ибо он рожден писателем, а не учителем нравственности.

Я думаю, что это у Терца слишком заострено. Хочется здесь процитировать голос спокойной исследовательницы:

"Герцен сказал об особом положении литературы в русском обществе, о том, что в русском обществе это "единственная трибуна". Мы привыкли воспринимать эти слова однозначно, как похвалу русским писателям. Но формула эта ведь имеет и трагический смысл. И трагично описанное Герценом положение не только для общества, но и для литературы. Взяв на себя задачу "заменить собой общественную мысль и жизнь", далеко не всегда и величайшие наши писатели справлялись с этой задачей наилучшим образом: полемические крайности..., фанатизм великих Толстого и Достоевского — издержки этого явления.

Дело, думается, однако, не в том, что кто-то из великих наших писателей по некоему досадному совпадению оказался также достаточно знаменит своим пристрастием к крайностям. Дело именно в таком положении вещей, при котором издержки художественной литературы, все "продолжения достоинств" великих литераторов получили явно несоразмерный резонанс, далеко выходящий за рамки собственно литературного явления..."[1]

А.И.Журавлева пишет, как врач, заполняющий историю болезни около постели больного. Но Терц не врач. Он один из больных "высокой болезнью" русской литературы. Таким его и надо принимать, не требуя, чтобы больной был здоров или чтобы он болел по стандарту. Таким я его и принимаю. Я признаю верными многие критические заметки, которые Терц вызвал. Но во всем, что он пишет, мне открывается глубокий смысл, все трогает и ум, и сердце. А для проф.Плетнева или Романа Гуля смысла в его книжках нет. Только советское невежество и дурной вкус: у Гоголя Хома Брут бежит прямо, а Синявский заставляет его бегать кругами. Но, господин Плетнев! Это ведь не прямо о Хоме Бруте! Это о Гоголе, увиденном через призму трансформированного гоголевского образа (примерно как трансформировал образы Гоголя и Грибоедова Щедрин). Это ведь книга не "о чем-то", а "что-то" (как выразился когда-то Бердяев), первичный, а не вторичный факт литературного бытия.

В "Исследовании мистицизма" Ф.Сталя я натолкнулся на исторический анекдот, который мог бы многое объяснить (было бы желание понять).

---

[1] А.И.Журавлева. Островский и Пушкин. В кн.: Проблемы пушкиноведения. Л., 1975, стр.124.

Кто-то предложил устроить Набокову синекуру в Гарварде; Р.Якобсон возразил: "Я ничего не имею против слонов, но не думаю, что слон может быть профессором зоологии". Абрам Терц — не профессор зоологии: это слон; и его дело — бить посуду, а Ваше, г-н Плетнев, — классифицировать черенки.

Подумайте, господа, почему никто не придрался к Ремизову? Посмотрите, как он описывает казнь Достоевского: "С другими осужденными его поставили на плаху к столбу, и палач, дыша в лицо конским паром, надел на него саван. Заживо, как в гробу, закрытый крышкой, он слышал, как сквозь звеневшую под раздувавшимся от ветра колпаком рождественскую песнь — "к смертной казни через расстреляние" — отчетливо прозвучали слова приговора. И наступила трепетная, длившаяся бесконечно, эта последняя минута, и вдруг, ударом под душку команда зеленого, как елка, офицера темной стеной притаившимся солдатам: "остановитесь! — кричат, — курьер помилование привез". Сдернутый с лица саван острым полыснул по глазам: "Ступай, тебя прощают". (А.Ремизов, "Огонь вещей". Париж, 1954, стр.202).

Можно наизусть, не заглядывая в источники, указать на фактические неточности: Достоевский не был привязан к столбу и не стоял на плахе (на плахе вообще не принято стоять: на нее кладут голову); на Достоевского не был надет саван. Он смотрел не на зеленого, как елка, офицера, а на свет, игравший на шпиле. Вообще весь мир ощущений у Достоевского другой. В нем господствует "свет, попирающий цвет" (Цветаева), свет целого, гасящий частности; а у Ремизова — именно цвет, звук, осязание, деталь. Цвет так важен ему, что он заставляет Достоевского видеть зеленого, как елка, офицера с к в о з ь саван, плотный, как крышка гроба. Ремизов пишет о Достоевском, оставаясь Ремизовым. Терц пишет о Пушкине, оставаясь Терцем. Ученый обязан строгой верностью фактам и только очень осторожно может заполнять своими предложениями лакуны между фактами. Художник исходит из духа целого, из воспоминания-воображения целого, как он его увидел и пережил. Отдельные факты он вправе несколько сдвигать. Кстати, самое слабое у Терца — доказательства. Не нужно доказывать, что ты так видишь. Это аксиомы твоей геометрии. Существует "проза поэта". Существует и "филология писателя". В этой филологии Достоевский должен быть ремизован, Пушкин — терцизован. Так же как у Марины Цветаевой он "маринизирован".

Было бы желание понять! Но его (в известной среде, в известном возрасте) нет и не может быть. Даже ассоциации, которые вызывают гоголевская русалка, раз навсегда сложились и не допускают пересмотра: с Венерой Джорджоне. Я попробовал перечесть Гоголя и проверить, какие у меня самого возникнут ассоциации. С Джорджоне — решительно не получались. Во-первых, в "Спящей Венере" поражает голова, лицо, с закрытыми глазами, но божественное, приковывающее к себе, "выпрямляющее душу". А у гоголевской русалки лица нет (оно не описано), только всплеск белых грудей. Белых! Венера Джоржоне золотистая: уже этого довольно, чтобы ассоциация пошла в сторону. Я попробовал вспомнить Обнаженную Ренуара, из Щукинского собрания, та хоть белая, и в лице ничего божественного

нет; есть, впрочем, поэтичность бездумной красоты (поэзия, говорил Пушкин "должна быть глуповата"...). И вдруг, сквозь Ренуара, на меня выплыла Фролова, соседка по коммунальной квартире конца 40-х годов. Вернувшаяся из лагеря как мамка, родив там двойню (таких "актировали", т.е. отпускали на волю), Фролова с лагерной наглостью дразнила фраеров, умываясь до пояса на кухне. Я старался смотреть в свой керогаз, но проказница нет-нет да улучит минуту, чтобы всплеснуть русалочьими грудями, великолепной белизны и формы... Тьфу, пропасть! Чувствую себя Фалалеем перед суровыми очами Фомы Фомича Опискина: "Какой сон снился тебе, Фалалей?" И я с рыданием отвечаю: "Про белого бычка!"

В чудном, прекрасном далеке все так ясно разделилось: Россия — в сердце, Совдепия — на географической карте; Русь — христова, Совдепия — антихристова. В пасхальном возгласе "Христос воскрес!" (по радио из зарубежного храма) я чувствую привкус двухтысячелетнего еврейского обещания: на следующий год в Иерусалиме! Есть даже (в те же годы возник) образ Небесного Кремля у любимого мною Даниила Андреева (формально жившего в Москве, но эмигрировавшего мистически, в мир своих видений). Через Андреева я многое могу понять. Я привык к положению Другого и не могу отмахиваться от Другого: мне всегда хочется понять Другого, превратить "Оно" в "Ты". Но от того, что я пойму некоторые благородные мотивы, которые привели к очень неблагородной травле Терца, дело, скорее всего, не измениться. Зарубежью не хочется понять Терца, не хочется понять Белинкова, а потому и не можется. И дело тут не в "России-суке". Белинков Лермонтова вспомнил (того самого, которого скрытно вспоминает и Солженицын, в главе "Голубые погоны": "И вы, мундиры голубые..." На самом деле погоны у внутренних войск — синие, голубые у летчиков). Все равно — встретили "Страну рабов, страну господ" холодной враждебностью. Не тот дух. И Синявскому не помогло бы, если бы он перевел крик своего сердца на латынь Катулла: "Россия-мать, Россия-предательница."[1] Я ненавижу тебя и люблю (odi et amo), уезжаю — и уношу с собой в сердце русскую тоску...

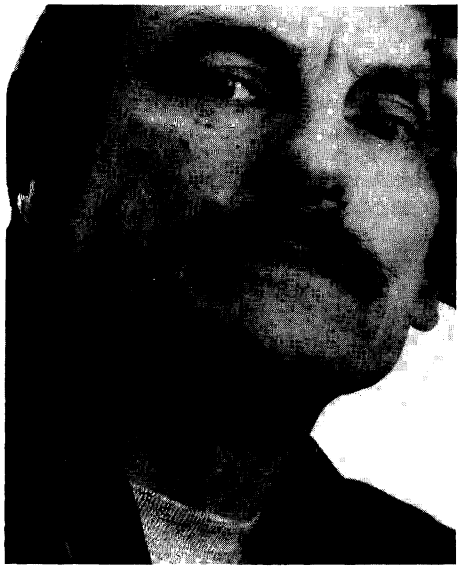
Господи, как трудно понять Другого! "Другой отнимает у меня мое пространство. Существование Другого — недопустимый скандал" (Сартр). Как легко отбросить целый мир — даже не лагерный с его двусмысленными ценностями, а огромный, как Китай, — и как трудно понять его внутреннюю жизнь! И не броситься вдогон за "Россией-сукой", как прогрессивная интеллигенция 1908-го года за фразой Гершензона из "Вех", как Жданов — за обезьянкой Зощенко!

●

[1] Сука (по-лагерному) – предатель (предательница). Пол не имеет значения.

ДОЖДЬ — ЭТО ПРОСТО ДОЖДЬ

ВСТРЕЧА С АНДРЕЕМ ТАРКОВСКИМ



Известный советский кинорежиссер Андрей Арсеньевич Тарковский находится длительное время на Западе, где он создал свой последний, пока еще не известный зрителям в СССР фильм "Ностальгия" и поставил на сцене лондонского театра "Ковент Гарден" оперу Мусоргского "Борис Годунов". Мы публикуем запись беседы А.Тарковского с нашим корреспондентом, швейцарской журналисткой Ириной Геерк. Беседа состоялась в Лондоне в феврале этого года.

И.Г.: Как чувствует себя в Советском Союзе известный художник и, следовательно, привилегированный человек?

А. Т.: В каком смысле привилегированный?

Я хотела сказать: человек, который может быть, ощущает свою известность как бремя...

Если говорить о бремени привилегий, то ко мне это не относится. Привилегированный человек у нас Бондарчук, знаете такого? А что касается известности и как я к ней отношусь, — да никак. Этот вопрос меня никогда не беспокоил. Конечно, для меня важно серьезное отношение к тому, чем я занимаюсь, важно быть уверенным, что то, что ты делал, не было ошибкой... Публика в СССР и здесь, в Англии, а еще больше в Германии, относится ко мне со вниманием, — это дает право быть уверенным в своей правоте. Преимуществ это не дает.

Но все-таки дает возможность лучше работать?

В общем, да... Пожалуй, успокаивает. Хотя большого значения не имеет. Есть люди, которые умеют этим пользоваться, любят общаться с журналистами. Я не люблю. Меня еще ни разу не удовлетворило то, что появлялось в печати после разговора с журнали-

стом. Не в том смысле, что мне не делали комплиментов... но, видите ли, это всегда было совсем не то, о чем мы говорили.

Я тоже журналист.

Я не хотел вас обидеть. Мне только хотелось сказать, что мне всегда в тягость общение, основанное лишь на том, что мое имя известно. Меня всегда это немножко раздражает.

Почему?

Когда люди беседуют, у них должно быть что-то общее. А журналист задает вопрос не потому, что он его интересует, а ради того, чтобы иметь записанный ответ. Разговор сам по себе для него несущественен. Короче говоря, это не очень естественное общение.

Вас интересует естественное общение с людьми?

По-моему, это более или менее важно для каждого. Я очень часто вижу огромную неестественность в публичных отношениях людей. Много суеты, и в общем-то бессмысленной. Разговор кончается тем, что появляется статья в газете – а смысла в ней никакого. Не подумайте, что я кокетничаю. Я снимаю картины и стараюсь высказать в них то, что для меня важно, вот и все. Вы спросили, я ответил.

Я вижу, вы в принципе отрицаете базу для нашего разговора.

Нет, почему же? Может, что-нибудь и получится. Кажется, Гете сказал: хотите получить умный ответ, умно спрашивайте.

Когда я смотрела ваши фильмы, у меня было чувство близости к вам. А когда я узнала, что вы в Лондоне, я подумала, нельзя ли использовать интервью как повод для знакомства... Мне хотелось задать вам вопрос.

Пожалуйста.

Я не зритель, а зрительница. И я заметила, что в ваших фильмах повторяется довольно традиционный образ женщины. Это женщина загадочная или женщина любящая, но она всегда – придаток, дополнение мужчины. Доминирует мужской мир. Что вы скажете об этом?

Мне трудно представить себе внутренний мир женщины, я даже как-то об этом не думал. Но мне кажется, что он должен быть связан с миром мужчины. Одинокая женщина – это ненормально.

А одинокий мужчина – нормально?

Да. Это даже нормальней, чем когда мужчина не одинок. Наверное, поэтому в моих картинах или вовсе нет женщины, или она появляется, так сказать, по необходимости. Во всяком случае, там, где женщина присутствует, в "Зеркале" или в "Солярисе", она зависит от мужчины. Вам это не нравится?

Я не вижу себя в этом мире. Это мужской мир.

Вы считаете, что если вы живете общей жизнью с мужчиной, то скорее он должен зависеть от вашего внутреннего мира?

Нет. У него свой мир, у меня свой.

Но это невозможно. Если ваш собственный мир отделен от мира мужчины, это значит, что у вас с ним нет ничего общего. Если мир не становится общим, отношения безнадежны. Настоящие отношения меняют весь внутренний мир, а иначе вообще непонятно, для чего все это... Мне всегда была непонятна способность некоторых женщин... впрочем,

лучше я вам расскажу. Вчера я был нездоров и случайно видел по телевидению два любопытных интервью. Одно из них было с Брижит Бардо, поразительное по тому, с какой яркостью в нем была продемонстрирована фантастическая глупость этой женщины, ее — как бы это выразиться — ненужность. И было совершенно очевидно, что она этого не понимает. Второе интервью было с Бет Девис. Вы знаете ее; по-моему, это лучшая американская актриса. Она-то как раз большая умница. Ей сейчас 75 лет. Знаете, что она сказала? " Я люблю быть замужем." Мне это показалось диким, вернее непонятным, потому что это означает, что женщина живет сначала с одним человеком, потом отношения прекращаются, она становится женой другого и так далее, словно замужество — это болезнь, после которой выздоравливают, а потом заболевают снова. Может быть, это именно оттого и происходит, что она всегда старалась жить в своем собственном мире и боялась раствориться в чужом.

Разве вам лично не приходилось встречать женщин, которые не хотят растворяться в мире мужчин?

Я не мог бы общаться с такой женщиной.

Почему бы вам самому не раствориться в ее мире?

Я нерастворим. И потом мне кажется, что смысл жизни для женщины, весь смысл женской любви заключается именно в способности к самопожертвованию. Я не знаю ни одного примера, когда бы женщина, которая старается сохранить в неприкосновенности свой внутренний мир, стала по-настоящему великой.

Вы нас всех просто замуровываете в эту роль. А ведь эта роль настолько стара, что...

Как можно говорить о любви как о старой роли? Послушайте. Это, конечно, дело сугубо личное. Но я уверен, что в любом случае внутренний мир женщины очень зависит от чувств, которые она испытывает по отношению к мужчине, потому что, как бы вам сказать... чувство женщины тотально. Она символ любви, а любовь, по-моему, во всех смыслах самое высшее, что есть у человека на земле.

Меня немножко удивляет ваше требование к женщине любить "тотально." Любите ее сами, а что она будет делать, это уж ее дело.

Я никакого поведения женщинам не предписываю. Ну, хорошо. Живите в своем мире, а я буду жить в своем, и до свидания.

Все-таки мне непонятно. Растворение — очень опасный путь. Потеряешься, и ничего не останется. Ведь этот путь через мужчину — это длилось веками, это вошло в наши гены... Не удивляйтесь тому, как я реагирую на ваши высказывания. Я, может быть, сама склонна к этому растворению.

И слава Богу.

По-вашему, этим можно гордиться?

Конечно. Поймите меня правильно: я ничего не требую. В таких случаях требовать невозможно. Это просто случается или не случается. И если не случается, то значит, чего-то самого важного в жизни не произошло. Хотя, может быть, так безопасней. Я бы сказал, такие отношения — когда люди остаются более свободными, более независимыми друг от друга, — такие отношения находятся на уровне нынешнего феминизма, смысл которого, по-моему, не столько в желании утвердить какие-то социальные права, сколько в стремлении доказать свою похожесть на мужчину. Вот это меня как раз и удивляет. Женщины, с которыми мне приходилось говорить на эти темы, как будто совершенно не понимали своей уникальности, не понимали, что утратив ее, утратив внутренний мир, который не может быть таким, как мир мужчины, они перестанут быть естественными. Словом, я не понимаю, зачем женщине равенство. В конце концов мы же не требуем

равных прав с марсианами. Свобода не в искусственном равенстве. Они как будто не догадываются, что каждый из нас, будь то мужчина или женщина, свободен, если хочет быть свободным.

Как вы считаете: женщина может стать крупным политиком?

Вы имеете в виду госпожу Тэтчер?

Допустим.

Как политик она ведет себя, с моей точки зрения, совершенно правильно. Вам может нравиться или не нравиться, допустим, ее поведение во время событий на Фолклендах, но политик, который хочет нравиться всем, — плохой политик; политик — это тот, который чего-то добивается. Но если вернуться к нашей теме, то я должен признаться, что для меня нет ничего более неприятного, чем женщина с хорошей карьерой.

Я хочу вернуться к началу нашего разговора. Моя претензия к вам заключается в том, что в ваших фильмах я не вижу женщину как самостоятельного человека. Она всегда — лишь элемент в мужском мире.

Но в Москве женщины говорили мне, что мне удалось проникнуть в их мир. Им самим этот мир казался герметичным, и они были удивлены... Впрочем, вы, конечно, вправе смотреть на вещи по-своему. Могу только сказать, что, например, мать в "Зеркале" — не выдуманный образ. Это фильм о моей матери, и он основан на подлинных фактах. Там нет ни одного эпизода, сочиненного сценаристом.

Согласитесь, однако, что героиня "Соляриса" — это женщина, которая попросту не может существовать без... без этого человека.

Вам это кажется неестественным?

Этот вопрос я скорее хочу задать вам. Что побеждает: любовь или личность женщины?

Не знаю. Могу только сказать: женщина никогда не победит мужчину. И еще: остаться мужчиной во многих смыслах так же трудно, как женщине остаться женщиной. Но беда в другом. Беда в том, что мы живем в таком обществе, в такую эпоху, когда духовность человека — я говорю о массовом человеке — крайне низка. Мы с вами сидим и спокойно рассуждаем — и не знаем, проснемся ли мы завтра живыми, потому что достаточно какому-нибудь сумасшедшему нажать кнопку, и с планетой будет покончено. Я думаю, что и взаимное непонимание мужчины и женщины объясняется прежде всего этой бездуховностью. Устранить социальное неравенство — это еще не все. Если человек не знает, зачем он появился на свет, для чего он живет, то это неизбежно приведет к тому, к чему мы, собственно, уже и пришли. К счастью, женщины не так любознательны, как мужчины...

Что вы хотите этим сказать?

То, что начиная с эпохи Возрождения человек занялся главным образом материальными проблемами, к которым относится и так называемая проблема познания, поглотившая мужчин.

Мне хотелось бы еще немного поговорить о ваших фильмах. Как вам работается в чужой стране?

Разница между условиями работы там и здесь, конечно, есть. Но не принципиальная. Здесь очень сильна коммерческая нагрузка, а я не умею снимать картины, которые зависят от чьей-то воли.

Но здесь вы можете работать бескомпромиссно.

Соглашаться на компромиссы я в своей работе так или иначе не в состоянии. Поэтому мне совершенно все равно, где работать. Я просто знаю, что вот это я не умею делать, а умею делать другое. О коммерческой же нагрузке я упомянул потому, что в Советском Союзе мне не приходилось думать о деньгах.

Вас не смущает, что ваш отец – известный поэт? Поэзия – нечто вечное, а кино преходяще.

Среди искусств нет ни важных, ни неважных; в этом смысле я не вижу разницы между кинематографией и поэзией. Есть стихи хорошие и плохие, и то же можно сказать о фильмах. Разумеется, кино моложе. Но есть фильмы, которые не стареют.

Все считают, что ваши фильмы полны символов. Не могли бы вы об этом что-нибудь сказать?

Вопрос сложный. Видите ли, я враг каких бы то ни было символов. Для меня символ – слишком узкое понятие, уже потому, что оно расшифровывается. А художественный образ не расшифровывается. Он просто – эквивалент мира, в котором мы живем. Когда мне говорят, что дождь в моих картинах – это символ, я с этим не согласен; это совсем не символ. Это просто дождь, который в какой-то момент становится очень важным для персонажа. Мне, например, кажется, что в последней моей картине все достаточно просто. Во всяком случае, нет таких сложностей, как в предыдущих фильмах. На вас ведь все равно не угодишь. Что бы ты ни делал, будет миллион вопросов... Но откровенно говоря, я мало думаю о зрителях. Откуда я знаю, как относится ко мне какой-нибудь Джон Смит в Лондоне или Вася Иванов в Москве? Претендовать на то, что я знаю его внутренний мир, я не могу. Единственное, что я могу делать, это говорить моим собственным языком... пытаться вести диалог со зрителем.

Собираетесь ли вы снимать кино в Швейцарии?

Да нет, как-то в голову не приходило.

Можно спросить у вас о ваших планах?

Планы? Планы вот какие: хочу сделать "Гамлета". Для этого мне придется пробыть года три на Западе. Без "Гамлета" не хочу возвращаться. Но сначала надо найти деньги, написать сценарий. Сценарий у меня пока еще не готов. Снимать буду с английскими актерами.

Почему именно "Гамлет"?

Потому что вопрос о самоубийстве и смысле жизни, перед которым стоит Гамлет, – это вопрос, перед которым сейчас оказалось все человечество.

Вы полагаете, что эта проблема поставлена у Шекспира в наиболее приемлемой для нас форме?

Конечно, я постараюсь решать ее иначе. Не потому, что у Шекспира нет идеи, а потому что мне нужно найти эквивалент для него в совершенно другом жанре. Классическая драматургия не годится; нужна совершенно другая форма. Поживем – увидим. ●

Лев ДРУСКИН

ЛАДО ГУДИАШВИЛИ

Из песен о городах мне больше всех нравится "Тбилисо". Этот город для меня — в моем положении — почти такая же несбыточная мечта, как Мадрид или острова Зеленого Мыса.

Но жизнь подкидывает неожиданные сюрпризы.

Приносят письмо.

Выясняется, что наш приятель женился на грузинке, перевелся в Тбилисский театр и зовет Лилю в гости.

Лиля заметалась: и ехать хочется, и меня не оставишь. Но я почти силой заставил ее купить билет. "Пусть отдохнет хоть немного," — думал я, но была у меня и еще одна цель.

Юра Варшавский рассказал, что у художника Ладо Гудиашвили хранится лафитничек, куда он перелил из стопки недопитый Пастернаком коньяк. И я попросил жену хоть одним глазком взглянуть на этот священный сосуд — может, получатся стихи.

Впрочем, стихи о Тбилиси я уже написал:

Никого мы не видали,
Этих стен не покидали,
И явились мы на свет:
Я на улице Кахидзе,
Ты на улице Табидзе,
И сомнений в этом нет.

Сомнения есть, накладка: улицы Кахидзе в Тбилиси не существует. Вот что значит писать стихи заранее.

А на вопрос, заданный в день приезда, — как попасть к Гудиашвили? — взрыв смеха и ответный вопрос:

— А как в Москве попасть к Косыгину?

Ну и ну!

Оказывается, Гудиашвили — последний из могикан, национальная гордость, и знаменит не менее, чем Пантеон.

И все же законы гостеприимства превыше всего, грузины разбиваются в лепешку, и в воскресенье Лиля стоит перед двухэтажным особнячком на улице Кецховели, и в руках у нее рекомендательное письмо от какого-то Хута Кутателадзе, которого она и в глаза не видела.

"Я вошла в красивую парадную и поднялась на несколько ступенек.

Читаю надпись: "К Багратиону — два звонка."

Уже интересно.

Поднимаюсь дальше по широкой старинной лестнице.

Громадная площадка. Передо мной — на большом расстоянии друг от друга — три двустворчатых двери. Левая, очевидно, в квартиру художника. На ней табличка: *ВЛАДИМИР ДАВЫДОВИЧ ГУДИАШВИЛИ.*"

Лиля звонит. Долго не открывают. Потом раздается какое-то слабое шарканье, и открывается почему-то правая дверь.

Высовывается сухонький старичок — во всей видимости, привратник. В бежевой вязаной кофте, в мягких туфлях.

— Вы к кому?

— Я к Владимиру Давыдовичу Гудиашвили.

Пауза.

— Вы из издательства?

— Нет, я из Ленинграда.

Ответ идиотский, но идиотизм дальнейшего опрокидывает все. Привратник что-то бормочет, кажется, просит обождать.

И закрывает дверь.

Снова молчание. Потом слабое шарканье возобновляется. Оно приближается, гремит цепь, щелкают замки, начинается долгое открывание лилиной двери.

Лиля думает: "Прямо Плюшкин какой-то!"

Наконец путь свободен: "Входите, пожалуйста."

"Я вошла и обалдела. Мне даже нехорошо стало.

Все три двери ведут в одну квартиру. Прихожей нет, попадаешь сразу в комнату (какое там комнату, — залу!), огромную, дворцовую, с лепным потолком, с наборным паркетом. Солнце бьет в высоченные итальянские окна.

Посредине, во всю длину зала — немыслимой красоты стол, сразу напомнивший мне стол в Китайском дворце в Ораниенбауме, тот, на котором красуется охотничий сервиз (восемьсот предметов!), заказанный Екатериной.

Сервиза, правда, не было, но роскошь так ослепляла, что хотелось спросить: "А где же трон?"

Кресла, затканные серебряной парчой, сверкали новизной, будто за их спинками не стояли века."

Самый пошлый советский поэт Эдуард Асадов, ослепший на войне, в одном из стихотворений сообщает, что он видит глазами партии. Я многого не вижу сам, но в подобной ситуации смотрю не глазами партии, а чаще всего глазами своей жены, и — уверяю вас! — у нее отличное зрение.

— Раздевайтесь, пожалуйста, — сказал Гудиашвили. Лиля уже поняла, что это он.

Лиля сняла куртку, но положить ее на это великолепие было бы кощунством. И она сунула ее за спинку кресла.

Вдоль стола, с двух сторон (с одного взгляда не сосчитаешь!) выстроились стулья, обтянутые сиреневым бархатом. Ладо отодвинул два стула, сели.

— Чем могу быть полезен? — спросил он очень мягко.

Неожиданно для себя Лиля ответила восточным комплиментом:

— Ну чем же еще, кроме того, что вы меня впустили?

Однако шок не проходил.

Стены были густо завешаны картинами. Со всех сторон уставились усатые кацо и грудастые Тамары. Наверняка здесь были и хорошие, но Лиля понимала, что из-за невероятной пышности рам она все равно ничего не рассмотрит.

Она сидела и материла про себя Юру Варшавского.

— Я думала, — рассказывала она потом, — что за идиот! Неужели он не мог предупредить меня, что я попаду не в мастерскую художника, а во дворец или в музейную галерею. Я бы подготовилась, по-другому оделась, знала бы, как себя вести..."

А тут она водила глазами по стенам с притворным интересом, и взгляд ее то и дело непроизвольно срывался вниз, упираясь в бархат и парчу.

Гудиашвили заметил ее смущение. И положил на стол несколько альбомов с рисунками.

Это были сюжетные вещи, смешные и страшные, немного напоминавшие "Капричос", исполненные остроты и таланта.

Особенно Лиле запомнились два сюжета:

Даная — нагая и прекрасная, в нетерпении приподнявшаяся на локте, — со всем антуражем: с золотым ливнем, с любопытным лицом служанки, выглядывающим из-за занавеси... А на постель по узенькой приставной лесенке поднимается чудовище во вкусе Гойи — ушастое, с большой головой.

И подпись: "Мадам, не пора ли переменить позу?"

Другой рисунок.

Книги, книги — тома громоздятся на тома. И где-то между ними таращится голова полузадохшегося, полураздавленного человечка.

Гудиашвили улыбается:

— Пастернак уверял, что это он.

Ага, — Пастернак! На ловца и зверь бежит. Лиля спрашивает про лафитничек.

— Пойдемте, — говорит Ладо просто.

"Мы вошли в соседнюю комнату, и первое, что я увидела, — портрет Пастернака с сильным, летящим лицом. Превосходная работа!

А в стеклянном нутре музейного столика виднелся тот самый графинчик и, честно говоря, не производил большого впечатления. Он был чересчур нарядный, с алыми медальонами, а игра света на гранях не позволяла определить, есть ли там заветный глоток коньяка или давно уже испарился.

Я подумала, что у Владимира Давыдовича нехватает вкуса и, повернувшись, сразу же в этом убедилась.

Полкомнаты (о нет, совсем не маленькой!) занимала кровать времен Людовика XIV или XVI, я ведь ничего не понимаю в стилях. Точь-в-точь на таком же шикарном ложе возлежала в каком-то кинофильме Элизабет Тейлор — маркиза или королева.

Я испытала даже чувство некоторой неловкости от того, что старые люди спят в неправдоподобной голливудской постели.

— Расскажите мне подробнее о Пастернаке, — попросила я.

— О, — сказал Гудиашвили, — это лучше может сделать моя жена. Она немного нездорова, но пойдемте.

Третья комната, как и следовало ожидать, была уже не серебряной, а золотой. Ручки кресел выгибались причудливыми грифонами. Но еще с порога я услышала:

— Ладо, мы старые больные люди — мы никого не принимаем.

Он растерянно и торопливо произнес что-то по-грузински, но это ее не остановило:

— Ходят, умереть спокойно не дадут.

В дверях неслышно возник молодой человек — секретарь:

— Владимир Давыдович, к вам министр финансов Грузии.

По-моему, Гудиашвили был даже рад возможности извиниться и на несколько минут исчезнуть."

Когда Ладо ушел, он оставил приоткрытой дверь в четвертую комнату, и оттуда шибануло такой роскошью, что Лиля наконец разозлилась.

Она с яростью вспомнила наши нищие пенаты, умершего от голода Филонова, нашу прекрасную художественную интеллигенцию, не имевшую за душой ничего, кроме души.

Да зачем нашу? А Пиросмани?

Было что-то стыдное в демонстративном, бьющем отовсюду богатстве, стыдное и несовместимое с искусством.

Лиля думала:

"А не слепнет ли он от настырного блеска, не оттого ли стал хуже писать? Ведь в Грузии в годы молодости расписана им не одна церковь."

И не далее как вчера в такой церквушке приблизился к Лиле потрепанный молодой человек и попросил рубль "на пропой души Сережки Есенина".

И на фоне фресок Гудиашвили эта просьба показалась странной и даже поэтичной.

Жена художника лежала и читала книгу.

— Я могу уйти обратно в мастерскую? — сделав нахальное ударение на последнем слове, спросила Лиля.

— Конечно.

"Вернувшись в залу, я вдруг подумала, что это не мастерская. Красками тут и не пахло, было физически невозможно представить хотя бы крохотное пятнышко на бесценном паркете.

Может быть, это квартира, а мастерская где-нибудь еще?

Я подошла к окну, и ко мне, успокаивая, подошли строки:

Над горой Мтацминда дымка.
Ты грузин, и я грузинка.
На столе лежит лаваш,
За окном гудит Тбилиси,
И в каком-то высшем смысле
Это первый город наш.

В "первом городе" не было мяса. Шашлыков я не пробовала ни разу. В поразительно гостеприимной семье, где я жила ("Клянусь своим здоровьем, я сейчас же умру, если вы этого не покушаете!"), мясной обед — купаты, щедро засыпанные зеленью, — подавали только дважды.

Вошел Гудиашвили и опять очень мягко извинился.

Я пригляделась к нему, и он мне неожиданно понравился — особенно ресницы: один волосок белый, другой черный, один белый, другой черный, и так все время.

Чтобы замять неловкость, он вернулся к Пастернаку:

— Вот здесь, за этим столом, мы пировали, и Паоло Яшвили, подвижный, как юноша, попросил: "Ладо, дай уголь!"

Он подставил лесенку и высоко на стене вывел автограф. А потом поднялся Борис. Он был высокий, и ему не понадобилась лесенка. И под гру-

зинским четверостишьем Паоло он написал свое — русское. И другие тоже писали.

Гудиашвили секунду молчит, мучаясь моим ожиданием.

— А в тридцать шестом я очень боялся, и пришлось закрыть это шпалерами.

Я все еще на что-то надеялась. Я думала, что шпалеры — это какая-то ткань или гобелен. Но перед глазами — стена, закрашенная коричневой масляной краской.

Ладо говорит виновато:

— Уголь непрочный. Он бы все равно осыпался.

Я не выдерживаю:

— Но ведь вы могли перерисовать или сфотографировать?

И тихий ответ, как будто идет разговор двух близких людей:

— Мог. Но я очень боялся.

И совсем виновато:

— Самое ужасное, что я ничего не запомнил.

Это горькое признание. Но я стараюсь быть справедливой: я вспоминаю, как один известный московский поэт уничтожил из боязни посвященные ему последние стихи Марины Цветаевой.

Но я вспомнила и Елену Сергеевну Булгакову, которая, вернувшись с похорон, села за пишущую машинку и, ожидая каждую минуту ареста, перепечатала весь булгаковский архив и раздала по верным людям, чтобы не пропало ни строчки.

И не пропало ни строчки!

Ну что ж, не всем быть героями: об этом говорил даже Солженицын.

Увожу тему, спрашиваю:

— А у вас и сейчас, наверное, бывет немало поэтов?

Он отвечает:

— Разумеется. На днях нас навещала Белла Ахмадуллина.

О, представляю! Вот уж кто чувствовал себя здесь, как рыба в воде!

Уходить еще неудобно, тяну светскую беседу: спрашиваю, много ли он работает?

Но ответ человеческий — не светский:

— Да, много. У меня это как болезнь. Ведь мне уже скоро уходить.

Он говорит о смерти обыденно, без трагизма.

И усмехается:

— Тут у меня был Шкловский и сказал: "Встретил на улице давнего врага — обрадовался. Бросились друг к другу, обнялись. Ведь старые оба — чего уж там!"

И, словно продолжая разговор о старости, спрашивает:

— А как вам понравился старый Тбилиси?"

И Лиля представляет себе голубые и белые дома (развалюхи и подновленные), беспорядочно и живописно налепленные вразброс на разных уровнях и висящие (буквально висящие — хоть глаза закрывай от страха!) друг над другом и над Курой.

По вечерам они насквозь просвечены электричеством, а весь день кажется, что они насквозь продуваются ветром.

Узенькие улочки круто уткнулись в небо. Есть такая, что по ней зимой на машине можно съехать только сверху вниз.

На булыжнике квохчут куры. Одна из них вчера поднялась к Лиле на верхний этаж.

Лиля (что уж тут поделаешь — жена!) опять вспоминает мое стихотворение о Тбилиси:

Где та улочка с горбинкой
И прогулочка с запинкой?
Где твои колокола?
Где Давид, глядящий в воду?
Я еще здесь не был сроду,
Да и ты здесь не была.

Не была... А теперь она здесь, в чудесном квадратном дворике. Три стены домов и одна стена — зелени. А на веревках хлопает белье, и грузины с гордостью говорят:

— Что вы хотите, это же Италия!

Но улицы упираются в небо, а лестницы — они все снаружи — почти вертикальны. По ним ведь надо таскать и тяжести.

А во дворе колонка — значит, водопровода нет. А инфаркты и инсульты есть — как же без этого?

И Лиля честно отвечает:

— Мне, конечно, понравился старый Тбилиси, но мне очень жаль людей, которые в нем живут.

Ладо понимает намек, но не подает виду.

Беседа продолжается. Пора бы уже и распрощаться. Под окном гудит машина. Может быть, это какой-нибудь знатный иностранец?

Кто же сидит перед Лилей: живой человек или достопримечательность города?

Живой, живой, — успокойтесь!

Вот он подходит к стене, бережно отдвигает черную шелковую занавеску, и Лиля ахает:

— Модильяни!

Да, два рисунка Модильяни, слегка пожелтевшие, — время беспощадно. Но как не узнать эту дивную линию? Помните, как одной такой линией очерчена Ахматова?

Гудиашвили рассказывает:

— Мы сидели в Париже, в "Ротонде", и он нарисовал незнакомую девушку соседку.

Он хотел подарить ей эти рисунки, но той не понравилось: непохоже.

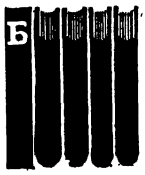
Тогда он протянул их мне:

— Возьми, Ладо, тебе пригодится.

На его глазах слезы.

— Это самое дорогое, что есть в моем доме, — говорит он.

И за эти слова мы — я и Лиля — простили ему все. ●



ПИСАТЕЛЬ В КРУГУ ГЕРОЕВ

Вышедшее в Париже двухсотстраничное исследование Эмиля Когана о Солженицыне не встретило в русских "кругах" – если не считать маленькой рецензии в журнал "22" – ни ответа, ни привета. Этому не следует удивляться. Читатели А.И.Солженицына и всего, что о нем пишется, уже давно разделились. Для одних он по-прежнему великий писатель земли русской, у которого есть только один достойный соперник – Лев Толстой. Для других это скорее бывший писатель. Поэтому внимание могут привлечь лишь те статьи или книги, где четко выражена одна из двух точек зрения; книга, из которой невозможно извлечь простую мораль, оставляет и поклонников, и хулителей в недоумении.

Необходимость поставить точки над i ставит критика в трудное положение. Публично посягать на Солженицына значит навлечь на себя обвинения в святотатстве. Кажется, трудно представить себе более корректные формы, чем те, в которые облек свой спор со знаменитым писателем Григорий Померанц. Ответ был далеко не столь уважительным, а одна дама (Дора Штурман) определенно высказалась в том смысле, что критиковать Солженицына, не продавшись большевикам, невозможно.

Кроме того, времена меняются. Молодежь теряет интерес к нашим темам, ко всему, чем мы жили. То, что для старших было сенсацией, оставляет ее равнодушной. Обнаруживается расселина, в которую постепенно и неудержимо сползает уходящее поколение. И кто знает, не окажется ли в один прекрасный или ужасный день, что Солженицын со всеми его томами речей и очерков литературной жизни для этой молодежи попросту прошлогодний снег.

Удивительно другое. Как бы ни оценивать эволюцию Александра Солженицына, это прежде всего писатель, художник слова, и, по крайней мере для нашего поколения, писатель, сумевший поднять достоинство русской литературы на такую высоту, как это не удалось сделать, пожалуй, ни одному из его современников. Этот подвиг, совершенный в Советском Союзе, выдвинул его на близкое, но не совпадающее с ролью писателя амплуа мыслителя века. Тут успехи были скромней, но вопреки распространившемуся мнению Солженицын не перестал быть писателем. Напротив, главное произведение еще только воздвигается на наших глазах. И вот оказывается, что публицистические выступления – статьи, интервью, инвективы против либералов и плюралистов, морализирование по поводу того, что люди забыли Бога и т.п., – заслонили от критиков и читателей литературу. Написанные наспех, в сердцах, языком, который больше напоминает Гладкова и Артема Веселого, чем Толстого, эти тексты возбуждают толки, читаются и обсуждаются, тогда как художественное творчество в лучшем случае удостаивается равнодушных похвал. Книг о Солженицыне-романисте нет.

В этом смысле и книга Э.Когана не исключение, однако ее тема – не политические или философские взгляды писателя как таковые, а его политическая психология, то, каким образом жизненный опыт бывшего советского гражданина, участника войны и заключенного претворился в его мировоззрение историка и политического мыслителя. Материалом же для суждений об этой психологии служит не публицистика, а художественное творчество последних лет – роман "Август Четырнадцатого". Такой подход, сам по себе оригинальный, опять-таки ставит книгу в промежуточное положение.

Почему же не обратиться к текстам, где черты писателя как политической личности проступили ярче всего, к тем же статьям, к интервью? Автор книги "Соляной столп" отвечает на этот вопрос. Нельзя противопоставлять взгляды писателя его творчеству; нелепо думать, что художественное исследование действительности совершается вопреки тому, что сам художник думает об этой действительности. Историко-революционная эпопея Солженицына, насколько о ней можно судить по первому роману, – произведение, где "сливаются в нерасторжимое целое художественный и публицистический корни", и лучшего предмета для размышлений автора в избранном им направлении не найдешь.

Роман представляется ему глубоко противоречивым. С одной стороны, писатель – противник исторического детерминизма (или фатализма) и вовсе не думает, что революция была неизбеж-

---

Э.Коган. Соляной столб. Политическая психология А.Солженицына. 1982.

на, что монархия только и ждала толчка, чтобы рухнуть, что в самом историческом прошлом России будто бы были заложены предпосылки к тому, чтобы на развалинах империи возникла другая, еще хуже. А с другой стороны – поведение действующих лиц романа и прежде всего положительных героев во главе с любимцем писателя полковником Воротынцевым наглядно показывает их беспомощность в этой прекрасной стране. Вопреки тому, что говорилось о невозможности противопоставлять политическое кредо романиста его художественной интуиции, Солженицын – таков вывод автора – подводит читателя к мысли об исторической обреченности старого режима. Война просто делает очевидной эту обреченность. Бездарный штаб, бездарное правительство, безвольный, хотя и симпатичный, царь; общая глухота и слепота, и неспособность понять, что страна катится в пропасть. Поляризация противоборствующих сил – косной верхушки и подлинных патриотов, революционеров и строителей, немцев и русских – столь велика, что грозовой разряд неизбежен. Все это проанализировано Э.Коганом с блеском и глубиной, от которых мы отвыкли, без какой-либо предвзятости по отношению к Солженицыну, наоборот – в уверенности, что мы имеем дело с подлинно великим художником. Противоречия не снижают художественной ценности романа в глазах исследователя, не охлаждают его энтузиазм. Вообще книга Эмиля Когана – очень талантливое сочинение, в своем роде тоже почти художественная вещь.

Но в ней самой есть бросающееся в глаза противоречие.

"Солженицын – великий реалист. И он выражает наиболее приемлемый и осуществимый вариант миропорядка, к которому в настоящий момент склоняется его немое отечество."

"Нравственный максимализм писателя приводит в романе к резкому разграничению зон добра и зла. Солженицын избегает постепенных переходов от света к тени, психологической зыбкости и оправдательных полутонов."

"Художественно-публицисти ч е с к и й жанр... Идейная оголенность образов, их независимость от вяжущего психологизма обеспечивает им в принципе высокий уровень свободы действия и обостряет чувство ответственности перед историей."

"Автор открывает Россию глазами Сани Лаженицына... Всюду, где бы мы ни побывали, нас встречает изобилие, дешевизна, разнообразие и удобство налаженной жизни."

"Имущие персонажи наделены сердцем и широтой взглядов. Революционеры узки, самонадеянны, истеричны."

"Простые люди не ропщут на свою судьбу. Трудовая Россия работает, засучив рукава, и не слышит марксистских сирен."

"Русский народ... предстает в эпопее христианским народом. В нем не редкостью были такие натуры как Благодарев, ординарец Воротынцева... В них есть нечто подкупающее, благородное, сокровенное, и автор явно любуется ими... Черты, которые в прежних произведениях могли быть лишь достоянием праведников, становятся национальной, морфологической общностью изображенного Солженицыным народа."

"Все что ни есть честного, серьезного, добросовестного в романе..., стекается в лагерь работников и патриотов. Для них Россия – превыше всего и в первую очередь превыше личных, групповых, сословных, партийных интересов... Этический барьер отделяет их от остальных героев романа."

"Поручик Ленартович, активный социал-демократ..., занимается агитацией в армии." (Ничего не выходит.) "Зато в образованном кругу его понимают с полуслова... Как рыба в воде, чувствуют себя ленинские эмиссары в культурной и буржуазной среде... По модели Солженицына, значительная часть русской интеллигенции больна отщепенством, отравлена либерально-народническим, социалистическим ядом и становится объективной соучастницей гибели России."

Автор не исказил Солженицына. Во всяком случае, у него и в мыслях нет усомниться в высоких художественных достоинствах эпопеи "Красное колесо". Солженицын – великий реалист. Это произносится как нечто бесспорное. Широкое эпическое дыхание. Необычайная глубина проникновения в суть событий, в характеры и чувства людей; точность деталей. Замах Толстого. Но посмотрите, что получается.

Действующие лица романа четко подразделяются на положительных и отрицательных; чтобы все было ясно, они, как в кино, наделены соответствующими внешними приметами. Персонажи не обременены сложной психологией, решает дело их мировоззрение, ответственность или безответственность в решающий исторический момент. С одной стороны – искренние патриоты, с другой – заговорщики, бесы, которые ждут удобной минуты, чтобы погубить Россию. На одном полюсе – честный, трудолюбивый, довольный своей жизнью народ. На другом – гнилая интеллигенция. Так или примерно так располагаются, согласно трактовке Эмиля Когана, человеческие фигуры и общественные группы в романе выдающегося художника. Что подумал бы читатель, например советский читатель, если бы судил о романе и о художнике по этому изложению? Он подумал бы, что речь идет о книге, написанной по канонам идейной беллетристики конца прошлого века, а пожалуй что и о романе в стиле социалистического реализма. Все признаки этого стиля: партийность, народность и т.д. – налицо. Идеология? Но ведь не идеология, а принципы организации повествования, способ моделировать мир, литературный стиль в пи-

роком смысле слова, или, если воспользоваться термином, заимствованным из другой области, литературная п а р а д и г м а, – определяют облик художественного произведения. Идеология, впрочем – хотя бы и с обратными знаками, – только усиливает, по жестокой иронии судьбы, сходство этой прозы с литературой соцреализма. Однако последнее слово принадлежит не критику, а читателю. Этому читателю, сегодняшнему или завтрашнему, зарубежному и, будем надеяться, советскому, предстоит решить, насколько прав в своих оценках писателя и его героев автор книги "Соляной столп". ●

Борис Хазанов

●

ЖЕСТОКИЙ МИР СВОБОДЫ

Жаль, если те, кто причисляет себя к правым, консервативным кругам, воспримут эту книгу как свою бесспорную победу, а те, кто причисляет себя к левым, прогрессивным, – как нечто бесспорно чудовищное.

Ибо она поучительна и для тех, и для других.

Лишь на восьмидесятой странице я обнаружил фразу, после которой мне кое-что стало ясно, – в ней все же звучит некоторое сомнение: "Пожалуй, – пишет автор, – нет затеи более безнадежной, чем пытаться сравнить жизнь двух противоположных систем – тоталитарной и демократической. Сколько ни пробуй, проблема лишь все более запутывается. Что ни скажи – и верно, и не верно. Даже метафоры никакой придумать не удалось" (стр. 80).

Не будем забывать о том, что Буковский – жертва послесталинского террора. Двенадцать лет тюрем и лагерей сделали его специалистом, чей опыт трудно оспорить. Буковский предал гласности весьма важные подробности об условиях содержания заключенных, он умно и саркастически анализирует всю ситуацию. Незабываемы его рассказы о разнообразных формах психиатрической пытки.

Тем, кому его свидетельство кажется сомнительным, следует вспомнить, что рассказывают и продолжают рассказывать беженцы об истязаниях в Турции, о пытках в Чили. Беглецы, изгнанники, эмигранты часто встречают недоверие. Пока, наконец, их показания не подтвердятся – подчас слишком поздно.

И не стоило бы отмахиваться от горьких наблюдений Буковского, от его анализа, выстраданного жизнью, – особенно тем, кто, пусть даже искренне, называет себя "друзьями Советского Союза", кто побывал там с официальными делегациями и вернулся очарованный и ослепленный.

Пожалуй, Буковский даже преуменьшает число этих друзей СССР и недооценивает их влияние. Советскому Союзу удается – в определенной мере и до определенного времени – подкупить часть западноевропейской элиты. Но в этом отчасти виноваты и такие авторы, как Буковский. Даже этот, столь одаренный, тонко чувствующий и аналитически мыслящий человек, – хотя ему и не удалось найти убедительную метафору для противопоставления двух систем (а кому это удалось?), – даже он судит о коллизиях некоммунистического мира лишь постольку, поскольку они отличаются от советских условий. Недовольные, бунтующие студенты, – ну кто же станет спорить, в СССР их арестовали бы, и судьба их была бы плачевной! А здесь, на Западе с ними ничего плохого не происходит, – если, конечно, они живут не в Мексике, не в Гватемале, не на Гаити, не в Чили.

Пронзительную боль свободы, которую захватывающе описывает Буковский, эту боль время от времени испытывают и правительства демократических государств. Свобода, которой пользуются студенты, причиняет боль и тому, у кого она есть, и тем, против кого она направлена: пресыщенным, сонливым парламентариям и достойным их правительствам.

"Быть может, у кого-то возникает впечатление, что я всерьез верю в эти "измы", причем сам как бы отстаиваю капитализм, считая его панацеей. Это, разумеется, не так. Просто социализму сейчас уж очень радуются, как чему-то благому. В сущности, никто не знает, что это такое. Социализмов столько же, сколько и социалистов, а раздражает меня то, что такое большое количество людей в мире верит, будто можно решить человеческие проблемы простой перестройкой общественных структур" (стр.187–188). С этим можно согласиться – особенно, если внимательно прочесть другое место, чуть ниже: "Не знаю, быть может, мы, пожившие при социализме, обжегшись на молоке, дуем на воду. Быть может, действительно, здешний социализм какой-то другой, и результаты у него будут другие. Только отмечая постоянное зловещее сходство – людей, заблуждений, попыток, – мы испытываем чувство нарастающего беспокой-

---

Книга В.К.Буковского издана в ФРГ под названием "Эта пронзительная боль свободы" ("Dieser stechende Schmerz der Freiheit", Siewald Verlag 1983).

Название оригинала: "Письма русского путешественника"

ства" (стр. 198). И с этим, пожалуй, – хоть и не без некоторых оговорок, – я соглашусь. Да, Советский Союз не создал нового человека. Это все тот же ветхий Адам; его можно купить, он берет взятки. Но хочется все же спросить: а как быть со старым капиталистическим человеком, который и не чаял обновления, у которого вовсе не было никаких социалистических иллюзий, – что станет с ним?

Что делать жертвам капитализма, на что им надеяться? Что можно им предложить: модель Манилы, модель Парагвая, или, может быть, пример Гаити? К чему стремился в свое время Агостиньо Нето в Анголе, чего хотел Фидель Кастро на Кубе? Поначалу они не ставили своей целью воспроизвести советскую модель. Они мечтали о демократическом социализме, но осуществить эту мечту им не удалось. А так как они не хотели и "чистого" капитализма, их силой загнали в социалистический лагерь. Загнали именно капиталисты, антикоммунизм которых – даже не состояние духа, а инфекционная болезнь.

Можно пожалеть о том, что многие эмигранты, изгнанники из СССР, так слабо разбираются в проблемах и конфликтах стран, находящихся за пределами советского блока.

Мое уважение к Буковскому, к его судьбе, к его прежним книгам, к его саркастическому уму слишком велико, чтобы я мог равнодушно пройти мимо его политической аргументации, попросту махнув рукой на его прямолинейную критику Запада.

Ну кто же здесь у нас может всерьез хотеть социализм советского образца? Сомневаюсь, чтобы к нему стремились даже коммунисты, – во всяком случае, те несколько сот членов западных компартий, которые отважились – краснея и, может быть, втайне содрогаясь – прочесть книги изгнанников из России. Им, конечно, полезно читать книги Солженицына, Евгении Гинзбург, Буковского и многих других. Но вот беда: слишком часто впечатление от публикаций эмигрантов портят претенциозность и высокомерие, с которыми они пишут о Западе или дают ему советы. И эта небрежно-залихватская критика западного мира заставляет многих читателей усомниться в том, ч т о эти авторы пишут о Советском Союзе. А это уже трагично. Возникает опасность, что подлинная угроза, которая исходит от советской пропаганды, маскирующей свои империалистические цели, не будет распознана именно оттого, что одновременно, походя цинично вышучиваются проблемы Запада как не стоющие внимания.

Печальным, даже роковым оказалось и то, что многие изгнанники из различных стран, где властвует политический террор, встречаются здесь, на Западе как противники.

Воображаю разговор между турецким профсоюзным деятелем (кто знает, быть может он даже коммунист) и "обжегшимся на молоке воспитанником реального социализма", как называет себя Буковский. Почему такие встречи не могут происходить без брани, без взаимных обличений? Неужели те, кто спасся от застенков страны, где у власти диктатура правого толка, те, кто стремится изменить политический строй в Турции, представляют собой опасность, сходную с той, которую несет советская система?

Вопрос в том, какова мера терпения у людей, живущих в условиях, подобных турецким, и есть ли у этих людей какой-нибудь выбор. Решать это может лишь тот, кто поставит себя на их место, – а не тот, кто заранее уверен в том, что его оппонент сознательно клевещет и занимается пропагандой.

Неужели Буковский, умный, культурный и наделенный воображением человек, не может представить себя уроженцем не Москвы, а скажем, Манагуа? Как бы он почувствовал себя, если бы ему пришлось жить при Сомосе, испытав на самом себе диктатуру убийц, сумевших восстановить против себя даже консерваторов? И жить там отнюдь не в привилегированном положении! Решился бы он столь снисходительно говорить о "стабильных диктатурах" в малых странах? Пятьдесят тысяч погибших – это что, мало? Разве нормальное правительство будет продавать на международном рынке консервированную кровь, которая была пожертвована пострадавшим от землетрясения? И разве нормально, что каждый день в мире умирают от голода сорок тысяч детей? А если бы даже умер один единственный ребенок, – в этом тоже был бы виновен социализм, все равно какой – скрытый или правящий?

Вот так российская мегаломания на большевистский манер, вывернутая наизнанку, оборачивается равнодушием к нищете, страданиям, унижениям, к жизни и смерти в некоммунистическом мире.

Буковский высказывает много разумных соображений. Он описывает пронзительное, болезненное чувство свободы, которое охватывает человека, прибывшего на Запад после двенадцати лет советской тюрьмы. Он видит обилие товаров, бесчисленные рекламы, всевозможные виды и формы "паблисити". Все так. Но справедливо ли говорить о "каком-то постоянном празднике или ярмарке", правомочен ли вывод: "Беззаботность – вот, пожалуй, наиболее точное определение царящей здесь атмосферы"? Может быть, это и верно, если говорить о двух-трех улицах вокруг вокзала в Цюрихе, где фланирующие бездельники занимаются не приобретением жизненно необходимого – еды или одежды, а особым способом убивать время – "шоппингом". Хождение по магазинам как самоцель, от пресыщенности, оттого, что не знают, куда девать деньги, – и уж, конечно, не потому, что ощутили в груди "пронзительную боль свободы"...

Оценка западного образа жизни, сводящаяся к понятию "беззаботности" (каковое превращает-

ся в ту самую метафору, которую автор тщетно искал), должна была бы насторожить и тех, кто превозносит книгу Буковского как некий триумф антикоммунизма. Ошибка, допущенная Буковским применительно к Западу, такого же рода, как оптический обман, которому поддались многие ездившие в Советский Союз, где их устраивали в особых отелях, показывали парадные достопримечательности, возили на встречи со специально подобранными чиновниками.

Так ли уж в самом деле беззаботен западный мир, как настойчиво подчеркивает Буковский, и если беззаботность – характерный признак этого мира, то какой именно его части: Франции, Перу, Филиппинских островов или, может быть, Федеративной Республики? И неужто единственный вид озабоченности, который можно все же заметить, – это страх перед социализмом? Может есть страх и пострашнее – страх за собственную систему, которая представляется все более хрупкой? Миллиардные суммы долга, эти столбцы астрономических цифр, – разве они не воспринимаются как угроза того, что вся система превращается в абсурд?

Когда, видя немыслимое изобилие игрушек и развлечений, какое предлагает рынок детям на Западе, Буковский с горечью восклицает: "По сравнению с этими пацанами у нас не было детства", – его горечь оправдана. Но разве можно все свести к дефициту электронных и подобных им побрякушек? Может быть, стоит вспомнить о миллионах детей, которые на первом году жизни становятся старичками и умирают, вообще не дожив до детства? Как, каким словом назвать детство в трущобах гигантских городов Северной и Южной Америки? Кто лишил детства ребят, обитающих в этих джунглях, – неужели коммунизм?

Буковский укоряет жителей американских трущоб за то, что они позволяют своим домам разрушаться. В некоторых городах – в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне – это действительно так. Хотя и тут стоило бы поговорить о соотношении разных видов собственности. Но истинные, гигантские трущобы в Лиме, Мехико, Каракасе и едва ли не во всех других крупных городах Латинской Америки, эти скопища жилищ, построенных из картона, из консервных банок, – кто виноват в том, что они существуют? Их обитатели? Или, может быть, угроза коммунизма?

Повторяю, мое уважение к Буковскому слишком велико, чтобы я мог спокойно воспринимать такие легкомысленные, скажу больше – бесчеловечные высказывания: "...коль ты заболел, то все здоровые в ответе, коли бедный – разумеется, богатые виноваты. Чисто детская эгоцентричность и столь же детское нежелание признавать какие-либо ограничения." Глубоко ошибочное суждение, граничащее с клеветой. Знает ли Буковский, с какими именно "ограничениями" вынуждены мириться две трети человечества?

Он находит возможным утверждать, что здесь, на Западе, благотворительность, то есть обязанность заботиться о неимущих, – хотя, собственно говоря, зачем, если они, словно неразумные дети, не желают признавать ограничений? – благотворительность осуществляется только государством. Он так и пишет: "Это уж не мое дело, я ведь плачу за это налоги. В результате моральный долг помощи превратился в юридическую обязанность..." Значит, все же надо помогать беднякам, этим недорослям и эгоистам? Автору "Писем русского путешественника" следовало бы поглядеть, как происходят сборы пожертвований, – а ведь они устраиваются по нескольку раз в неделю. Сколько собирают денег, и без всяких юридических обязательств!

Жаль, что умный, остро чувствующий человек, сам наученный жизнью, совершает подобные промахи. Ему не приходит в голову, что та пронзительная боль свободы, которую он описал так проникновенно и убедительно, – это вечная боль и тех, кто всегда жил в условиях свободы.

Можно понять, почему тот, кому довелось жить при "реальном социализме", не может слышать самого слова социализм. Так же, как те, для кого реальное христианство веками было связано с капиталистической эксплуатацией, не очень-то жалуют слово "христианство". Это слово лишь теперь приобретает новое звучание – когда церковь отстаивает не только права имущих. Однако новые горизонты христианства создают именно те епископы, священники, монахи, которых постоянно подозревают в том, что они стали коммунистами.

Чеслав Милош – его-то уж в этом никак не заподозришь – писал в связи с историей Литвы: "Эпопея христианского подвижничества обернулась эпопеей грабежа, насилия и убийств, и черный крест стал на долгие времена знаком несчастья страшней чумы."

Буковский справедливо жалуется на то, что книги изгнанников из Советского Союза, их отчаянные призывы не всегда встречают сочувствие. Но не потому ли, что убедительность их рассказов о советской жизни ослабляется их поверхностными суждениями о нашем мире? Это уже не слепота, а что-то худшее, когда Буковский называет американские военные усилия "недостаточно энергичными и глобальными", упрекает США не в агрессивности, а, напротив, в нерешительности, в чрезмерном прагматизме, а развивающимся странам рекомендует более или менее стабильные диктатуры правого толка. "Всего этого, – говорит он, – не знают и в пылу своей революционности, конечно, и не в состоянии понять люди, выросшие под властью "стабильных диктаторов". Итак, с одной стороны "плохие ребята" американцы, с другой – "хорошие ребята" советские коммунисты" (стр. 283).

Но так примитивно не воспринимают ситуацию в мире ни революционеры, ни прочие жители

стран со стабильной диктатурой. Даже филиппинские коммунисты не хотят системы такой же, как советская. Они хотят другой, чем та, которую учредил их "железный мотылек". И никакие предостережения, наставления, проповеди литераторов из СССР, которые рекомендуют им мириться с диктатурой "железного мотылька", потому что она предпочтительнее советской, – им помочь не смогут.

Между тем стабильных диктаторов стабилизируют именно Соединенные Штаты, а население развивающихся стран воспринимает это как американскую агрессию. К сожалению, этого не могут опровергнуть никакие рассказы об ужасах советской диктатуры.

Буковский обесценивает свой анализ советской системы тем, что в качестве альтернативы предлагает стабильные военные диктатуры. Нищета, пытки, голодная смерть – все это ведь угрозы более непосредственные, чем призрак далекого сталинизма, которым пугают жителей этих стран.

Буковский приводит примеры человечности, сохранившейся и в советской системе: то, как обращаются со стариками. Или его поразительный рассказ о дискуссии, которую заключенные Владимирской тюрьмы вели о смертной казни. Только один из одиннадцати участников предложил казнить партийных вождей.

Остроумно, умно и метко анализирует он хорошо известное нам явление, которое советскому литератору, даже столь проницательному, кажется совершенно необъяснимым: западные издательства в отличие от советских являются коммерческими предприятиями, но ставят своей целью издание книг, – некоторый вид весьма трудно распознаваемого идеализма. Книги выпускаются, чтобы их продать. Это обстоятельство сбивает с толку писателей не только в социалистических странах, где тиражи зависят от распределения фондов бумаги, где они определяются не коммерческими, а политическими соображениями. Там издаются огромными тиражами мемуары Брежнева, которые потом пылятся на полках магазинов, там каждая книга, которая обещает быть хоть чуточку нескучной, будет немедленно куплена и проглочена. Там просто нет свободного книжного рынка. И вот литератор, приехавший оттуда, видит необозримое множество литературы. Он и не подозревает, сколько стоит издание одной книги. Он изумлен, оскорблен тем, что издательство решило выпустить его книгу тиражом всего лишь в семь с половиной тысяч экземпляров; ему невдомек, что иной издатель радрадешенек, когда удается продать три тысячи экземпляров книги, которая не только понравилась ему, но и удостоилась внимания критики. Все это непредсказуемо, все это озадачивает даже нас, живущих в этом мире. Но и это – проявление все той же свободы, которую подчас ощущаешь как пронизывающую боль.

У того, кто знает, сколько требуется усилий, подчас многолетних и упорных ходатайств, публичных выступлений и частных переговоров, сколько писем и телеграмм должно быть отправлено, на которые не получаешь ответа, – прежде чем удается вытащить из Советского Союза одного единственного человека (в то время как сановные "посланцы советской культуры" лихо разъезжают за казенный счет туда и сюда), у того, кто со всем этим знаком, не остается никаких иллюзий относительно советского строя. Он знает, как попираются там права человека, как людей арестовывают и очень редко – лишь отдельных счастливцев – отпускают.

Владимир Буковский сумел удержаться от трескучего религиозно-патетического тона. Лишь однажды упоминает он христианство – говоря о том, что христиане добровольно раздавали свое добро. Однако в "Деяниях апостолов" рассказывается об Анании и Сапфире, которые были наказаны за то, что скрыли свое имущество от общины.

Да, печально и горько, что большинство авторов, изгнанных из СССР, зациклившись на своих думах о ненавистной системе, – это, впрочем, их полное право, – так скоропалительно судят о Западе. Повторю слова Буковского, процитированные вначале: "Пожалуй, нет затеи более безнадежной, чем пытаться сравнить жизнь двух противоположных систем – тоталитарной и демократической. Сколько ни пробуй, проблема лишь все более запутывается. Что ни скажи, и верно, и не верно. Даже метафоры никакой придумать не удалось."

Метафору он все же придумал – метафору о беззаботности, метафору о вреде государственной благотворительности, в которой повинны все те же проклятые социалисты. И он, с трудом спасшийся от ужасов тоталитарного строя, не моргнув глазом, рекомендует другим "стабильные диктатуры", ужасы которых ежедневно испытывает на себе множество людей. Те, кто живут на Гаити, вряд ли так скоро испытают пронзительную боль свободы. Во всяком случае не раньше, чем США перестанут "стабилизировать" пресловутого Бэби Дока как истинного борца против коммунизма.

И еще одна цитата из книги Буковского – слова, с которыми я вполне согласен и над которыми стоило бы задуматься самому автору: "В сущности, никто не знает, что такое социализм. Социализмов столько же, сколько и социалистов..."

Кто знает, может быть, настоящий социализм окажется иным и принесет иные плоды? ●

Генрих Белль

(Перевод Р.Орловой и Л.Копелева)

КОРОЛЬ БЕЗ ПЬЕДЕСТАЛА

В Стокгольме произошел маленький скандал. Отцы города отвергли предложение поставить памятник королю Густаву VI Адольфу.

Король умер в 1973 г. на девяносто втором году жизни. Правил он 23 года и был последним шведским монархом, о котором можно сказать, что он в самом деле управлял страной: после реформы 1971 г. корона утратила какие бы то ни было реальные политические функции. Нынешний венценосец, сын Густава Шестого, представляет что-то вроде почетного иждивенца нации: ему выплачивается более чем скромное содержание, ни один из королевских замков, включая красивейший дворец на острове Риддархольмен в столице, ему не принадлежит.

Густав VI Адольф был известен не только тем, что он был не чуть ли самым популярным в народе королем после Карла XII (почему и возникла идея воздвигнуть ему памятник). В двадцатые годы будущий монарх, историк по специальности, руководил археологическими раскопками в Греции, Южной Италии и на Кипре. В возрасте 88 лет он снова участвовал в раскопках, на этот раз в Швейцарских Альпах близ итальянской границы, где было обнаружено крупное поселение этрусков. Король был одним из виднейших специалистов по китайскому искусству. Наконец, он внес крупный вклад в историографию собственной страны.

Несколько веков подряд шведский трон боролся с риксдагом: короли настаивали на демократических преобразованиях, парламент сопротивлялся. Из чего следует, что в этой диковинной стране всегда было все наоборот. Глава управления по делам искусств города Стокгольма объяснил отказ соорудить монумент Густаву VI Адольфу тем, что демократическому государству это ни к чему. Да и денег жалко. Вот она, благодарность истории...

●

В тексте статьи В.Белоцерковского "Необходимо рабочее самоуправление", помещенной в предыдущем номере, редакция при подготовке статьи к печати опустила ссылки на книгу автора "Свобода, власть и собственность" (Ахберг, 1977) и газету "Русская мысль" № 3191, 1977 (отзыв А.Сахарова на эту книгу). В части тиража стр. 75 и 76 расположены в обратном порядке. Была также сокращена и изменена концовка статьи. В опубликованном варианте статья заканчивается абзацем:

"Но и демократическое движение в СССР не готово к серьезному обсуждению экономических реформ. В 1956 г., в начале хрущевской оттепели, никакой серьезной конструктивной программы у тогдашних либералов не было. Понятно: мы едва только выбрались на свет Божий из-под тоталитарных глыб. С тех пор прошло почти 30 лет – срок огромный. Но как в 56 году начали с общих слов о децентрализации, так на них и застряли. Сколько событий было за это время! И, наверное, в этом виноваты не только КГБ и КПСС. Если вода не течет, то загнивает..."

Принося извинения автору, восстанавливаем по его просьбе первоначальный текст:

"К чему же приводит такая полная невозможность говорить о конструктивных идеях, хотя бы с той степенью свободы, которая была у польских коллег Заславской еще во время военного положения?

В 56-м году никакой серьезной конструктивной программы не было у наших либералов. Хорошо, тогда мы впервые из-под тоталитарных глыб повылазили на свет Божий. Но вот уже 28 лет прошло с тех пор. Срок огромный в XX веке. Сравним, вся бурная история советской власти в 20 лет уложилась от 1917 года до своего фактического конца в 1937. Гитлеровская эпоха со Второй Мировой войной 12 лет заняла. А тут – 28 лет! С общих слов о децентрализации начинали – на них и застряли. А за это время была венгерская революция 56-го года и польские события того же года. И опять же там и там к рабочим советам люди рванулись. И была еще Чехословакия 68 года – огромный кусок истории, вместившийся в три квартала. И Польша 68, 70 и 76 годов и вот, наконец, настала эпоха "Солидарности". А у нас все на том же уже доисторическом уровне, и в легальных сферах, и в диссидентских. И, наверное, не только КГБ и КПСС в том виноваты. Но как бы там ни было, а свято место пусто не бывает, и заносятся в томящуюся без засева землю и дают всходы иные "конструктивные" зерна – "национально-религиозного" авторитаризма, например, или дзэн-буддизма, а там, глядишь, дошло дело и до празднования дня рождения Гитлера!

Иначе, если вода не течет, то загнивает". ●

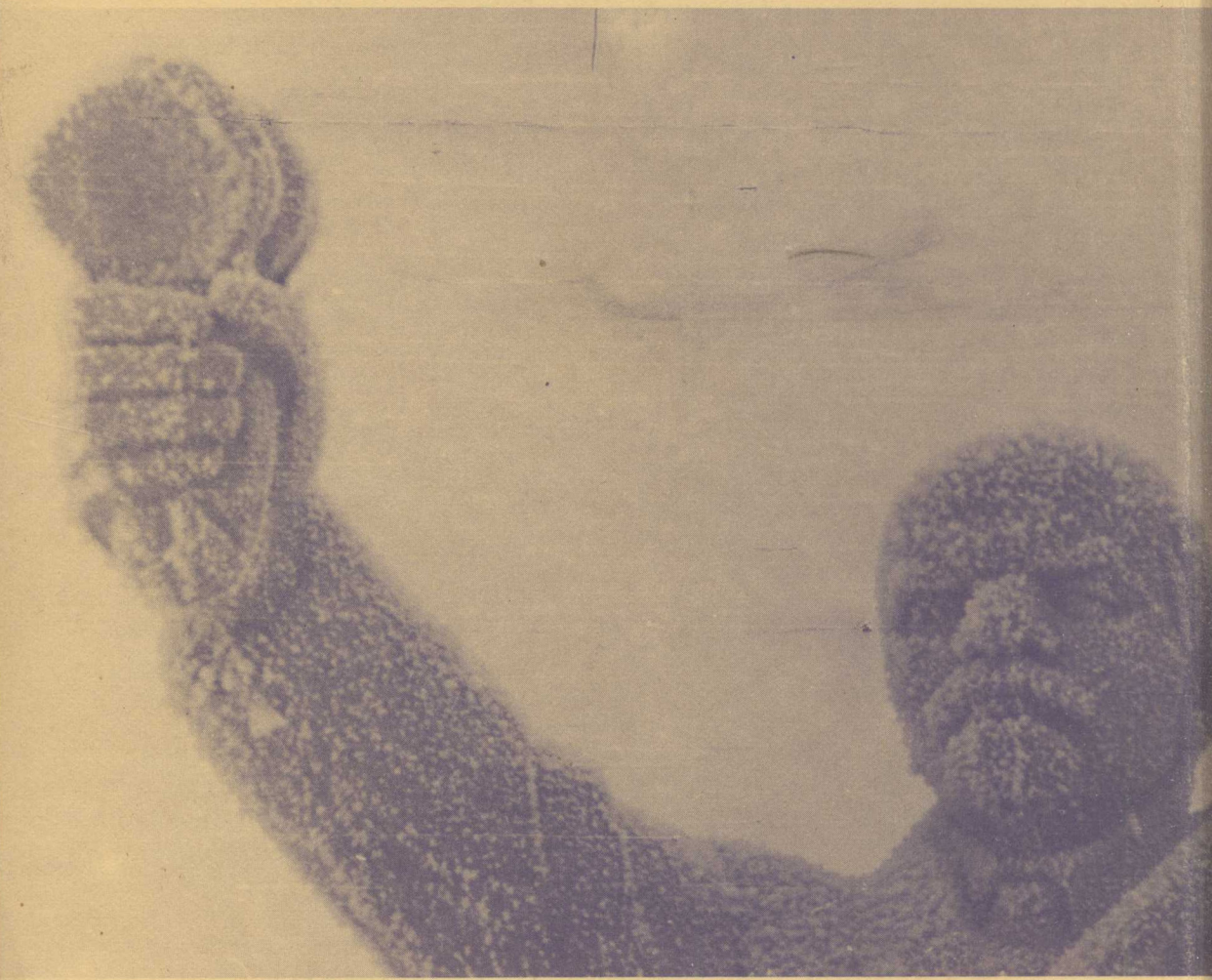
Ни одному человеку природа на дает права распоряжаться другими людьми. Свобода — подарок небес, и каждый вправе располагать ею в той же мере, в какой он располагает своим разумом. Если существует авторитет, установленный самой природой, то это лишь авторитет родителя; но и отцовская власть имеет свои пределы и тотчас прекращается, коль скоро дети научаются сами руководить своим поведением. Всякий же иной авторитет происходит не от природы. Откуда же? Присмотревшись, мы всегда обнаружим один из двух источников: либо сила и принуждение сумевшего захватить власть, либо согласие людей следовать установленному или молчаливо подразумеваемому договору, каковой они и обозначают словом "авторитет".

Власть, основанная на насилии, есть не что иное как узурпация и существует лишь до тех пор, покуда сила того, кто властвует, способна подавить волю подчиненных; и если эти последние в свою очередь обретают силу и мужество сбросить иго насилия, то они во всяком случае будут не менее правы, чем тот, кто навязал им эту власть. Один и тот же закон создает и разрушает авторитет насильственной власти — закон сильного...

Власть же, которая зиждется на добровольном согласии народа, необходимым образом предполагает условия, делающие ее полезной для общества и выгодной для государства; эти условия определяют ее границы и не позволяют власти переступить их. Ибо человек не может и не должен всецело подчиняться власти другого человека: над ним есть высший господин, и лишь ему он принадлежит без остатка. Это — Бог, чья власть простирается на всякую тварь, государь столь же ревнивый, сколь и абсолютный, права которого не могут быть присвоены никем. Ему угодно, во имя общественного блага и поддержания общества, чтобы люди установили между собой порядок соподчинения и слушались одного из них; но он желает, чтобы послушание это было согласно с разумом и чувством меры и не было слепым и безграничным. В противном случае тварь присвоит себе прерогативы творца и послушание превратится в идолопоклонство. Преклонить колено перед человеком или портретом — не более, чем условность, о которой истинный Бог, требующий преданности умом и сердцем, ничуть не заботится; он предоставляет эти церемонии людям, так же как уступает им право определять гражданские, политические или религиозные культы. Таким образом, не обряды и церемониал сами по себе решают дело, но дух, которым руководствовались при их установлении, придает им характер справедливый или преступный. Англичанин не стыдится выразить свое почтение королю; этикет означает не более того, что хотели выразить с его помощью. Но продать свое сердце, ум, приспособить все свое поведение к нраву властителей, которые всего лишь — люди, сделать их прихоти и произвол основанием и мотивом своих собственных поступков — вот позор, вот истинное оскорбление величества: не человеческого, а Божьего.

Дени Дидро, "Политический авторитет" (Энциклопедия, 1751 г.)

Новое в лениниане:



неопубликованные документы В.И.Ленина — в следующем номере.

На фото: памятник В.И.Ленину в пос. Микунь Коми АССР – популярном месте современной политической ссылки.